

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛАЯ ПРОЗА

<i>Валерий Неудахин.</i> Перевал шамана	2
<i>Григорий Тельнов.</i> Подлинные откровения свидетелей чудес нашего века	7
<i>Валерия Орлова.</i> Челентана	21
<i>Вадим Светашов.</i> Вкус беззубки	37
Белый бурундук	38
Лесной ворнок	40
Мелочи жизни. Водопой	41
<i>Любовь Гольт.</i> Дюйма	43
<i>Евгений Мюллер.</i> Гагра-81	45
Визитные карточки	63

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

<i>Андрей-Viktoria-Андреев, Михаил Кузьмич Анисимов, Наташа Майская</i>	71
---	----

ПЕРЕВОДЫ

<i>Андрей Цырульник.</i> Переводы	86
<i>Любовь Гольт.</i> Переводы	88

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

<i>Александр Райн.</i> Перерождение	89
---	----

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

<i>Александр Железов.</i> Инти Райми	92
--	----

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО

<i>Наталия Ульянова.</i> Счастье и горе Владимира Зельдина	94
--	----

ПРОЗА XXI ВЕК

<i>Валентина Телухова.</i> Шуршали голуби на крыше (окончание)	96
<i>Оксана Нарейко.</i> Гранатовый браслет	138

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

<i>Валерий Орлов.</i> Персидская литература Иран 15—19 вв.	154
---	-----

Валерий Неудахин
(Россия, г. Бийск)

ПЕРЕВАЛ ШАМАНА

Октябрь прохладой обнял мир. В довольно уютном и достаточно дорогом кафе сидели молодой человек и девушка. Несмотря на теплый убаюкивающий воздух, одеты тепло: на нем свитер, она — в брюках и пиджаке поверх блузки. Перед ними два бокала терпкого французского вина урожая винограда последних лет. Мужчина что-то увлеченно рассказывал, теребя салфетку, и невольным движением прятал под ней указательный палец, на котором отсутствовала крайняя фаланга. Она восторженными глазами глядела на собеседника, улыбалась, утвердительно кивала головой. Словно спохватившись, поправляла локон волос, что свисая, скрывал небольшой шрам на лице, рядом с виском. Увлечению их друг другом можно только позавидовать: искрами вспыхивали и горели ее глаза, его слегка уставшая улыбка то и дело появлялась и, поиграв, исчезала в складках рта. Видимо, они встречали осень, заполонившую собой все пространство улицы желтыми и багрово-красными тонами.

И все же некая недосказанность присутствовала третьим молчаливым собеседником за столом. Что за шрамы на юных телах и лицах? Почему так одеты в столь теплый нынешний октябрь? Словно для того, чтобы отвлечь мысли, за окном появилась фигура клоуна. Он смешил своими неловкими движениями прохожих, остановился напротив стекла, увидев молодую парочку. Быстро сориентировался и разыграл сценку, в конце которой достал из кармана костюма сердечко и помятый цветок, встал на колени и склонил голову перед девушкой. Вокруг собрались гуляющие зеваки, ждали, чем закончится действие. Это развеселило собеседников и словно подтолкнуло юношу на решительный шаг. Он так долго его готовил. В руках появилась бархатная коробочка, рука протянула ее девушке. Та вспыхнула, вдруг застеснялась, взяла подарок и открыла. Кольцо!

Невольные наблюдатели за окном принялись аплодировать, присоединились и те, кто сидели за столиками в кафе. В этой праздничной, вспыхнувшей легкой аурой восторга, обстановке девушка прижалась к плечу спутника и неожиданно разрыдалась на глазах у всех. Люди, понявшие это по-своему, закричали, приветствуя сцену признания в любви. А она заходила в рыданиях и не могла остановиться. Все прижималась и прижималась к любимому. Как там, далеко в горах, на высоком холодном перевале...

Четыре месяца назад, также в кафе они обсуждали свой отпуск. Решение отправиться в горы явилось спонтанным, неподготовленным движением душ. Большой и изнуряющий мегаполис выматывал все силы работой, жизнью, вечной гонкой за лучшей долей. Даже метро своим ровным гулом подъезжающих к станции поездов порождало ежедневную суетливую торопливость, бешеный ритм жизни. Они пытались убежать от судьбы,

но убегая, мчались ей навстречу. Порождение проблем, требующих незамедлительного решения. Усталость накапливалась, а разрядить этот тяжелый комок не удавалось.

Казалось спасительным порывом возникшее решение — пойти в горы. Высказав эту мысль один раз, они не могли с ней расстаться! Уж там отдохнут от суеты, надышатся свежего воздуха, насмотрятся на природу и приобретут массу впечатлений. Физическая нагрузка их не пугала: она постоянно посещала фитнес-центр, он по утрам бегал и часто бывал в спортзале.

С тех пор они потеряли покой. Рассматривали фотографии горных ландшафтов и молодых людей на фоне горных вершин. Так заманчиво, в легкой маечке и коротких шортах в палатке с видом на снежную шапку. Немыслимые и в то же время заманчивые позы на карнизах, на камнях. Прямо над горной рекой или озером. Решено! И они принялись собираться, обсчитывать путешествие и закупать необходимые вещи. Их не интересовали агентства, которые предлагали туры и отдых на базах. Есть навигатор, который укажет дорогу. Они набросали маршрут и купили билеты на самолет. Манило полное отрешение от людской суеты, им необходимо побыть вдвоем.

Купили рюкзаки, палатку, спальники. Взяли у знакомых на время газовую горелку. Выливалось все это в небольшую сумму, так как дорогие вещи брать не стремились, что им на первый раз необходимо? Даже с сублимированными продуктами рюкзаки прилично тянули вниз, и они освободились от тяжелых теплых вещей. В крайнем случае, останутся на базе, судя по рекламным проспектам, это не станет проблемой. Отдых манил и звал, от волнения посасывало под ложечкой. Через двое суток они сделали первые шаги в сторону сакральной горы — они сознательно выбрали маршрут к этим снежным вершинам.

Ожидания оправдали себя, виды возникали один краше другого. На маршруте можно справиться и без навигатора — много групп шло в одном направлении. Но простора хватало на то, чтобы не ощущалась скученность и никто никому не мешал. Они упивались своей независимостью и свободой. Трудности, которые возникали, не страшили. Коммуникабельные и активные быстро поняли — на стоянках для ночевки, туристы держатся друг друга и располагаются рядом. Да иначе и невозможно устроиться, так как пригодных площадок мало. Промучившись, первый вечер с костром: никак не желала разгораться сырая древесина, они приготовили ужин на горелке. Скоро наметилась еще одна проблема, о которой они не подумали дома. словно в насмешку над фотографиями в купальниках на фоне снежных вершин, приходилось натягивать на себя все имеющиеся вещи и прятаться в спальник с головой. Холод донимал и до снегов еще далеко, они видели их только над кромкой тайги.

Днем камни на солнце вновь накалялись, и жаркий воздух не только согревал, но и обжигал. Так что приходилось много пить. Первые дни они кипятили воду и несли с собой. Но уже на третий, упав на землю у ручья, пили сырую, которая казалась чище и прохладнее, чем в офисном кулере. Привыкали постепенно к трудностям, успешно решали их, казалось — не так и страшно в горах. Дойдут!

В то злополучное утро не обратили внимания, что большинство туристов не вышли на маршрут. Впереди располагался подъем на перевал, вполне возможно отдыхают перед восхождением. Неприметной тропинкой двинулись вперед, благо далеко впереди виднелись рюкзаки, мелькающие между камнями. Кто-то идет группой, значит необходимо двигаться и преодолевать трудности. С таким крутым и длительным подъемом они столкнулись впервые. Казалось сердце остановится или вырвется из груди. Двигались короткими переходами: сначала по сотне шагов, затем меньше и меньше. Какие-то десять-пятнадцать шагов и задыхаешься, лямки тянут вниз и боишься отклониться от поверхности: опрокинет рюкзак назад и увлечет в падение с крутого склона. Никакая подготовка в фитнес-клубах и утренние пробежки не в состоянии дать подготовки в горах. Здесь на высоте дышится по-иному, кажется что легкие разрываются от вдоха, от количества воздуха по объему, но его не хватает, чтобы насытить кровь кислородом, и ты хватаешь воздух губами, зубами, чтобы как-то помочь организму.

К тому же разреженный воздух оказался холодным, словно с каждым вдохом проглатываешь порцию мороженого. От этого замерзает грудная клетка и весь организм, мышцы сковывает и начинается подлая дрожь во всех членах. Руки и ноги не желают слушать сознание, которое с издевкой наблюдает, как человек мучается. Выплескиваешь силы, пытаешься сделать рывок. Вот ведь вершина — рядом. Уже и снег видно, на фоне которого они так мечтали фотографироваться. Но преодолевая очередной бугор, видишь, что тропа бежит дальше к очередному горбу этого проклятого подъема. Вновь считаешь шаги. Их просто несметное количество! И в очередной раз падаешь без сил, захлебываясь высотой.

Он начал забирать ее вещи, пристегнутые снаружи, чтобы облегчить путь для напарницы. Посыпал мелкий и нудный дождь, настолько плотный, что при вдохе капли попадали в глотку, и казалось уже, что захлебываешься здесь под облаками. Они давно шли в тумане, а вернее в мокром мареве. Не могли видеть, что позади никто не идет, всех останавливали и не пускали в горы. Сводка МЧС выглядела ужасающей и не сулила ничего хорошего. Ушедшие вперед, давно оторвались и видимо спускаются по ту сторону перевала. Так что на этом склоне они в тот момент оказались одни. Холодало! Набежали свинцовые тяжелые тучи, а вернее те облака в которых они двигались несколько часов, набухли и окрасились в черные и фиолетовые краски. Дождь превратился в крупу, а затем и в мелкие иглы, что сыпались сверху. Поднялся ветер и стало непонятно откуда эти иглы кололи лицо, руки: сверху или со стороны.

Град, не крупный, но с ветром сыпал рясно, застучал по камням, покрывая окружающее пространство, которое подмерзло и превращалось в скользкий каток. Любой камень готовил сюрприз, поскользнешься и получишь травму. Он прижал ее к себе, прикрывая от ветра и града и чувствовал, как худенькое тело бьет озноб. Сам находился не в лучшем состоянии и не мог вымолвить и слова. Руки, замерзшие на ветру, култышками прижимали подругу, пальцы уже не шевелились. Понятно, что попали в зава-

рушку, необходимо думать и что-то предпринимать. Не дается подъем, впрочем, и спуск ненадежен. Не видно даже вытянутой руки.

В двух шагах от тропы углубление, он видел его на подходе, прежде чем высыпался этот ледяной заряд. Под порывами все же удалось поставить палатку. Полотно рвал из рук ветер. На грани отчаяния он сумел закрепить камнями полог, забросил внутрь рюкзаки, затолкнул уже ничего не соображающую подругу и свалился в помещение сам. Отыскал фляжку с «нз» спиртом и принялся растирать руки, стянул куртку и майку с подруги и разогревшись от движений принялся тереть спину, ноги, все до чего мог прикоснуться. Понимая, что останавливаться нельзя, выдергивал вещи из рюкзака и натягивал на обессилившую женщину, превратившуюся в изваяние. Расстелил в тесноте калиматы, развернул спальный мешок и силком втиснул в него тело. Подготовил свое место и с трудом разжёл горелку, на холоде даже газ не желал разгораться.

Спустя время в палатке потеплело, на внутренней поверхности полотнища появились капли, красивыми наплывами цеплявшиеся за ткань. Снаружи бесновался ветер, но он уверен, что камнями закрепил полог надежно. В одну минуту стихло, словно выключили вентилятор. Зашуршало снаружи по стенкам. Он догадался — пошел снег и с горькой усмешкой подумал: устроят фотосессию завтра, если... одернул себя, никаких если. Нужно жить и встречать утро, чтобы листать календарь жизни дальше.

Погасла горелка, газовых баллончиков больше нет. Они прижимались друг к другу, неосознанно рассчитывая согреть своим теплом тело напарника. Снаружи тихо. Капли превратились в ледышки, температура падала. Из рта вырывался пар и, удалившись от губ, инеем падал на спальник. Ровное дыхание порождало иллюзию спокойствия, глаза непроизвольно закрывались. Равнодушие окутывало две одиноких фигуры, прижавшиеся спина к спине. Казалось, что теплеет, дрожь прекратилась, организм не реагировал на внешние раздражители. Потеплело только потому, что сугробом засыпало убежище. Июль в горах не всегда теплый. Плохо думалось, а вскоре пришел сон. Он читал и знал из книг — нельзя засыпать! Но уже и сам потерял контроль над собой и не решался тревожить подругу.

Издаেকে, из снежной пелены послышался звук комуса. Отдельными звуками он колотился внутрь. Просился, чтобы его пустили согреться от дыхания. Послышалось горловое пение, угрожающе заполнив все маленькое пространство высокими тонами. Толкали в тело, бились в голову. Это кровь в затухающих сосудах колотилась, не желая остановиться в своем течении, и хотя бы немного, но теплила в жилах жизнь. Комус ударял в уши. Звуки громкие и пугающие, ледышками отрывались от полога и ударяли о спальник при падении. От этих ударов было мучительно больно. Не удары молота по камню, а танец воды доводит до совершенства форму гальки. Что вело их к совершенству? Вскоре и они перестали тревожить.

Послышался стук копыт пробегающего по камням коня, больно ушам. Скорее бы все стихло, они так устали! Полог палатки распахнулся, и узкое пространство разрослось до масштабов вселенной. И в этой бездонности появилась страшная фигура в одеждах шамана. В диком танце он бухал в бубен, меняя ритм. Ускоряясь, удаляясь, наплывая и заполняя собой про-

странство. Когти, клыки, цветные ленты, нашитые на одежду, пугали и успокаивали одновременно. Под звон колокольчиков ленты превратились в змей и поползли по палатке, заползая под одежду холодными жгутами. Хотелось шевелиться и отгонять их, но сил все меньше. Затем шаман скакал на коне к какому-то большому дереву, купал коня в молочном озере и наконец, опустился на колени перед группой людей.

Вновь послышалось горловое пение, и они замутненным сознанием поняли, что он просит. Просит за них, чтобы еще посмотрели на этот мир. Не пришло их время! Заструилась звездная дорога и кам начал спускаться по ней над перевалами, над реками, над людьми, стоявшими внизу и смотревшими наверх. Он вошел в палатку, с треском близкого грома разорвалось полотно, он прокричал: «Живите!!», — и растаял в пространстве...

Кто так отчаянно тряс их за плечи? В глаза бил яркий белый свет. Их вытащили из палатки, били по щекам, пытаясь привести в чувство. Радостно оповестили мир: «Живы!!»

Убежище обнаружили томские туристы. Совершенно случайно. Снег на тропе сошел и группа шла на подъем. По сторонам лежали сугробы, как свидетельство распоясавшейся стихии. Замыкающий махнул рукой на старого черного ворона, тот сорвался в полет. Осыпался снег и из-под него показался угол палатки, давно завалившейся под тяжестью сугроба.

Говорят, побывавшие один раз в горах, возвращаются сюда вновь. Ведь дом твой не там, где ты родился, дом там, где ты прекратил свои попытки к бегству. К бегству от самого себя...

Девушка улыбнулась и поправила сбившийся локон, прикрывая небольшой шрам чуть ниже виска.

Григорий Тельнов
(Россия, Москва)

ПОДЛИННЫЕ ОТКРОВЕНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ ЧУДЕС НАШЕГО ВЕКА

Часть I

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВОСКРЕШЕННЫХ

Откровения людей, переживших клиническую смерть, всегда чудесны — это весточка от Спасителя, которая радует сердце. Жизнь есть и там, за порогом смерти. Когда побывашие на том свете рассказывали мне о том, что видели и ощущали Там, их лица преображались. Мне казалось, что их озарял внутренний свет, к которому они прикоснулись, когда их душа была вне тела.

ГЛАВА 1

«Я воскрес из мертвых!»

В областной больнице в Хмельницком на Украине вернулся к жизни пациент, которого и родственники, и сослуживцы и даже медики считали трупом. Воскреснув, Борис Пилипчук дал свидетельства, взволновавшие тысячи христиан:

— Я видел величие Бога...

...Старший лейтенант милиции Борис Пилипчук умер от инсульта. Скончался в цветущем возрасте — в 37 лет. Его жена Галина в слезах шла в палату, где лежало тело мужа. Медсестра вела ее под руку. Если бы не эта поддержка, Галя не смогла бы сделать ни шагу. Могильным холодом мозг жгла мысль — там, за окованными железом дверями лежит ее любимый. Солнышко, Боричек, как называла она его. Отец ее детей — Ярослава, Толи и маленькой Олечки. Теперь у них больше нет папы...

Галина остановилась перед дверью. Подумала — еще минута, и она увидит Бориса. И с ужасом осознала, что их разделяет не эта железная дверь. Сама смерть! Рубеж, из-за которого не возвращался никто. Кроме Христа.

Галина застонала:

— Господи! Если бы ты мог вернуть мне мужа!

Тут раздался удар. Галине показалось, что зазвонил колокол. Железные створки с гулом распахнулись. И оттуда, из темной ледяной глубины какой-то неведомой силой вытолкнуло каталку. Тело, что лежало на ней, дернулось. Раз, другой. Потом еще и еще. Каталка встала на дыбы, простынь, полностью укрывавшая тело, слетела. И Галя увидела, что перед ней — Борис.

Он шагнул к ней и протянул руки:

— Я живой...

Медсестра с визгом сползла по стене. У Гали потемнело в глазах и она упала рядом.

...Пилипчук мог погибнуть еще в Афганистане в 82-м. Он тогда воевал в разведке. В одном из рейдов Борис наступил на мину. Самую страшную, самую злую из тех, которыми душманы перекрывали горные тропы. Саперы называли такие «Черной вдовой». Миноискатель их не чувствует. В корпусе ни грамма металла. Только пластмасса, взрывчатка и стеклянная ампула-взрыватель.

Взрывом Бориса подбросило вверх. Ему показалось — выше гор.

Пилипчук очнулся, когда рассеялись клубы дыма и пыли. Он лежал на тропинке, санитар накладывал ему жгут на бедро.

— Совсем оторвало? — спросил Пилипчук.

— Напрочь! — ответил санитар.

Борис приподнялся на локтях, чтобы посмотреть на рану. Нога была в крови, но вроде цела. Он обрадовался:

— Так нога на месте, а ты говоришь, что совсем оторвало...

— Так я тебе про подошву, Борька! — засмеялся санитар. — Словно бритвой ее срезало. А что маленькие осколки ногу посекали, не смертельно. Ты, браток, наверное в рубашке родился...

Пилипчук вернулся в Союз с двумя орденами на груди. И с осколком в ноге. Кусок пластмассы застрял между сухожилиями. Доставать его врачи не решились.

— Место сложное, если побеспокоить, можешь стать инвалидом. — сказал ему хирург в Ташкентском госпитале. — Лучше оставить как есть. Легкая хромота в гражданской жизни не помеха.

Знал бы доктор, что этот злосчастный осколок поставил крест на мечте его пациента.

Борис с детства хотел стать кадровым военным. И непременно десантником. После школы пытался поступить в Рязанское училище ВДВ. Но туда не добрал баллов. Поступил в Полтавское военное училище связи. Отучившись курс, заскучал:

— От этих триодов-диодов до десанта, как пешком до Китая!

Подавал рапорт на отчисление. Попал служить срочную в ВДВ. Те самые войска, о которых мечтал. А там написал еще один рапорт:

«Прошу направить в Афганистан».

Ему не отказали. Спортсмен, черный пояс по карате, да еще бывший курсант училища связи. Он воевал храбро. Про Афганистан вспоминать не любит:

— Там я выполнял приказы. Разные. Какие и как — не хочу говорить. Разведка всегда святая...

Старшину Пилипчука уволили в запас. Он вернулся в Донецкую область, пошел работать на шахту.

...Вскоре Пилипчука вызвали в милицию. Начальник протянул лист бумаги и ручку:

— Пиши заявление!

Шахтер удивился:

— Я ж вроде ничего плохого не натворил...

Милиционер рассмеялся:

— Вот именно! Честный, порядочный, к тому же спортсмен и ветеран Афганистана. Нам в органах такие люди край как нужны!

В милиции ему понравилось. Подучившись, пошел в оперативники. А там почти как в разведке...

В ночной засаде в Горловке пуля ударила его в плечо. Пилипчук, истекая кровью, повязал бандита.

— Ну мент, ты и здоров... — удивлялся потом задержанный. — Силища, что у быка.

— А ты, гад, знай, что нас и пулеметом не свалить! — рявкнул Пилипчук. А потом, пряча боль за улыбкой, повернул голову к своему напарнику:

— Козацкому роду нет переводу...

Старшего лейтенанта Пилипчука после ранения перевели в Хмельницкую область, в Старосиняевский райотдел. Поселился он в селе Новая Синявка, где жили родители жены. Стал строить дом.

...У Пилипчуков уже было трое детей. Жили с Галей вроде бы в ладу, но только на первый взгляд.

— Уж больно характер у Бори был прямолинеен и крут, — вспоминает ту пору Галина. — Это Афганистан, видно, отпечаток наложил. Перечить ему не смела. Если он белое назвал черным, то мы в семье должны были считать, что это так. А уж по службе Борис был такой ретивый, что спасу нет. Все в районе знали, что с Пилипчуком «договориться» нельзя. Ему — взятку суют, а он на это кулак в харю. Правдолюбец с буйным характером. Поэтому до старшего лейтенанта только и дослужился...

Борис жену и детей любил. Нам признался, что тогда раздражало в супруге его только одно:

— В церковь Галя бегала каждое воскресенье. Сама Богу молится, а дети в хате одни и дела стоят. Да и я свой единственный выходной хочу, чтобы жинка рядом была. Сижу раз в воскресенье дома, жду Галю, а она все не идет. До того меня эта ее религиозная блажь достала, что прямо как наваждение нашло. Решил принести из оружейки гранату и прямо с лимонкой за женой в храм явиться. Так зримо представил, как захожу, выдерживаю чеку, поднимаю гранату на вытянутой руке над головой, чтобы все видели, как медленно, один за другим убираю пальцы с рычажка. И одним взрывом всех сразу — себя, Галю, этих религиозных фанатиков, что ее с панталыку сбили...

Тогда Борис сдержался. Скрипнула дверь, вошла Галя. Обняла мужа:

— Ну, не хмурься, Солнышко! Не сердись, Боричек, я очень люблю тебя!

...Беда случилась 27 июля. Борис пришел с суточного дежурства в полдень. Зашел в хату, поел. Переоделся в спортивный костюм, вышел во двор. День был очень жаркий — плюс тридцать. Малышка Оля спала в укрытой кисеей коляске.

Борис подошел к ней. Взялся за ручку, чтобы отвести коляску в тень. И потерял сознание.

Жена Галина рассказывает о случившемся так:

— Я поняла, что случилось неладное. Борис вцепился в рукоятку так, что посинели кулаки. Потом медленно осел на землю. Я подбежала к нему — он бледный и не дышит. И тогда я закричала...

На крик прибежала соседка Валентина Кравчук. Она фельдшер, приехала на лето к родителям. Валентина послушала сердце — бьется. Руки как ватные. Дыхание еле слышное. Кравчук нахмурилась:

— Галя, похоже на острое нарушение мозгового кровообращения. Это плохо. У меня отец от инсульта умер...

Примчалась «скорая». Медики сделали какой-то укол, уложили Бориса на носилки. Он был таким тяжелым, что их несли вчетвером. Галя поехала с мужем. В приемном покое районной больницы в Старой Синяве врач пощупал пульс больному, измерил давление. Потом постучал молоточком по коленкам. Они не дернулись.

— Худо дело, — вздохнул доктор. — Сухожильные рефлексы отсутствуют. Сейчас попробуем, чувствует ли он боль.

На глазах Гали в ступню Бориса всадили иголку. Потом укололи ладони. А он даже не дернулся. Словно труп...

— Он умер, доктор? — прошептала Галя.

— Нет. Ваш муж в коме. Если удастся вывести из этого состояния, то выкарабкается. Может быть...

Сослуживцы Пилипчука подняли на ноги всю районную медицину. Привезли к Борису какого-то киевского доцента-невропатолога, который отдыхал в их районе на даче. Достали дорогие импортные лекарства, которые прописал столичный доктор.

На вторые сутки Борису стало чуть лучше. Но в сознание он так и не пришел. Потом пульс вдруг упал до 26 ударов в минуту. Медики решили срочно отправлять больного в Хмельницкий.

До областного города восемьдесят километров. И всю дорогу Галя молилась. Анестезиолог Стельмах, вкалывая больному какие-то лекарства, говорил ей:

— Только не молчите. Надо, чтобы муж постоянно слышал ваш голос. Его держат не медикаменты, а вы. Пока муж слышит вас, он жив. Ваш голос — единственное, что держит его на этом свете...

Бориса привезли в областную больницу живым. Галя не отходила от мужа ни на секунду.

Ночью 31 июля ее уговорили уйти поспать в соседнюю палату. Она сомкнула глаза лишь на час. Вернувшись, увидела лишь пустую койку.

— Где Борис? — спросила она у медсестры.

— Крепитесь...

У Галины потемнело в глазах. Ее увели в ординаторскую, сунули под нос пузырек с нашатырным спиртом. Она услышала, как зазвонил телефон. Из разговора поняла, что звонили из милиции, спрашивали, как дела у Бориса. И как врач ответил:

— Он умер...

...Борис лежал под белой простыней. Вернее, лежало только его тело. А сам Борис ощущал себя вне его. Вот так он рассказал об этом потом:

— Я видел себя как бы сверху. Рядом суетились медики, пытаюсь вернуть меня к жизни. Я стал удаляться куда-то ввысь. Быстро-быстро. Почувствовал свист в ушах. Земля исчезла. Попал в необычайное место, которое было очень светлым. Мне стало очень хорошо. Увидел широкую золотую лестницу, сияющую в лучах. По обе стороны этой лестницы были золотые перила, вдоль которых на ступенях стояли крылатые ангелы в белых одеждах с золотыми поясами. Волосы у них были белые, лица человеческие, но светящиеся, как молнии, глаза — как два светильника. Ноги и руки блестели как медные. Вокруг лестницы и под ней стояло такое множество ангелов без крыльев, что я просто не могу передать их числа. Все ангелы пели псалом. Я не знаю, на каком языке они пели, но полностью понимал значение каждого слова. Они славили Бога.

В конце этой лестницы я увидел необычайный свет. Он был яркий, но мягкий, от него исходило тепло, спокойствие, радость и мир. Этот свет наполнил меня таким восторгом, который невозможно передать словами. И оттуда, откуда лился этот прекрасный свет, я услышал: «Сын мой, зайди ко Мне, и Я покажу тебе нечто. Я дам тебе помощь». От огромного числа ангелов отделились двое и стали позади меня по левую и по правую руку. Я не поворачивал головы, не озирался, но у меня было такое ощущение, что я все вижу на 360 градусов вокруг себя.

Я ни у кого не спрашивал, где я, что со мной, что будет дальше. Чувствовал полную уверенность в себе. Я переместился на большую поляну, по которой бегали очень красивые белые кони. Посреди поляны стоял огромный город в виде куба. Увидев его, я стал к нему приближаться. Перемещаясь в пространстве, я не дотрагивался ногами до основания земли, это было как бы скольжение, и по мере приближения к городу мой восторг от увиденного становился все больше. Высокие стены состояли из разноцветных слоев, которые сверкали и переливались в сиянии света. Я видел основание города, устроенное из 12 драгоценных камней этого мира, видел жемчужные ворота, по три на каждой стене. Жемчуга ворот были очень большие. Я не измерял их, но одна жемчужина была больше двух метров, как я оценил.

Я вошел в город и замер от восхищения: он был полностью золотым. Улицы, дома, двери — все из прозрачного, как стекло, золота. Оно было очень чистым, — прежде никогда не видел такого блеска.

Я не спрашивал у ангелов, куда мне дальше идти, знал, куда иду. Было полное ощущение того, что нахожусь у себя дома. Когда я пошел по городу дальше, ближе к центру, то в одном месте увидел большое дерево. На нем висели плоды грушевидной формы размером с литровую банку. Листья напоминали липовые, но были большими, как лист лопуха. Я подошел к дереву, и мне захотелось сорвать один из плодов. Я протянул руку и восторженно изумился: рука была прозрачной. Я был готов сорвать плод, но ангел, который стоял немного позади, преградил мне доступ к плодам. Жестом он показал, что рвать не надо. Для меня было удивительно, что я без всякого сожаления или огорчения отошел от дерева.

Когда я приблизился к самому центру города, то увидел необычайно ясный поток света. Он был настолько приятным, что мой восторг продолжал

возрастать, достигнув высшей точки. Мне трудно передать словами это необыкновенное состояние своей души.

В тот момент, когда я увидел центр этого излучения, то опустил голову и почувствовал непреодолимое желание опуститься на колени. Но ангелы поддержали меня, и я услышал голос: «Сын мой, того, что Я показал, для тебя пока достаточно. Ты должен сейчас вернуться назад, чтобы возвестить славу Мою, силу и могущество, чтобы передать то, что ты увидел и услышал». Я понял, что со мной говорит Господь, и стал просить Его: «Господи, я не хочу обратно!», — на что Господь мне ответил: «У тебя есть жена и трое детей. Ты должен вернуться к ним, потому что тебе еще не время быть здесь». Тогда я снова взмолился: «Господи, я не хочу назад. Позволь мне остаться с Тобой!». Но Господь сказал мне: «Сын мой, будь кроток и воздержан, не ропщи, возвращайся назад! Ты должен рассказать о Моей славе».

В мгновение ока я переместился в пространстве на такое расстояние, что увидел Землю, больницу, каталку и жену с санитаркой за железной дверью. Когда увидел все это, то почувствовал толчок и резко опустился в свое тело. Тут же я ощутил огромную силу, которая выбила двери, каталку с телом выкатило из помещения морга. После этого верхняя часть моего тела приподнялась, простыня спала. Потом я встал и пошел...

...Борис шел по коридору. Галина, оправившись от испуга, схватила простыню и бросилась за ним.

— Мне вдруг стало неловко, что Борис совсем голый, — сказала она нам потом.

Борис вернулся в свою палату. И приказал жене:

— Звони в райотдел. Пусть срочно пришлют машину. Мы едем домой...

Галина позвонила. Путаясь, попросила прислать машину и одежду.

На том конце провода сказали:

— Высылаем. Ждите!

Прислали две. Одну — легковую — за ней. Вторую — грузовую — за Борисом.

Пилипчук удивился, увидев милицейскую форму. Водитель «Волги» поразился еще больше, увидев Бориса.

— Так ты живой? — покрылся потом шофер. — А меня послали за трупом. Приказали, чтоб в форме в гроб положить. Как офицера и ветерана Афганистана...

Борис сел в легковушку рядом с женой. Всю дорогу молчали. По пути их увидел знакомый гаишник. Побледнел, потом вскочил в свою машину и догнал еще раз.

Потом сержант дорожной службы подъехал к райотделу, подошел к начальнику. Достал из кобуры пистолет:

— Все! Больше не могу! Крыша поехала от жары. Покойный старший лейтенант Пилипчук дважды живым привиделся...

Подполковник Василий Олейник вместе с двумя замами сел в машину. К дому Пилипчука домчались мигом. И увидели, что гаишнику не привиделось. Пилипчук стоял живой и здоровый:

— Василь Васильич, хлопцы, проходите в хату!

Майор Юрий Загорский, друг Пилипчука, пришел в себя первым:

— Борька, а мы тебе уже на венки и гроб собирали...

На следующий день Пилипчук вышел на службу. Начальник встретил его сдержанно:

— Ты, Борис, езжай в госпиталь УВД. Пройди комиссию, пусть дадут заключение о здоровье.

По комиссиям Пилипчука футболили два с половиной месяца. Доктора поразились — от инсульта не осталось следов. Исчезли камни в почках. Даже тот осколок в ноге тоже исчез! Пилипчука признали годным к службе в органах МВД. Он вернулся в райотдел, стал работать оперативным дежурным. Потом вдруг, не дослужив нескольких месяцев до пенсии, уволился.

Сослуживцам свое решение объяснил так:

— После того, что я пережил, все земное не имеет значения. Я должен рассказать людям о величии Бога.

...Друзья не узнавали прежнего Бориса. Он бросил курить, пить. От прежнего крутого супермена-разведчика осталось разве только накаченное тело. Характер стал мягким, добрым ко всем и ко всему, что вокруг. Жена Галя привыкала к новому Борису долго. Седая от переживаний, вечером она забивалась в угол кровати и боялась прикоснуться к мужу.

— Конечно, я была рада, что он живой, — призналась она позже. — Но все равно было страшно. Ходила как чумная. Дошло до того, что с сахарницей зашла в хлев и высыпала песок в поило. А по ночам было просто ужасно. Лежу и думаю, что рядом оживший покойник...

Однажды утром Борис сказал жене:

— Я расскажу тебе первой, что я видел после смерти.

Галина замерла. И тогда Борис рассказал ей все. Она улыбнулась:

— Вот, ты не хотел возвращаться ко мне и детям. А говоришь, что любишь...

— Ты не понимаешь. Придет момент, и ты испытаешь то же самое у престола Господня. Смерти нет, есть переход из земной жизни в вечность. А сейчас слушай. Это Бог просил передать лично для тебя. Чтобы ты мне поверила...

И он ответил ей на те вопросы, которые были у нее в душе всегда, но она не задавала никому. Потом сказал, что их сын Анатолий, страдавший с детства ногами, поправится. И что у них будет еще один ребенок. Сынок, благословение Господа.

Игорек родился в точно названный Борисом срок.

И тогда Галина окончательно ему поверила.

ВЕРНУВШИЙСЯ С ТОГО СВЕТА

Сенсационные откровения Владимира Ефремова, чудом вернувшегося с того света, я услышал из его уст.

...Ведущий конструктор ОКБ «Импульс» Владимир Ефремов умер внезапно. Зашелся в кашле, опустился на диван и затих. Родственники поначалу не поняли, что случилось ужасное.

Подумали, что присел отдохнуть. Наталья первой вышла из оцепенения. Тронула брата за плечо:

— Володя, что с тобой?

Ефремов бессильно завалился на бок. Наталья попыталась нащупать пульс. Сердце не билось! Она стала делать искусственное дыхание, но брат не дышал. Наталья, сама медик, знала, что шансы на спасение уменьшаются с каждой минутой. Пыталась «завести» сердце, массируя грудь. Заканчивалась восьмая минута, когда ее ладони ощутили слабый ответный толчок. Сердце включилось. Владимир Григорьевич задышал сам.

— Живой! — обняла его сестра. — Мы думали, что ты умер. Что уже все, конец!

— Конца нет, — прошептал Владимир Григорьевич. — Там тоже жизнь. Но другая. Лучше...

Владимир Григорьевич записал пережитое во время клинической смерти во всех подробностях. Его свидетельства бесценны. Это первое научное исследование загробной жизни ученым, который сам пережил смерть. Свои наблюдения Владимир Григорьевич опубликовал в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного технического университета», а затем рассказал о них на научном конгрессе.

Его доклад о загробной жизни стал сенсацией.

— Придумать такое невозможно! — заявил профессор Анатолий Смирнов, глава Международного клуба ученых.

Репутация Владимира Ефремова в научных кругах безупречна. Он крупный специалист в области искусственного интеллекта, долгое время работал в ОКБ «Импульс». Участвовал в запуске Гагарина, внес вклад в разработку новейших ракетных систем. Четырежды его научный коллектив получал Государственную премию.

— До своей клинической смерти считал себя абсолютным атеистом, — рассказывает Владимир Григорьевич. — Доверял только фактам. Все рассуждения о загробной жизни считал религиозным дурманом. Честно говоря, о смерти тогда не думал. Дел на службе было столько, что и за десять жизней не расхлебать. Далее лечиться было некогда, сердце шалило, хронический бронхит замучил, прочие хвори досаждали.

12 марта в доме сестры, Натальи Григорьевны, у меня случился приступ кашля. Почувствовал, что задыхаюсь. Легкие не слушались меня, пытался сделать вдох и не мог! Тело стало ватным, сердце остановилось. Из легких с хрипом и пеной вышел последний воздух. В мозгу промелькнула мысль, что это последняя секунда моей жизни.

Но сознание почему-то не отключилось. Вдруг появилось ощущение необычайной легкости. У меня уже ничего не болело ни горло, ни сердце, ни желудок. Так комфортно чувствовал себя только в детстве. Не ощущал своего тела и не видел его. Но со мной были все мои чувства и воспоминания. Я летел куда-то по гигантской трубе. Ощущения полета оказались знакомыми, подобное случалось прежде во сне. Мысленно попытался замедлить полет, поменять его направление.

Получилось! Ужаса и страха не было. Только блаженство. Попытался проанализировать происходящее. Выводы пришли мгновенно. Мир, в который попал, существует. Я мыслю, следовательно, тоже существую. И мое

мышление обладает свойством причинности, раз оно может менять направление и скорость моего полета.

— Все было свежо, ярко и интересно, — продолжает свой рассказ Владимир Григорьевич. — Мое сознание работало совершенно иначе, чем прежде. Оно охватывало все сразу одновременно, для него не существовало ни времени, ни расстояний. Я любовался окружающим миром. Он был словно свернут в трубу.

Солнца не видел, всюду ровный свет, не отбрасывающий теней. На стенках трубы видны какие-то неоднородные структуры, напоминающие рельеф. Нельзя было определить, где верх, а где низ.

Попытался запоминать местность, над которой пролетал. Это было похоже на какие-то горы.

Ландшафт запоминался безо всякого труда, объем моей памяти был поистине бездонным. Попробовал вернуться в то место, над которым уже пролетел, мысленно представив его. Все вышло! Это было похоже на телепортацию.

— Пришла шальная мысль, — продолжает свое повествование Ефремов. — До какой степени можно влиять на окружающий мир? И нельзя ли вернуться в свою прошлую жизнь? Мысленно представил старый сломанный телевизор из своей квартиры. И увидел его сразу со всех сторон. Я откуда-то знал о нем все. Как и где он был сконструирован. Знал, где была добыта руда, из которой выплавляли металлы, которые использованы в конструкции. Знал, какой сталевар это делал. Знал, что он женат, что у него проблемы с тещей. Видел все связанное с этим телевизором глобально, осознавая каждую мелочь. И точно знал, какая деталь неисправна. Потом, когда меня реанимировали, поменял тот транзистор Т-350 и телевизор заработал...

Было ощущение всесильности мысли. Наше КБ два года билось над решением сложнейшей задачи, связанной с крылатыми ракетами. И я вдруг, представив эту конструкцию, увидел проблему во всей многогранности. И алгоритм решения возник сам собой. Потом я записал его и внедрил.

Осознание того, что он не один на том свете, пришло к Ефремову постепенно.

— Мое информационное взаимодействие с окружающей обстановкой постепенно утрачивало односторонний характер, — рассказывает Владимир Григорьевич. — На сформулированный вопрос в моем сознании появлялся ответ. Поначалу такие ответы воспринимались как естественный результат размышлений. Но поступающая ко мне информация стала выходить за пределы тех знаний, которыми обладал при жизни. Знания, полученные в этой трубе, многократно превышали мой прежний багаж!

Я осознал, что меня ведет Некто вездесущий, не имеющий границ. И Он обладает неограниченными возможностями, всемогущ и полон любви. Этот невидимый, но осязаемый всем моим существом субъект делал все, чтобы не напугать меня. Я понял, что это Он показывал мне явления и проблемы во всей причинно-следственной связи. Я не видел Его, но чувствовал остро-остро. И знал, что это Бог...

Вдруг я заметил, что мне что-то мешает. Меня тащили наружу, как морковку из грядки. Не хотелось возвращаться, все было хорошо. Все замелькало, и я увидел свою сестру. Она была испуганной, а я сиял от восторга...

Ефремов в своих научных работах описал загробный мир при помощи математических и физических терминов. В этой статье мы решили попытаться обойтись без сложных понятий и формул.

— Владимир Григорьевич, с чем можно сравнить мир, в который вы попали после смерти?

— Любое сравнение будет неверным. Процессы там протекают не линейно, как у нас, они не растянуты во времени. Они идут одновременно и во все стороны.

Объекты «на том свете» представлены в виде информационных блоков, содержание которых определяет их местонахождение и свойства. Все и вся находится друг с другом в причинно-следственной связи. Объекты и свойства заключены в единую глобальную информационную структуру, в которой все идет по заданным ведущим субъектом, то есть Богом, законам. Ему подвластно появление, изменение или удаление любых объектов, свойств, процессов, в том числе хода времени.

— Насколько свободен там в своих поступках человек, его сознание, душа?

— Человек, как источник информации, тоже может влиять на объекты в доступной ему сфере. По моей воле менялся рельеф «трубы», возникали земные объекты.

— Похоже на фильмы «Солярис» и «Матрица»...

— И на гигантскую компьютерную игру. Но оба мира, наш и загробный, реальны. Они постоянно взаимодействуют друг с другом, хоть и обособлены один от другого, и образуют в совокупности с управляющим субъектом — Богом глобальную интеллектуальную систему.

Наш мир более прост для осмысления, он имеет жесткий каркас констант, обеспечивающих неизблемость законов природы, связующим событием началом выступает время.

В загробном мире констант либо нет вообще, либо их значительно меньше, чем в нашем, и они могут меняться. Основу построения того мира составляют информационные образования, содержащие всю совокупность известных и еще неизвестных свойств материальных объектов при полном отсутствии самих объектов. Так, как на Земле это бывает в условиях моделирования на ЭВМ. Я понял, человек видит там то, что хочет видеть. Поэтому описания загробного мира людьми, пережившими смерть, отличаются друг от друга. Праведник видит рай, грешник ад...

Для меня смерть была ничем не передаваемой радостью, не сопоставимой ни с чем на Земле. Даже любовь к женщине по сравнению с пережитым там ничто...

Священное Писание Владимир Григорьевич прочел уже после своего воскресения. И нашел подтверждение своему посмертному опыту и своим мыслям об информационной сущности мира.

— В Евангелии от Иоанна сказано, что «в начале было Слово», — цитирует Библию Ефремов. — И Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». Не это ли намек на то, что в Писании под «словом» имеется в виду некая глобальная информационная суть, включающая в себя всеобъемлющее содержание всего?

Свой посмертный опыт Ефремов применил на практике. Ключ ко многим сложным задачам, которые приходится решать в земной жизни, он принес оттуда.

— Мышление всех людей обладает свойством причинности, — говорит Владимир Григорьевич. — Но мало кто догадывается об этом. Чтобы не причинить зла себе и другим, нужно следовать религиозным нормам жизни. Святые книги продиктованы Творцом, это техника безопасности человечества...

Владимир Ефремов скончался в 2006 году, спустя год после нашей с ним встречи. Когда мы прощались, он сказал мне:

— Смерть для меня сейчас не страшна. Я знаю, что это дверь в другой мир.

ИГУМЕН ПЕТР ВОССТАЛ ИЗ ГРОБА

С игуменом Петром Кучминским я встречался в Сергиевом Посаде, где он жил. Принял он меня приветливо, а я со спутником все боялся задать главный вопрос: правда ли то, что разнесла о нем людская молва? Отец Петр сам прочитал его в моих глазах.

— Про воскрешение хотите узнать?

— Да. Говорят, что вы из могилы восстали...

— Это так. Но есть ли нужда печатать рассказ об этом? Я монах, мне шумиха ни к чему...

— Я и прежде писал о людях, переживших смерть. Их откровения помогли многим поверить, что душа бессмертна. Вот снимки этих людей, посмотрите.

Батюшка долго рассматривал фотографии. Вглядывался в лица — такие разные и так похожие выражением глаз, добрым, смиренным, очень глубоким. У игумена Петра точно такой же взор. Взор человека, который знает, что там, за гранью смерти. За чертой, где будет каждый из нас...

— Расскажу вам про свою судьбу, — произнес наконец батюшка. — Не для своей славы — во славу Божию...

О своей истории он рассказал подробно, а я постарался записать, не упуская деталей.

...Игумен Петр Кучминский ожил в могиле. Он видел свои похороны со стороны, кладбище, заплаканных людей, чрево могилы и гроб рядом с ней, и себя в нем — свое заледеневшее лицо, окаменевшие веки. Видел, как его, мертвого, накрыли крышкой. Но страха не было — только блаженство и радость.

Люди брали по горсточке земли, бросали на опущенный в могилу гроб. Друг он услышал, как падают комья. И в ту же секунду почувствовал,

как с хрипом и болью ворвался в легкие воздух, как бешено заколотилось в груди сердце и он ударил ногами и руками, что есть силы по крышке.

Доски свежеструганого гроба проломались, словно вековое гнилье. Люди бросились врассыпную с криками ужаса:

— Покойник восстал!

— Умер я осенью 1942 года в местечке Плещеницы Логойского района Минской области, — игумен Петр произнес эти слова обиденно и просто. Так, что сразу стало ясно, что для него смерть — не конец, а всего лишь порог.

— Тяжкое время было: оккупация, голод, тиф. Мои одноклассники помирали один за другим. Меня тоже болезнь скрутила. Ноги ослабли так, что ходить не мог. Дома в тот день была только сестра Рената. Ощущение приближения смерти помню явно, во всех деталях. Сначала похолодели пальцы. Потом холод пополз вверх, к сердцу. Я чувствовал, как оно замирает. Попросил сестренку положить меня на печку. Она едва затащила меня туда. Лежу на горячих кирпичках, но теплее не стало — тело как морозом сковало. Шепчу Ренате: «Худо мне, совсем худо, помираю...»

Сестра сбегала за соседкой. Вернулась — я уже языком едва ворочаю. Попросил свечку в руки дать. И знал, где ее взять, хотя прежде никогда не видел тайничка, где мама в доме хранила церковные свечи. Свечи, спрятанные на смертный случай, лежали за матицей — балкой, на которой крепился потолок. Это знание появилось в голосе само собой, словно извне. Сестра достала из-за матицы свечу, вложила мне в руки. Мои пальцы уже судорогой свело. Началась агония, померк свет. Почувствовал, что проваливаюсь в черноту.

Сколько прошло времени — минута или час — не знаю. Но я вдруг увидел свое тело. Удивился сильно: глаза закрыты, а все вижу! Увидел, как к моему телу из ниоткуда прыгнули огромные черные кошки. Как пантеры. Шесть с одной стороны, шесть с другой. И жар от них пышет, просто печет! Тут две девушки в белом возле головы моей появились. На головах венчики, в руках колокольчики. Позвонили — и кошки убежали. Странно мне было видеть, что сестра и соседка всего этого не замечают...

Я не чувствовал, как катилось время. Для меня его уже не существовало. Так же, как и пространства. Я был в своем доме — и везде. Видел огромное синее небо. А на нем золотыми буквами церковно-славянской вязью загораются слова: «Господи, воздвигни силу Твою и приди во еже спасти нас!» Уже потом, когда я стал взрослым, отыскал эти слова в церковных книгах. А тогда не знал и не мог знать. Радость в душе появилась — слов таких нет, чтобы ее описать. Блаженство, чувство единения с Господом. Моей душой Бог вещал...

Смотрю, как тело мое обмывают, как обряжают в белую рубашку с пояском, как надевают черные штаны, носки. Мама слезы льет, по волосам меня гладит — и мне ее так жалко! Соседи подходят к гробу, крестятся, за мою душу молятся. И я знаю, чья молитва доходит до Господа, а чья нет. Потом, спустя много лет, я вновь пережил то чувство слияния с Господом. Малую толику его, но об этом потом...

...На третий день хоронить понесли. А я все это вижу как бы со стороны. И пение слышу с небес. Некоторые голоса узнаю — это мои товарищи по школе, которые умерли. А с Земли плач доносится: мама, сестра и братья рыдают. Я удивился — зачем плакать, ведь мне так хорошо! Ничего не болит, на душе радость и покой. Молоток застучал: крышку гроба забивают, а мне все это — как музыка. Потом горсточку земли люди стали в могилку бросать. Они шелестят по гробу, как дождик по крыше дома. И мне это так приятно...

Чрево могилы и гроб рядом с ней. И себя в нем — свое заledenевшее лицо, окаменевшие веки. Видал, как его, мертвого, накрыли крышкой. Но страха не было — только блаженство и радость.

— Вдруг все, что было вокруг, исчезло, — рассказывает батюшка. — Словно ударило меня что — и ощутил себя опять в теле. Дышу, крикнуть пытаюсь. А вокруг — мрак, теснота. Уперся коленками и руками в крышку. Откуда только силы взялись! Сбил крышку, вскочил. А люди, увидев меня, с криками с кладбища побежали, некому помочь мне из могилки выбраться. Поднял крышку, прислонил к стенке, выкарабкался. Пошел домой, к маме. До хаты километра три, а по дороге — ни души, все попрятались. В родную хату зашел, а там вой стоит. Мама бледная вся, на лице ни кровинки. Крестится и на меня смотрит. А я говорю: «Что с тобой, мама, почему ты дрожишь, почему ты такая тощая?» А она отвечает: «О тебе тоскую, сынок...»

Слух о моем воскрешении по всей округе прошел. Приходили смотреть, щупали, расспрашивали. И каждый интересовался, как на том свете. А я отвечал, что там такое блаженство, какого на Земле и близко нет. На память о том своем воскрешении сделал маленький гробик, до сих пор храню его рядом с иконами...

Как-то мама в сердцах воскликнула: «Когда же отец вернется?!» А я тут же назвал день, час и минуту. Так и получилось. Мама назвала меня «мой пророк».

В 1945 меня призвали в армию. Отслужил шесть лет в Германии в войсках связи. Вернулся домой, маму схоронил и в пастухи пошел, чтобы время для молитвы было. Стадо выгонял в поле: в одной руке кнут, в другой чемоданчик с богослужебными книгами. И кто-то доложил, что у меня в чемоданчике рация, кнут — антенна, а я сам — американский шпион. Приехали с обыском, весь дом обшарили, но ничего крамольного не нашли, кроме церковных книг. «Так ты тайный монах!» — говорят милиционеры. И давай мне руки крутить, волосы драть, бороду стричь. Больно, а я молюсь великомученикам Варваре и Георгию, Господа славлю. И вдруг почувствовал, что Господь со мной — как тогда, в могиле. Это трудно передать, но я совершенно перестал ощущать боль. И точно знал: если бы меня далее по кускам резали, принял бы эту муку с радостью...

Потом увезли в Минск, положили в психиатрическую больницу. Так туда за один день ко мне двадцать три посетителя пришли. Спрашивают их другие про меня: что за знаменитость такая? А они рассказывают про то, что я воскресший, про тот случай с моей могилкой.

Меня на комиссию:

— Кто те старушки?

— Мамины подружки!

Тогда дали команду белорусским церковным властям отправить меня на учебу — только бы с глаз подальше. А я этого не знал еще. Поехал в деревню Коски под Минском. Там старица матушка Валентина жила, праведница прозорливая, ее как святую сейчас там почитают. Она мне и сказала, что москвичом стану, и всю судьбу дальнейшую рассказала. По ее словам все и вышло.

Отправили меня в Духовную академию в Сергиев Посад. Возраст у меня был запредельный, но все-таки приняли. Учеба поначалу не давалась. Я уж совсем отчаялся. Пошел в храм помолиться. А там у входа монах старенький поманил меня. Я подошел, а он спрашивает: «Ну что, учеба плохо идет?» Я кивнул, голову понурил. А он стиснул ее руками — крепко, как железным обручем, и помолился. Говорит: «Ну, теперь будешь учиться отлично». С той поры все изменилось: беру билет на экзаменах, молюсь — и ответ приходит сам собой...

— Говорят, что у вас есть дар прозорливости. Что будет с Россией?

— Старцы говорят — пока будет процветать Русская православная церковь, будет стоять и Россия...

— Батюшка, а на своей могилке были?

— Ездил в родные места, отыскал кладбище. Оно все лесом заросло. Моя могилка недолго пустовала — в ней другого схоронили. Постоял у нее, помолился...

Продолжение следует

Валерия Орлова
(Россия, Санкт-Петербург)

ЧЕЛЕНТАНА

Серый пыльный асфальт надоедливо мозолил глаза. Мне всегда нравилась дорога, но сейчас пейзажи не радовали меня, а выбоины в дорожном покрытии слегка, но раздражали. Хотелось есть. Я останавливал машину уже несколько раз. И ни одно кафе мне не нравилось. Даже те, которые гордо именовались «Бистро». Скучающие продавщицы, мухи под потолком, полутёмные залы.

Я разворачивался, сел в свой микроавтобус и ехал дальше. В конце концов я уже решил сдать и приготовить что-нибудь самостоятельно, благо, все условия у меня для этого были. Генератор, маленькая печка, кастрюля. Вот только с ингредиентами было плоховато. Виноват, не затарился. Но если цивилизованно поесть не удастся, лучше нажарить картошки, чем давясь, запихивать в себя что-то невкусное в жужжащей темноте.

Жареная картошка уже готовила пути к моему отступлению, как вдруг я заметил вывеску «Кемпинг». Надо было отвернуть чуть в сторону, но я решил: «Была, не была!» — и круто заложил руль вправо.

Снаружи кафе выглядело прилично, внутри было вполне уютно. Я и не ожидал, что в такой глуши можно встретить кондиционер, да ещё и работающий. Летящих мух не было, только в дальних углах я заметил свисающие липкие спирали с крылатыми чёрными жертвами. Но они были далеко и высоко, и аппетита испортить не могли.

Изучив меню я спросил у девушки, которая поднялась со стула при моём появлении и поздоровалась со мной: «Скажите, окрошка у вас действительно есть?»

— Да, всё, что указано в меню, всё есть.

— И отбивная?

— Да, конечно. Немного подождать придётся, пока поджарится, но пока вы окрошку можете съесть, а там и отбивная ваша будет готова. Заказываете?

— Да, пожалуй. Целую окрошку, отбивную с пюре и салат, вот тот, с кукурузой.

— Вы у нас остаётесь или дальше поедете? Пить что будете? Чай, кофе, пиво, что-нибудь покрепче?

— Покрепче не надо. Я поеду. Чай. Обычный чёрный, без добавок и без сахара. Два стакана, но попозже. А впрочем... Квас у вас ведь есть, раз окрошку делаете?

— Ну конечно, есть!

— Вот его мне бутылочку и дайте. И стакан принесите.

— А квас мы сами делаем, так что можем принести или в стаканах, или в графине.

— Ну что ж, тогда начнём со стаканов, парочку, пожалуйста. А если понравится, то я у себя ёмкости какие-нибудь найду, попрошу ещё налить.

— Челентана! — громко позвала девушка.

Я заинтригованно посмотрел в ту сторону, куда она кричала, но никого не увидел. Стеллаж перекрывал обзор почти всей кухни.

— Да! — раздалось в ответ.

— Окрошку и отбивную.

— Хорошо.

— Присядьте, я принесу вам счёт, салат и квас.

На кухне глухо стукнула сковородка, приземлившись на плиту, открылась-закрылась дверца холодильника. Через пару минут с тарелкой в руках появилась девушка. Так, наверное, выглядела бы молодая Нонна Мордюкова, если бы основной чертой её характера была бы не решительность и резкость, а доброта. Высокая статная брюнетка с крепкими ногами и хорошо развитыми бёдрами. Плотная и сильная, а вот грудь на вид мягкая-мягкая и мне вдруг захотелось зарыться в неё.

Брюнетка проследила за направлением моего взгляда, но не смутилась и не рассердилась. Мне показалось, что она немного выпрямилась, если это было возможно, и в глазах появилась лукавинка. Хотя, откуда мне знать, была она или нет, эта лукавинка, если до этого я ей в глаза не смотрел. Всё внимание моё сосредоточилось на ногах, бёдрах и груди. И немудрено. Сколько времени я женщин вообще не замечал. А тут вдруг внезапно прозрел и увидел такое богатство! И, на первый взгляд, не дура.

— Это вас зовут Челентана? — решил я завязать разговор.

— Меня, — глаза стали откровенно насмешливыми.

— Я, наверное, буду не первым, кто спрашивает, откуда у вас такое имя?

— Конечно. Это всех интересует.

— А вы расскажете?

— Да нет, это долгая история.

— А если у вас будет свободное время, вы мне её расскажете, вашу долгую историю?

— Не уверена, — теперь на её лице была уже откровенная улыбка.

Челентана повела крутым бедром, развернулась, бросила через плечо: «Отбивная скоро будет готова».

И уже из дверей крикнула: «Приятного аппетита!»

— Спасибо! — обрадованно заорал я.

Окрошка была очень вкусной. В ресторанах такой не бывает. Только домашняя. Я попросил добавки. Что греха таить, не только из-за того, что мне так хотелось её, а ещё для того, чтобы лишний раз поговорить с Челентаной. Она принесла мне вторую порцию. Я расхвалил её кулинарные способности, а она только снисходительно улыбалась, как будто была уверена, что умение готовить не единственное её достоинство.

Пока я добывал вторую порцию окрошки, подоспела отбивная. Она меня тоже не разочаровала. Но подозреваю, что специями она была посыпана дополнительно, специально для меня. Не зря ж я пытался обратить на себя её внимание. Я уловил аромат базилика, который редко кто исполь-

зует. С краю тарелки красиво был выложен соус. Надо ли говорить, что и отбивная была выше всяческих похвал. И я передумал. Никуда я не торопился и вполне мог позволить себе пожить в кемпинге несколько дней, поработать от души, а самое главное, попробовать поближе познакомиться с Челентаной. Так, чтобы совсем близко. Блондинка за стойкой улыбнулась, когда я спросил, где найти администратора.

Чёрт! Я, видно, не первый, кого подкупают чары Челентаны. Раз так, становится ещё интересней. И-эх, охотничий азарт!

Администратором была крепкая бабуся в белом платочке. От домика я отказался. Зачем он мне? В моём микроавтобусе лучше. Когда я решил путешествовать, я купил себе не самый новый мерседес. Он мне понравился тем, что он был высоким, я мог стоять в фургоне во весь рост, и между водителем и пассажирским сиденьем была дверь в багажное отделение, которое я превратил в жилую комнату. Сделал изоляцию, оставив окошечко, около которого поставил секретер. И с кроватью постарался. Она у меня была сделана на манер откидывающихся. Стоит вертикально — шкаф, переворачиваешь в горизонтальную позицию — превращается в кровать. Только я разделил её на две половинки, откидывал обычно одну, а верхнюю можно было опустить, если планировалась гостя. Вот только с Наташей мы так и не опробовали кровать в микроавтобусе. Сначала была зима. А потом стало не до того. А ещё потом мне казалось, что лучше бы было, если бы и я заболел. А потом отошёл. Прошло полгода, и я всё-таки отправился в дорогу. Но вторую половину кровати не опускал. Сейчас мои охотничьи инстинкты проснулись. Выходит, действительно оживаю?

Я спросил, где у них душ.

— А чо тебе в этом душе? Грязь по телу размазывать? Вона банька стоит. Хошь сам истопи да дрова наколи, тады двести рубликов, а хошь — истопника кликну. Он всё изделает, а ты придёшь на всё готовенькое. Тады пятьсот.

Я выбрал первый вариант. И дело было не в деньгах. На фоне столичных цен на помывочные услуги и то, и другое были копейки. После долгого сидения за рулём и ноутбуком мне захотелось размяться. Да и натоплю я так, как мне нравится. А нравится мне пожарче. И ничего, что на улице жара стоит под тридцать градусов.

В итоге я с таким удовольствием махал топором, что наколол не только на свою баньку, но и ещё целую поленницу.

Ох, и давненько же я не брался за это дело!

Сначала я не торопился. Ждал, когда рука привыкнет топор держать. А потом как пошло! Наклонился, подставил, ударил. Опять наклонился, подставил, ударил. Я вошёл в ритм и чтобы не сбиться с него, стал выбирать сначала те чурки, которые можно было расколоть с трёх ударов на четыре полешка. Потом наступила очередь чурок потолще, на шесть поленьев, на них нужно было уже пять ударов. Этих мне уже хватило. За толстые я и не брался. Оставил их местному истопнику.

Я колол и колол. Прекрасно видел, как на улице выходила буфетчица, но Челентана так и не появилась. Но я почему-то был уверен, что она видела меня из глубины зала.

Я колол дрова до тех пор, пока не натопил баню, прекрасно понимая, что завтра с непривычки у меня будут болеть все мышцы, даже на ногах. Но остановиться уже не мог — гордыня обуяла. Не хотелось показывать Челентане, что силы иссякли. И я всё махал и махал, стараясь делать такой же большой замах, как вначале, и сохранять взятый темп. Но всё чаще бегал смотреть печку и, наконец, решил: «Хватит!»

Парилочка после такой работы — неземное наслаждение! Был бы ещё банщик или друг, чтоб попарил. А ещё лучше — банщица! Интересно, а Челентана баньку уважает? Да-а, её бы в парильщицы! И я бы её с удовольствием попарил! Но только попарил. Баня — это баня, и ничего другого примешивать нельзя, никакого баловства. Случись такое чудо, приди она сейчас меня веником охаживать, я только любовался бы ею и гладил бы её в ответ веничком. Нежно-нежно. Но чуда не случилось. Губу я раскатывал зря. Пришлось мне заниматься извращением и парить себя самостоятельно.

Я сбился со счёта, сколько я сделал заходов. Разморенный жаром я выползал через заднюю дверь баньки на берег и падал с мостков в воду. Моё брненное тело лежало на поверхности, а душа витала где-то рядом. Потом она возвращалась ко мне, и я находил силы выбраться на берег и шлёпнуться на солнцепёк немного поджариться. Сначала я сделал было попытку при выползании из баньки прикрыться полотенчиком, но потом увидел, какие густые кусты образовывали там коридор до озера, и бросил эту затею. Да и случись так, что кто-то забрёл на меня поглазеть, со стыда я не сторел бы. Всё у меня на месте и вид естественный. Принимаю солнечные ванны и водные процедуры.

Благодать была абсолютной. И для души, и для тела. И там, и там корки грязи размягчались, отслаивались и смывались водой. Я становился чист. Душой и телом. А квас, предусмотрительно взятый с собой, омолодил меня лет на двадцать, так, что вдруг захотелось скакать козлом и орать всю ночь песни под гитару.

Полностью умиротворённый, с лёгкостью в членах, я добрался до своего фургончика и занял наблюдательный пост. Мне хорошо была видна дверь буфета, а также дорожка к трассе и дорожка к домикам кемпинга. Просто сидеть мне моментально надоело и я включил ноут. Нового ничего писать не хотелось, оставалось подредактировать старое. А то ещё войду в раж, пропущу всё на свете, а так я могу одним глазом в ноут, а другим на дверь буфета. Прошло несколько часов, но Челентана так и не выходила. Я решил проведать, на кухне ли она. Да и проголодался уже.

Челентана была на месте. Я её ещё не видел, но блондинка, приняв заказ, опять переадресовала его в недра кухни. Я присел. Время тянулось жутко медленно, а я ощущал трепет. Самый настоящий трепет перед встречей с девушкой! Как в молодости! Или в юности. Если я сейчас в свои сорок пять смею называть себя молодым, значит, тогда была юность. И каждый раз, когда я ждал большой и чистой любви, я ощущал нечто подобное. Тело моё подавалось вперёд, мышцы груди и бицепсы напрягались в ожидании, губы пересыхали от волнения. В последний раз я испытывал нечто подобное при встрече со своей второй женой. С Наташей.

Чёрт возьми! Голову даю на отсечение, что вошедшая Челентана сразу поняла моё состояние. Её взгляд деликатно прошёлся по мне, задержался на пересохших губах. Я смотрел, как она выставляет тарелки и ждал, что она ещё раз взглянет на меня. Она не только взглянула, но и первая со мной заговорила.

— Ну и как вам наша банька?

— Хороша! И самое главное, что окунуться есть куда после парилки. Меня даже разморило немного.

— Вы нам столько дров накололи, что администратор решила с вас денег за баньку не брать.

В глазах её играли озорные чёртики.

— Ну что ж, спасибо за признание моего труда. Хотя делал я это из чистого удовольствия. Давно топор в руках не держал, — я не удержался и слегка порисовался перед ней.

Салфетка, аккуратно подталкиваемая мною, свалилась на противоположную скамейку, около которой стояла Челентана. Она дёрнулась за ней. Я поспешил приподняться и перегнуться через стол. На салфетке наши руки встретились и Челентана свою не отдернула. И мне даже показалось, что она не торопилась вытаскивать свою руку из-под моей. Не присутствуй тут блондинка, я бы уже через минуту заглядывал бы Челентане в глаза, приглашая её на прогулку. А сейчас мне пришлось делать вид, что произошло всё случайно, но всё-таки я задержал свою руку чуть дольше, чем требовалось для поднятия упавшей тряпочки.

И я всё-таки решился. Столичная выучка, богатая практика.

— Челентана, в городе, когда хотят пообщаться, поговорить с девушкой, приглашают её в кафе. Куда я могу здесь пригласить вас? Может быть доедем до Ростова и погуляем там?

— Нет, — сердце моё успело ёкнуть, — в Ростов не стоит. Гулять по пыльным улицам — что ж здесь хорошего? А вот если вы свезёте меня к моей сестре, у которой я давно не была, это чуть ближе Ростова, только немного в сторону от трассы, вот тогда мы и могли бы по дороге пообщаться. И там за столом посидим, ни в каком кафе так не поешь.

Вместо ёканья у меня появилась тахикардия. А может и мерцательная аритмия впридачу.

— Конечно, съездим, что за вопрос! Когда?

Скамейка подо мной уже горела.

— Вы поешьте, не торопясь, я успею убрать всё. Народу сегодня нет, а если кто приедет, Ирка справится за двоих. У меня всё наготовлено. Приятного аппетита!

Не торопиться у меня не получилось. Как будто от того, насколько быстро я поем, зависело, когда Челентана сядет в мой микроавтобус. Сидеть над пустыми тарелками было глупо, я вышел на улицу. Переставил машину поближе к буфету и от нечего делать прошёлся тряпочкой по машине. Чудные вещи делают шведы! Берёшь ведро воды и шведскую тряпочку, окунаешь её в воду и протираешь машину, изредка прополаскивая её в ведре. Всё! Никаких тебе моек. Все пятна отёрты, красивый лоск и глянец. Сейчас я заморачиваться с ведром не хотел, и просто насухую прошёлся, посни-

мал пыль и отдельные пятна. Пока я ходил с тряпкой вокруг машины из дверей выпорхнула Челентана. Хотя «выпорхнула» не её слово. Слишком она для него основательная, но видно порыв у неё в этот момент такой был, что мне действительно показалось — выпорхнула. Я помог ей поставить сумки. Она заглянула в фургон.

— Ого! У вас тут прям квартира.

— Это мой второй дом. Я люблю путешествовать. Дом на колёсах.

— Дом на колёсах с московскими номерами, значит первый в Москве?

— А вы наблюдательная, Челентана. Да, квартира у меня в Москве. Когда я хочу поездить, самый простой вариант сдать её в аренду и кататься сколько душе угодно. На юг вот съездил, теперь хочу до Владивостока добраться. А может и в Китай есть смысл заглянуть. Но тогда в Москву надо заехать и разобраться, что там с визами и загранпаспортами.

— Интересно вы живёте. А когда вы квартиру не сдаёте, чем на хлеб зарабатываете?

— Тем, что езжу и собираю впечатления.

Челентана махнула головой и недоумённо на меня взглянула.

— Пишу я, писатель вроде.

— Почему же вроде?

Мне страшно захотелось закурить. Большая тема. Хотя... сам виноват. И никто другой.

— Понимаете, Челентана, писателем имеешь право именоваться тогда, когда у тебя есть полочка, забитая разными книгами и на всех корешках стоит твоя фамилия. А пока ты существуешь только в нескольких журналах и в интернете, ты не писатель, а вроде, как писатель.

— А что мешает иметь такую полочку?

Я даже в карман потянулся за сигаретной пачкой, забыв, что там её уже полгода не было.

— Знаете, есть такое выражение. «Если бы мы могли хорошенько надавать по заднице человеку, который больше всего виноват в наших несчастьях, нам было бы не присесть целую неделю.»

— Это что-то типа «Твоя судьба в твоих руках»? Ну что ж? В общем верно.

— Давайте поедем. Прошу в машину. Можете пройти через фургон, здесь тоже дверь есть, — поспешил я прервать не самую приятную тему.

На шоссе мы выехали быстро.

Первым делом я поспешил задать вопрос, который меня мучил уже давно. Наряду с желанием узнать, как эта чудная девушка стала тёзкой знаменитого певца и актёра, мне хотелось узнать, как её зовут. Тайны из этого Челентана делать не стала.

— Мариной с рождения зовут.

— А вы откуда приехали, Марина?

— А почему вы решили, что я не местная?

— Да говорите вы больно уж правильно. Так и в больших городах не все говорят. И говор у вас не южный, а северный.

— В какой-то мере вы правы, — улыбнулась Марина. Но всё-таки я как раз отсюда. Местная. И до семнадцати лет я говорила так, как говорят

все здесь. Ну, может, чуть грамотней — читала запоем. А «прононс» у меня был наш, донской.

— А куда он делся? — изумился я.

— А я поехала учиться. Сначала в Москву, поступила в университет. Отучилась год и поехала в Ленинград на белые ночи. И так влюбилась в город, что приехала в Москву, забрала документы, вещички покидала в сумку, и перевелась в Лесгафта.

— Почему же в Лесгафта, а не в университет?

— А я в Москве стала спортом заниматься, мастера моментально сделала, да и поняла, что на биофаке мне делать нечего. Ничего общего с любовью к животным там нет.

— А каким видом вы занимались?

— А по мне не видно? Метанием ядра.

Я критически оглядел Челентану.

— Что-то не похожи вы на метательницу. Ни ядра, ни молота. Максимум плавание или гребля.

— Щучу. Действительно гребля. Я с отцом с раннего детства на реке. Он в рыбохране работал. А моторками тогда не очень-то баловали. На вёслах мне довелось посидеть. Сестра — та при матери, по хозяйству. А я больше вне дома. Сена накосить, на элеватор съездить. Сестра вроде и роста такого же, и комплекции, а мешок муки для неё тяжесть. Я же их спокойно всегда таскала.

— Я и не сомневался в этом.

Марина хитро на меня взглянула. Но промолчала.

— А как дальше сложилась ваша спортивная карьера?

— Да никак. Замуж я вышла. И карьера, как у всякой замужней женщины, накрылась.

Я чуть было не спросил про детей, но вовремя захлопнул рот. Сама она мне про них ничего не говорила, а вдруг она бездетная или ребёнок умер в младенчестве? Один раз мне довелось побывать в такой неприятной ситуации, теперь дую на воду.

— Обидно! Может быть, в вашем лице страна потеряла олимпийскую чемпионку.

Мило болтая, мы добрались до нужного поворота.

Я внимательно приглядывался к девушке. Похоже, что я ошибся. В буфете мне показалось, что ей лет двадцать семь — двадцать восемь. Но вела она себя слишком взросло, рассуждала как зрелая женщина. Пожалуй, ей лет тридцать пять. Тем лучше. Молодая вряд ли окажется интересным собеседником. Но в любом случае Челентана моложе меня. Всего лишь полгода назад меня считали глубоким стариком. Ну, не совсем глубоким, но всё же. В сорок пять от переживаний я поседел практически полностью. Вдобавок ссутулился и ноги еле передвигал, даже шаркать стал. О взгляде я уж и не говорю. Потускнел. Тяжело хоронить недавно обретенное счастье. Но время действительно лечит. И любимое дело. Поседевшие волосы по совету знакомых я стал красить. Выпрямился, когда задумался о смысле своей жизни и, кажется, нашёл ответ на этот вопрос. И стал ходить в тренажёрный зал. А когда понял, что меня ничто не держит в зачумлённой Москве, что я ни-

кому не обязан стараться заработать как можно больше, и я не должен добиваться успеха, чтобы на очередной встрече одноклассников или однокурсников небрежно бросить через плечо: — Чёрт побери! Водителя себе нового взял, прежнего за опоздание уволил. Так новый пробки не может объехать. Из-за него вот опоздал.

Я всю жизнь куда-то спешил, к чему-то стремился, а то, что хотел, не делал. Всё думал, что жизнь ещё длинная, что успею. И вот уже середина жизни, если не больше, а так ничего и не сделал, из того, что задумал. Дом не построил. Всё по наследству досталось. Дерево и не думал сажать, только картошку доводилось. Бог с ним, с деревом! Вот ребёнка не родил, это гораздо серьёзней. И скорей всего уже не соберусь. Страшно! Вот разве что с Челентаной. Здоровая дивчина! И дети у неё красивые должны быть. Да и я парень из себя видный. По крайней мере, был лет двадцать тому назад. Стоп, стоп, стоп! Куда это меня занесло!

Оставляя за собой пылевую завесу, как в прифронтовой полосе, мы подкатили по грунтовке к дому Мариной сестры. Она хозяйничала во дворе. Обрадовалась, проводила нас в дом. Приставила Марину к плите, а сама отправилась доделывать обычные крестьянские дела — кормить скотину. Я сидел, как дурак, на табуретке, потому что Челентана мне не доверяла даже картошку почистить, да и не сильно я просился. Я бы лучше у плиты поколдовал, чем в подсобниках сидеть. Не выдержал, вышел во двор. Увидел, как хозяйка перебрасывает навоз для компостной ямы в тачку и вызвался ей помочь. Она ни в какую. Марина застала нас за перетягиванием лопаты.

— Отдай ему инструмент, Люд! Я видела, как он топором машет. Если лопатой также, то у тебя уже сегодня всё будет в компостную яму загружено.

Пусть и с Мариной помощью, но в перетягивании лопаты победа осталась за мной. К запаху навоза, когда он на воздухе, у меня никогда претензий не было. А мышцы после топора ещё не начали болеть в полную силу. Да и банька их растомила, распарила, не беспокоили они меня. Я действительно за час легко перекидал и вывез всю кучу, горюшкой возвышавшейся возле сарая.

Челентана проводила меня к летнему душу, выдав мягкое полотенце. Красота! Утром банька, вечером душ. А тут вроде ещё и речка есть, можно будет искупнуться, наверное. Спрошу потом у неё.

Стол накрыли в беседке под цветущим виноградом. Заметив, что я его разглядываю, просветила:

— Ягод будет гораздо меньше, чем кажется по цветам. А листья сейчас самое время на долму заготавливать. А из свеженьких всё равно лучше.

— А что такое долма? Слово слышал, знаю, что какое-то блюдо, а есть не ел. В кафе несколько раз предлагали, но я не решился.

— Ну и правильно, что не решился. В кафе разве долма? Вот у нас долма — это долма! А в кафе мало того, что из маринованных листьев, а не из свежих, так там ещё и фарш — не фарш, а один рис. И вкус совершенно не тот, специй, можно подумать, им жалко!

Похоже, вид у меня был непонимающий и Челентана пояснила: «Долма — это голубцы в виноградных листьях. Но брать надо обязательно

молоденькие. Потом они становятся деревянные и их не разжевать. И фарш там своеобразный. В правильную долму ещё ткемали кладётся».

— Принято к сведению. А попробовать дадите, хозяйюшка?

— А иначе для чего б я сейчас рассказывала? Чтоб ты слюнки пускал? Накормим, конечно.

Стол был убийственно хорош. Вышеупомянутая долма, копчёная речная рыба, шучья икра, свежая зелень, среди которой проглядывал листовый чеснок, в Москве редкость редкостная. Почему-то все его выращивают на головку. А ещё помидоры, пусть и тепличные, клубника свежайшая, черешня. Мне, не избалованному деревенской свежатинкой горожанину, всё это явилось райскими блюдами. А когда напротив тебя сидит чернوبرова дивчина, на которую приятно посмотреть, и она наливает тебе домашнего винца... А вино предполагает, что сегодня мы уже никуда не поедем. День удовольствий продолжался.

Подъехал на мотоцикле Саша, Людин муж. Его ждали гораздо позже, а у него очень удачно получилось закончить пораньше, как будто специально к нашему приезду. С ним мы хлопнули по рюмашечке водочки. Ну, может, не совсем по рюмашечке... У хозяев оказалась гитара, простаивающая в углу в ожидании с учёбы в техникуме сына. Я завладел ею и постарался вспомнить всё, что знал со времён стройотрядов и походов. По большей части мне подпевали. И голоса у всех были красивые. Но если честно, я слышал только один голос. И нетрудно догадаться, кому он принадлежал.

Закрыв торжественное мероприятие Саша. Поднялся со вздохом и тягуче произнёс: «Завтра спозаранку на работу. Не спавши много не наработаешь».

Люда подхватила, прибежала с постельным бельём.

— Вот, у нас в родительском доме место для ночлега есть.

— Спасибо, не надо. У меня в машине всё приспособлено. Даже подобие душа имеется. Там только такой беседки нет. И угощений. Спасибо этому дому за хлеб, за соль. А где здесь можно искупаться?

— Так на Дону! — хором отозвались Саша с Людой.

А Челентана вызвалась показать тропинку, и я надеялся, что не случайно она это сделала.

Мы миновали последний дом. Челентана шла по тропинке впереди меня, изредка показывая на что-нибудь рукой. Этакая экскурсия по местам её юности. Почему-то я вдруг увидел, какое здесь звёздное небо. Мне безумно хотелось протянуть руку, удержать Челентану за талию, притянуть к себе, но она шла уверенно и быстро, и мне показалось, что лучше не торопить события.

По влажным запахам я понял, что мы подходим к реке. Вот уже река показалась, и пляж виднелся хороший, но Челентана шла дальше.

— Там купаться удобней, — объяснила она. Мы подошли к небольшой излучине, заросшей на изгибе кустами.

Мне велено было входить в воду там, где мы остановились, а девушка пошла дальше, за изгиб.

— Я там войду, купальник у меня в кемпинге остался, не догадалась взять. Мы редко ходим купаться. Сполоснулись в душе, и всё. А купаться у нас обычно больше приезжие ходят. У них времени много.

Сразу всплыла фраза из рекламы: «Эт-то вы удачно купальники забыли!»

Я поторопился скинуть с себя немудрёную одежду и тихо-тихо, чтобы не слышно было плеска, ступил в воду. Вода в реке была тёплая-тёплая, ласковая-ласковая, я вошёл в неё, и река приняла меня, обняв сразу всего и покачивая на лёгкой волне. Продолжая двигаться тихо, я доплыл до изгиба реки и остановился за кустами так, что мне было видно место, где собиралась входить в воду Челентана. Да, знаю, что подсматривать нехорошо! Но что делать, если очень хочется!

Когда я подплыл, она стояла уже без сарафана. Я знал, что у неё красивое тело, но не подозревал, насколько в нём все соразмерно. Редко можно встретить крупную сильную женщину, фигура которой осталась женственной, несмотря на монументальность. С таких лет через двадцать лепят Родину-мать.

Вот Челентана шагнула вперёд, и пошла по воде, разворачивая корпус при каждом шаге и энергично помогая себе руками. А потом легла на волну, запрокинула голову, перевернулась на спину и поплыла. Сначала она слишком сильно оттолкнулась ногами от воды и мне стали видны белые ходмики, и даже живот выглядывал. Потом она умерила пыл, поплыла спокойно, и только округлые колени временами поднимались из воды. А плыла она почти прямо на меня. Я сделал шаг, протянул руки, и когда она поравнялась со мной, подхватил её снизу, как ребёнка, и начал покачивать на руках, наклонившись к её лицу. Челентана не испугалась, не отёрнулась. Я видел, как она закрыла глаза и приоткрыла губы, и принял приглашение. И если бы в этот момент нас накрыла волна, я думаю, мы не смогли бы оторваться друг от друга. Когда я на секунду сделал паузу, Челентана глубоко вдохнула, не открывая глаза, и протянула ко мне руки. И была она тёплая-тёплая, ласковая-ласковая, и она приняла меня так же, как до этого приняла река, обняв сразу всего, и волна нас стала ласково и легко покачивать. Или это мы создавали волну?

В дом мы не пошли. Зачем? У нас ведь был микроавтобус с моей двуспальной кроватью, половинки которой сегодня воссоединились так же, как соединились и мы с Челентаной, составив одно целое. Я отогнал микроавтобус в степь, чтобы никто, кроме ветра и травы не мог нас услышать. И впервые в жизни я стал свободным настолько, что выплёскивал голосом накалённые эмоции в полном согласии со стенами Челентаны. Спать нам не пришлось. Мы и не смогли бы заснуть. В редкие моменты, когда мы просто лежали, не отрываясь друг от друга, мы разговаривали. Я не помню, о чём мы тогда говорили. Но вдруг я сообразил, что Челентана так и не открыла мне тайну своего имени.

— Если ты открыла мне саму себя, то историю и подавно можешь рассказать.

— Хорошо. Расскажу.

Она легла мне на грудь, щекоча мой подбородок своими волосами.

— Я была совсем молодой. Мне лет двадцать было.

— То есть ты уже в Питере жила?

— Да, в Питере. Была я тогда влюблена. Парень постарше меня лет на десять, русский моряк из Таллина. У нас в Ленинграде бывал иногда. Познакомилась я с ним у подруги, которая была замужем за водолазом. Её муж с этим Володькой Ильченко иногда на одних судах работали, вот и подружились.

Я напрягся, услышав знакомое имя.

— Когда Володька понял, что мне интересен, он, наконец, осмелился за мной поухаживать. Мы гуляли по городу, белые ночи созданы для влюблённых, а потом он протащил меня к себе на судно, когда оно стояло в Ораниенбауме.

Тут я стал что-то смутно припоминать.

— Это была наша единственная ночь, но мы тогда об этом не знали. На следующий день их судно неожиданно перевели в другое место. Через два месяца они снова зашли в Ленинград. До меня он не дозвонился, а вот до наших общих знакомых сумел. И договорился с ними, что приедет к ним на дачу. Они только-только шесть соток взяли, баньку поставили, в которой можно было жить, и стали уже дом строить. Мы решили, что сделаем Володьке сюрприз. Я тоже приеду в садоводство, там-то мы с ним и встретимся. Приехали мы в субботу, а Володьку ждали в воскресенье. И вдруг хозяев родственники зовут в соседнее садоводство помочь им что-то масштабное сделать. Но ведь должен приехать гость! Его встретить надо! Всем пришло на ум одно и то же — они все едут помогать, а я остаюсь встречать. Воскресное солнечное утро. Я в предвкушении встречи. Кровь кипит, энергия бурлит. Поесть на всю семью приготовила, воды натаскала, а Германа всё нет. Книжек на даче у них никаких не было, да и не усидела бы я тогда с книжкой. Стала смотреть, куда бы свою силушку неизрасходованную приложить. Ты фильм смотрел с Челентано «Укрощение строптивого?»

— А кто его не смотрел? Разве что кто из молодых не удосужился, а тогда его все видели.

— Помнишь момент, когда он дрова колет, чтобы дать выход энергии? Челентана засмеялась: «Может и ты вчера их колот из-за этого?»

Вопрос остался без ответа.

— Ну вот, походила я по двору, посмотрела. Вижу — груда брёвен лежит. И рядышком несколько брёвен без коры, беленькие, красивые. Думаю, явно все остальные тоже надо ошкурить. Нашла какой-то топорик, начала потихонечку сдирать кору. Тут соседи увидели, что я дурью маюсь, подошли и сказали, что окорять надо не так и не тем. Принесли мне какую-то железяку, показали, как ею работать и оставили меня. Я какое-то время приноравливалась, а потом пошло. Одно бревно, второе, третье. А Володьки всё нет. А я, если останавлиюсь, сразу мучительно начинаю о нём думать.

Володька так и не приехал. Он сначала пытался меня найти в городе, а потом понял, что катастрофически на дачу не успевает. Приедет только к ночи. Знал бы он, что я там!

Вечером приехали хозяева, подруга с мужем, и сначала прошли мимо своего участка, не узнали его. Потому что кучи брёвен уже не было, я их почти

все окорила и перетаскала в другую кучу. Моих брёвен потом на полдома хватало. «Укрощение строптивого» за пару лет до этого победно прошёлся по стране, у всех был на слуху. Подруженька с мужем быстро связали воедино необходимость укрощать либидо из-за не оправдавшихся ожиданий, фильм и результат моей работы. С тех пор я и стала Челентаной. А так как станичники наши в Питер ко мне приезжали, с моими друзьями знакомились, о прозвище они узнали, правда, без подробностей, и сюда его тоже привезли. Но всем подряд я, естественно, не рассказываю. А в кемпинге моё имя стало своеобразным брендом.

— Челентана ты моя, — провёл я губами по её щеке. Пауза стремительно стала заканчиваться.

У меня предложение номер раз — на работу сегодня не ходить.

И предложение номер два — уехать со мной.

— Куда?

— Пока куда глаза глядят, а потом в Москву или туда, где мы решим остановиться.

— Первое предложение принято, но утром надо будет позвонить, предупредить. А насчёт второго я подумаю. Утро вечера мудренее.

И мы снова впали в безумство. Оторваться друг от друга мы не могли. Если вдруг возникала пауза в нашем сумасшествии, руки всё равно продолжали жить своей жизнью. А если и они останавливались, то мы просто впитывали друг друга всей кожей. Запах в фургончике был умопомрачительный и он ещё больше заводил нас. Мы пропитались им, мы пропитались друг другом. Челентана сейчас пахла сладко-сладко. Я зарывался в неё, в её волосы, чернеющие по подушке. Я вжимался лицом в её мягкую, чуть тронутую загаром, грудь. Я спускался ниже, к её животу, пологим холмиком поднимающимся вокруг кратера пупка. Я спускался ещё дальше, и она замирала в ожидании.

А какие у неё были губы! Мягкие-мягкие, со вкусом сливок. Нежные и жадные, целомудренные и развратные, доводящие меня до полного изнеможения, а потом вновь вливающие в меня силу. И столько силы она мне дала, сколько я за собой не знал и во времена своей бурной молодости. Морской молодости. И тут я вспомнил про Володьку. Того самого Володьку, про которого мне рассказывала Челентана. Сначала мне не хотелось её перебивать, потом нас с ней уже никто и не смог бы перебить, а потом всё забылось, кроме того, что рядом со мной Она...

С Володькой Ильченко я делил каюту. Плавали мы с ним тогда на сухогрузе. И в Ораниенбаум заходили. И хорошо помню, как появился однажды Володька поздно, и горячим шёпотом меня стал упрашивать перебраться в каюту к мотористу — тот один тогда жил. Вредничать у нас было не принято, хотя и водить женщин на судно тоже. Но время было настолько позднее, что отправить девчонку обратно в город уже нельзя. Да и товарища жалко. Хоть и постарше меня Володька, а я для него вообще тогда ещё салагой был, дружили мы. Переместился я в соседнюю каюту, а потом всю ночь не спал толком, завидовал. Хоть и старались они не шуметь, а всё равно — то дыхание, то скрип, то вздох. Моторист храпел без задних ног, а я ворочался. Но не могла же это быть Челентана! Если мне тогда толь-

ко-только исполнилось двадцать два. А Челентана младше меня лет на десять. Надо всё-таки прояснить этот вопрос.

— Слушай, а ты не помнишь, в каком году ты была в каюте у Володьки Ильченко?

— А ты что, с ним знаком? — удивилась Челентана.

— Да как сказать, в одной каюте жили. И вот интересно, это для тебя я её покинул, или нет?

— Сейчас соображу. В восемьдесят шестом я уже... значит было это в восемьдесят пятом.

— Значит, для тебя. Эх, знал бы я тогда! А что у вас с Володькой не заладилось? Вы что, после дачи так и не встречались?

— Встречались. Когда я уже замужем была и ребёнка ждала. Естественно, просто погуляли по парку, посидели на скамеечке. Я уже не могла ничего. Мужа на тот момент я любила.

— А как так вышло, что ты замуж за кого-то вышла, а не за Володьку?

— Да он как-то очень долго не появлялся. Потом слух прошёл, что он там, в Таллине, женится. Мы с ним не переписывались, видно ему это не очень надо было. И нельзя же так долго любить миф. Для того, чтобы быть мужем, он слишком красив. На него ведь все проходящие женщины заглядывались.

— Господи! Ну почему тогда с тобой он познакомился, а не я! Ведь вся жизнь могла бы по-другому пройти!

— А у тебя что, жизнь была плохой?

— Да нет, плохой не была, а вот большая часть пустая какая-то. Детей ведь у меня так и нет. Была любовь. Но потерял я её. Не по своей вине.

Тут я задумался. А вдруг, всё-таки по своей? Почему когда мы встретились с Наташей, я всё время боялся её потерять? Я постоянно дёргался в кровати, когда она пыталась встать. «Ты куда?» — глупый вопрос, если это ночь и человек в своей квартире. Кувшин с водой стоит рядом. Только в туалет и можно. Ведь не подозревал же я её в том, что она сейчас оденется и побежит к кому-нибудь другому? И всё равно, каждый раз вскидывался со своим дурацким: «Ты куда?»

— А что случилось?

И такое истинное участие я услышал в голосе Челентаны, что сразу всё вспомнилось, и неожиданно для меня из моих глаз потекли слёзы. Тогда, на похоронах, я так и не смог заплакать. Не плакал я и позже. Ни на поминках, ни когда приходил на могилку. Не плакал ночью в постели. Я перебрался на диван, потому что спать там, где до этого мы спали вместе, я не мог. А сейчас я лежал с комом в горле и плакал. Челентана обняла меня, повернула к себе, прижала, но не так, как до этого, а как-то по-матерински, мягко. Я уткнулся ей в плечо и уже не сдерживался. А когда простыня и подушка стали основательно мокрыми, а ком в горле стал исчезать, я рассказал Челентане, что произошло. До этого я боялся, что она испугается, а сейчас понял, что ей можно рассказывать всё. Она поймёт.

— Мы встретились с Наташей пять лет назад. И нам тогда казалось, что это уже навсегда. О ребёнке мечтали. Жизнь была радужной. А потом она стала болеть. То одно, то другое. Не успевает от гриппа вылечиться,

пневмонию подхватывает. Даже краснухой заболела. Обследовали её и обнаружили ВИЧ.

Хоть мне и казалось, что Челентане можно рассказывать всё, я всё равно боялся этого момента. А вдруг сейчас отдернется, оттолкнёт? Но она также мягко обнимала меня, и только, может быть, бровь у неё чуть изогнулась в вопросе.

— Сколько меня ни проверяли, так ничего и не обнаружили. Когда она уже умирала, я жалел, что тоже не заразился. Мне было бы легче. Ты не бойся, я и перед поездкой ходил, сдавал кровь. Мне даже справку на донорскую станцию могли бы дать.

— Да я и не боюсь. Во-первых, ты не похож на обормота, готового заразить всех вокруг, во-вторых, я сама здоровая, заразить меня не получится, а в-третьих, я ж когда-то на биофаке училась и медицина мне всё-таки близка. СПИД-инфо читала, знаю, что бывает так, что муж и жена живут вместе, один болен, а второй здоров. Вот и у тебя так же. А то, что ты сейчас поплакал, хорошо. Ты ведь раньше не мог? Давно она умерла?

— Умерла давно. В прошлой жизни. А если по-календарному, то недавно, полгода прошло. В декабре.

Декабрь в прошлом году был ненормальным. Снега не было. Постоянно шёл дождь. Осенняя слякоть никак не хотела уступать место морозу. Наташа переживала:

— Вот, умру, а меня в мокрую могилу придётся опускать...

А потом выпал снег. И не растаял сразу. Стало светлей, и день казался длинней. Вечером она умерла. И не узнала, что снег уже на следующий день превратился в чавкающую жижу. И могила была действительно мокрой. И нечем было прикрыть извращённую наготу свежих прямоугольных раскопов.

— Нет, я даже на похоронах не смог заплакать. У соседней могилы прощание шло, тоже женщину хоронили, так там мужик прям пал на гроб и причитал не хуже профессиональной плакальщицы. А я из себя даже слезинки не выдавил.

— Ну вот, держал всё в себе. Саморазрушение это. Эмоции из себя выпускать надо.

Челентана тяжело вздохнула и сильнее прижалась ко мне.

Да, разрушение было, что надо. Знакомые меня не узнавали, проходили мимо.

— И всё-таки мне очень жаль, что мы не встретились раньше. Мы бы с тобой столько детей уже нарожали бы. Ничего, ещё успеем.

Теперь Челентана уткнулась мне в плечо и прошептала: «Вряд ли...»

— Что вряд ли? Детей?

— Да. Мы с мужем хотели второго ребёнка, а я никак не беременела. Пошли по врачам и мне поставили истощение яичников. То есть яйцеклеток уже не осталось почти.

Значит, один ребёнок у тебя есть?

— Есть. Сын. Уже взрослый.

— Постой, как взрослый? А сколько тебе лет было тогда? Не мог же Володька с тобой несовершеннолетней... А ведь ты говорила, что лет двадцать тебе было, — хлопнул я себя по лбу. — Тебе что, сейчас сорок три?

— Ну да! Сорок три. А ты что думал, молоденькая?

— Думал. Извини, я тебя перебил. И где твой сын?

— Я его давно не видела. Его отец без моего ведома увёз в Германию. Подделал разрешение и увёз. Сначала в Израиль. А оттуда в Германию. Там женился, и вырос мой Женька с мачехой. Сейчас хоть письмами изредка обмениваемся. А первое время я с ума сходила. Мало того, что ребёнка украли, так ещё и контакт с ним перерезали. Зову его в Россию. Обещал, что как-нибудь приедет. Но, наверное, он меня уже забыл почти. Отец постарался.

— А ты к нему не ездила?

— Нет. Первое время я даже не знала его адреса. Потом уже удалось разыскать. Два года тому назад.

— А ты как ему пишешь, почтой или электронкой?

— Электронка — это через компьютер?

— Ну да! Молодёжь ты сейчас не заставишь обычные письма писать. А вот по электроночке хоть целыми днями можешь переписываться. А ещё лучше по скайпу. Это как по телефону разговариваешь, только через компьютер.

— Тогда вынуждена тебя разочаровать. Тёмная я. Не знаю, с какой стороны подходить к нему.

— Это мы поправим. А у тебя адрес его электронки есть?

— Не знаю. Один раз он мне писал что-то, но я не поняла, что это такое. Там всё латинскими буквами было. Это то?

— Может быть и то. Посмотреть надо. У тебя его письма сохранились?

— Конечно. Там, в станице.

— Тогда возвращаемся.

Я наспех натянул шорты и сел за руль. Зачем-то я торопился, как будто от этого зависело, как быстро Челентана свяжется со своим сыном. Всё равно пока мы не окажемся в каком-нибудь крупном городе, скорее всего в Ростове, зоны Wi-Fi нигде не найдём, а соответственно и к интернету не подключимся. Лицо Челентаны внешне оставалось спокойным, но сидела она напряжённо и всматривалась в дорогу, как будто тоже торопилась.

До станицы мы долетели быстро. Пока я закрывал двери микроавтобуса, Марина уже забежала в дом. Я поздоровался с её сестрой, ошарашено замершей у порога.

— Что с ней?

— Найти кое-что хочет.

— Так срочно?

— На самом деле срочности нет, но ей хочется побыстрее.

— А что именно?

— Люд, мы тебе потом расскажем, когда всё получится, ладно? — и проскочил мимо, в комнату. Марина стояла на коленях у тумбочки и перетряхивала содержимое коробки.

— Вот, — протянула она мне письмо. — Вот здесь, это то, что надо?

Да, латиницей был написан e-mail.

— Поехали в город, надо к интернету подключиться. И паспорт с собой прихвати.

- Он у меня с собой, но зачем он нужен?
- В ОВИР зайти, у тебя же загранпаспорта нет?
- Нет, не озаботилась. Незачем было.
- Я так и думал. Помчались.

Было желание выжать из моего мерседеса всё, на что он способен, но дорога на подъезде к Ростову не отличалась особой гладкостью, да и с соловьями-разбойниками не хотелось иметь дела. Я шёл на пограничной скорости, чтобы им неинтересно было меня останавливать ради минимального штрафа.

Через три месяца мой микроавтобус показывал свою мощьность на родных для него автобанах. Рядом сидела Челентана. Мы ехали на свадьбу её сына. И уже знали, что у нас скоро будет ребёнок. Возможно, ошибались врачи — не было у неё никакого истощения яичников, но мне кажется, что наша встреча и радость от общения с сыном сотворили чудо, и какой-то случайно уцелевший фолликул проснулся вместе с пробудившейся Челентаной.

Вадим Светашов
(Россия, Свердловская обл., Тугулым)

ВКУС БЕЗЗУБКИ

Лесной пожар недалеко от деревни Галашовой удалось потушить только к утру. Да и то, в правду сказать, нам очень помогла ночная гроза с коротким, но сильным ливнем. Оставив трёх лесников на окарауливание очага пожара, мы с водителем Петровичем отправились домой. Уже не доезжая Трошково тучи рассеялись, и выглянуло солнце. Наступал тёплый день июньского лета. Мне вдруг захотелось искупаться, смыть пот, грязь и копоть. Я предложил Петровичу заехать на озеро Гурино. Он с удовольствием согласился. День был субботний, вполне можно было расслабиться и немного отдохнуть.

Подъехав через сосновый бор к берегу, с неудовольствием увидел дым костра, а затем и копошащихся около него двух человек. Приблизившись, узнал летнаба Валеру с его другом Рифом, работавшим зуботехником. Они даже обрадовались. Валера сказал, что самолёт улетел на авиабазу для профилактического ремонта. В результате у него образовался непредусмотренный выходной, и они с другом решили провести его на озере. Взяли всё необходимое для ухи (кроме рыбы, конечно) и с рассветом уже были здесь. Попутно заехали к знакомому егерю в Ивановку. Тот только что вернулся с ночной рыбалки и за бутылку водки отдал друзьям трёх килограммовых щук. Так, что мы подъехали как раз во время. Рыба почищена, вода в котелке закипает, и сейчас начнут варить уху. Три щуки на двоих, мол, много, а на четверых как раз. По-моему у нас с Петровичем одновременно выделилась слюна.

Оставив ребят заниматься приготовлением ухи, мы с водителем быстро разделись и полезли в воду, которая оказалась достаточно тёплой. Накупавшись, я решил половить беззубок. Этих моллюсков здесь было очень много. Я нырял в прозрачную воду, ловил за один нырок по две-три штуки и выбрасывал на берег, где Петрович складывал их в сумку. Риф подошёл и спросил, для чего мне нужны ракушки. Я ответил, что скармливаю их курам. Разбиваю раковины молотком, а куры с удовольствием выклёвывают содержимое. Тогда Риф заявил, что слышал о том, что эти ракушки кое-где даже люди едят.

— Ничего удивительного, — ответил я, — когда я жил и работал в Молдавии, мы ловили их в Днестре, и жарили на костре под углями. Правда, там были не беззубки, а перловицы, но это не существенная разница. Ел я их и варёными, но жареные на сковороде всё же вкуснее.

— Мы тоже желаем отведать экзотики, — сказал подошедший Валера, — давайте сварим их в маленьком котелке, поскольку сковородки у нас нет.

— Варите, — согласился я, — себе потом ещё наловлю. Только промойте их хорошо, на них и грязь и песок, а некоторые даже мохом обросли. Варить ракушки надо недолго, не более пяти минут.

— А их, что даже вскрывать не надо?

— Нет, они сами раскроются.

Беззубок тщательно промыли и бросили в кипящую уже воду. Валера засёк время и ровно через пять минут снял котелок с огня, ракушки поварёшкой выловил и выложил на чистую тряпицу.

— Смотри-ка, правда почти все раскрылись, кроме двух. И что дальше делать?

— Эти две выброси, они до варки были мёртвыми и для еды не пригодны, а с остальными вот что делаем, — с этими словами я просунул лезвие ножа между раскрывшимися створками, подрезал «ногу» моллюска и разломил ракушку надвое. — Дальше очищаем тело беззубки от мантии и всё. Блюдо готово к употреблению. На ладони лежал белый комочек, похожий на маленькое яйцо без скорлупы.

Первым решился продегустировать необычный для всех деликатес Валера. Он беспшашно махнул рукой, мол была не была, разрезал моллюска пополам, чуть-чуть посолил и отправил в рот, при этом смешно сморщившись. По мере жевания гримаса на его лице исчезала, а когда проглотил, открыл глаза и вытянул вперёд руку, сжатую в кулак, но с отогнутым вверх большим пальцем.

— Во!! — торжественно произнёс он. — Пища богов! Напоминает курятину, но с зернистым хрустом. Хочу ещё!

БЕЛЫЙ БУРУНДУК

Выходя из районного Дома культуры, в дверях едва не столкнулся с молодой женщиной.

— Ой, здравствуйте! — медленно выговорила она, почему-то обрадовавшись.

— Здравствуйте! — буркнул я, пытаюсь пройти мимо, но она вцепилась в ручку двери, не пропуская.

— Вы меня не помните?

Я внимательно взгляделся в её лицо:

— Н-нет!

— Я весной была в детской библиотеке, когда вы рассказывали школьникам о животных-альбиносах и читали свои рассказы. Я присела в сторонке и дослушала до конца.

— И что?

— Когда ребята ушли, вы задержались, собирая книжки, и заведущая познакомила нас.

— Ага, кажется, припоминаю...

— А я потом узнала кое-что интересное про альбиносов, и надеялась при встрече рассказать вам.

— Так не в дверях же! Давайте пройдем в фойе, там в углу есть несколько стульев, и вы мне расскажете. Надеюсь, нам не помешают. Правда, временем я особо не располагаю.

Мы прошли и расположились в дальнем углу. Ввиду раннего времени посетителей почти не было.

— Слушаю.

— Работаю я учителем литературы. Но вы знаете, как бывает в сельской школе, заболит кто из учителей или что-нибудь у него случится, то приходится подменять его. Так что я и физику и биологию преподаю. А птицами и зверюшками я увлекаюсь с детства, — видя моё нетерпение, заторопилась, — это так, предисловие, для ясности.

Недавно я гостила в Тюмени, и там, у хозяев, увидела белого бурундука. Ну, не так, чтобы уж совершенно белого, местами слегка сероватость проглядывала, а по вдоль спины видны пять темноватых полосок. Вёл себя в квартире по-хозяйски, везде заглядывал, всё обшаривал, кругом совал свой любопытный нос. Я спросила, откуда у хозяев такое чудо. Ответили, что ходили с тургруппой в поход. Остановились в лесу на привал, решили развести костёр. На краю поляны лежала сухая дуплистая осина, её и пустили на дрова. Когда разрубали ствол, открылось дупло с гнездом бурундука, а в нём пять бурундучат. Четыре нормальных полосатика, а один белый. Прижались друг к другу, уже большие, зрячие и полностью покрытые шерстью. Но, видимо не готовые к самостоятельной жизни. Оставлять их в таком состоянии значило обречь на верную смерть. Посоветовались и решили разобрать по рукам. Хозяевам достался альбинос.

Принесли домой, стали кормить из пипетки молоком. Мало и утомительно. Размочили хлебные крошки в молоке. Не сразу, но начал есть. С удовольствием ел овсяные хлопья, сначала размоченные, а затем и сухие. Позже стали давать семечки, зерно, свежую траву и даже улиток и дождевых червей.

Редко давали волокна сырого мяса.

Сначала его поселили в картонной коробке в мягком гнёздышке из тряпок. Затем, когда он начал выходить, принесли ему старый скворечник, и он быстро начал его обживать, набивая лоскутками, бумажными обрывками, травой.

Сообщили мои друзья и о судьбе остальных четырёх бурундучков. Один из них отказался принимать какую-либо пищу и через два дня умер. Второго задавила хозяйская кошка. А ещё двое живы и здоровы. Вот и всё, что я хотела вам рассказать...

— Да, очень интересно. Я слышал, что в Тюмени у кого-то живёт белая белка. Может быть люди путают и речь идёт как раз об этом бурундуке, ведь альбиносы в природе большая редкость. Я буду очень вам признателен, если вы сможете сообщить о дальнейшей судьбе этого зверька, хотя бы через заведующую библиотекой. А об этой истории я постараюсь написать, но заранее предупреждаю, что имён своих информаторов я не называю.

— Хорошо, постараюсь выполнить вашу просьбу, а может быть и узнаю что-либо о белке-альбиносе.

На этом мы расстались, и пока нового моя знакомая не сообщала.

ЛЕСНОЙ ВОРОНОК

Кумачовый диск весеннего солнца медленно поднимался над лесом. Он ещё почти не грел, но кроны сосен и елей уже освободились от зимних снежных шапок и лишь кое-где с мохнатых лап свисали длинные сосульки. Март сдавал свои позиции, а апрель принимал их медленно и неуверенно. В еловом лесу с примесью редких громадных сосен стояла первозданная тишина. Зимующие птицы еще не начали свои брачные игры, а перелётные появятся ещё не скоро.

Солнечный луч скользнул меж вершин, и как-бы в награду за это послышался непонятный звук, напоминающий низкий глухой скрип «круук», и через некоторое время повторяющийся «круук, круук». Потом больше похожее на низкий свист «круук — круук». И снова звук повторился более чётко «круук-круук». И сразу же громкий повтор в пред-рассветном сумерке. Польшнуло ярко-рыжим, и из хмурого ельника на опушку обширной поляны вылетела небольшая, величиной поменьше голубя, птица. Это её ярко-рыжий распущенный хвост показался всполохом. Вся она, кроме хвоста была серовато-бурого цвета с более тёмными шапочкой и крыльями. Полёт её совершенно бесшумный благодаря очень рыхлому оперению.

Конечно же вы узнали кукшу, самого маленького представителя семейства врановых. Иногда её ещё называют ронжей или лесным воронком. Самец кукши едва достигает веса в сто граммов, а самка и того меньше. Посидев на ветке некоторое время птица снова издала призывный звук «круук». Из глубины леса ей ответили точно таким же звуком. Кукша засуетилась и резко выкрикнула «кжее», «кжее», а потом издала несколько продолжительных глуховатых трелей. Ей откликнулись, и вскоре подлетела вторая такая же птица. Самка это или самец понять было невозможно, так как они совершенно не отличались друг от друга. Они сидели рядом на одной ветке и тихо переговаривались. Потом одна крикнула «кжее», сорвалась с места и полетела в ельник. Вторая последовала за ней.

Вместе птицы провели весь день. Иногда, играючи, гонялись друг за другом, а когда находили пищу, вместе питались. Поздно вечером они укрылись под широкой и мохнатой еловой лапой и провели ночь бок о бок вместе. Так они провели два дня рядом. На третий день их поведение изменилось. Они меньше времени уделяли поискам пищи. А больше занимались обследованием деревьев с одной только им понятной целью.

Перелетая от дерева к дереву (чаще всего это были сосны), они обследовали места, где от ствола отходило две или три ветви. Кое-где не задерживались, где-то совещались, но улетали дальше. Вероятно, искали подходящее место для будущего гнезда. Только к концу дня заветное место отыскалось. На сосне, в трёх метрах от земли от ствола под острым углом отходили две живых ветви и один сухой сучок, образуя дырявую естественную воронку. Негромко переговариваясь, птицы осмотрели её со всех сторон и, довольные, скрылись в кроне разлапистой ёлки.

Утром, чуть свет, принялись отыскивать вытаявшие из снега, опавшие за зиму тонкие сухие сосновые и еловые веточки, переносили их к облюбованному месту. Здесь самка искусно вплетала их между стволом и ветвями. К концу второго дня образовался толстый настил-полка как основание будущего гнезда. Весна постепенно набирала силу. С каждым утром солнце вставало раньше, а днём поднималось всё выше. Снег интенсивно таял, на опушках леса и открытых местах появились проталины, увеличивающиеся ежедневно. На эти проталины и устремились кукши следующим днём. Они собирали или выдёргивали длинные стебли и листья сухих прошлогодних трав, унося их на стройку. Здесь самка свивала чашу гнезда, вплетая в бока и ветви, отходящие от ствола. Не забывала прокладывать траву мохом и лишайником. Стенки гнезда получались толстыми и плотными. Когда самец попытался ей помочь, она с ворчаньем прогнала его, после чего он только подносил строительный материал.

Глубокая чаша гнезда была закончена, и птицы принялись выстилать её дно мелкими пёрышками и заячьим пухом, который белыми клочками попадался по всему лесу, ведь у зайцев активно шла весенняя линька. Лоток гнезда оказался выстланным толстым мягким слоем. Строительство гнезда продолжалось целую неделю, и уже на следующий день после его окончания самка отложила в него первое зеленовато-серое с тёмными крапинами яйцо. Через неделю в гнезде лежало шесть одинаковых яичек и самка приступила к насиживанию. Для неё наступили тяжёлые времена. Теперь она будет слетать с гнезда всего несколько раз в день, чтобы попить ледяной воды и немного порыться в лесной подстилке, поискать что-нибудь съестное, иначе яйца могут остыть и зародыши пропадут. Насиживание продолжается до семнадцати дней, пока не вылупится первый птенец. Самец в это время пытается как-то подкормить подругу, принося ей еду. Хорошо ещё, что кукши неприхотливые и всеядные. В пищу им годится всё: различные семена, орехи, ягоды, насекомые и их личинки, мышевидные грызуны, птенцы и яйца мелких птиц и даже падаль. Днём самец летал на ближайшее моховое болото и приносил оттуда клюкву и бруснику с вытаявших кочек.

Наконец, появляются птенцы, но пройдёт ещё долгих пять недель, пока родители их выкормят и они покинут родное гнездо, пополнив лесное население.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ. ВОДОПОЙ

Июльская жара достала всех. Который день температура под сорок. Воробей, раскрыв клюв, сидел на ветке яблони и наблюдал, как я из шланга наливаю в бочку воду. Когда бочка наполнилась, я пошёл в дом выключить кран. Вернувшись, увидел воробья, сидящего на бортике бочки. Он окунал в воду клюв, набирал в него так необходимую влагу, а затем смешно задрав голову проглатывал её. На меня он только покосился.

Я не стал мешать этой процедуре и ушёл на веранду, с которой хорошо было видно происходящее у бочки. Мимо пролетала стайка воробьёв. Увидев собрата, пьющего воду, они резко спикировали и расселись по бортику. Одному воробью почему-то не хватило места. Он попытался протиснуться между птицами и при этом столкнул пьющего воробья в воду. Тот попытался взобраться на бортик, но лапки скользили по мокрому пластику бочки он падал обратно. Перья быстро намокли и тянули вниз. Остальные воробьи взлетели и скрылись.

Так бы и пришёл конец воробушку, но я решил вмешаться в его судьбу. Быстро подбежав, выхватил его из воды. Вместо благодарности воробей больно ущипнул меня за палец. Ладонь произвольно разжалась и птица, тяжело и часто взмахивая мокрыми крыльями, с трудом взлетела на крышу бани. Оттуда послышалась длинная выразительная тирада. Я так и не понял: благодарил меня воробей за спасение или отругал за неловкость, но на всякий случай кивнул ему головой.

Любовь Гольт
(Германия, Гамбург)

ДЮЙМА

Существа мужского рода... Сколько же их было у симпатичной, но совсем маленькой эльфи Дюймы! Лежа в Доме Постаревших Эльфов, она, от нечего делать, вспоминала...

Сначала ее, совсем юную и наивную, заметил соседский Жабенок, мать которого мечтала о его женитьбе и о маленьких внуках — жабятах. А этот толстый страшила без всякого сватовства утащил Дюйму к себе в койку... Наутро, сидя на подоконнике, она лила горькие слезы о потерянной невинности и сломанных крылышках... И вдруг, налетел, как вихрь, прекрасный Незнакомец, унес Дюйму к себе, высоко-высоко, и закружил в вихре воздушных наслаждений! Ах, как это было чудесно! Танцы под луной, полеты над ароматными лугами...

Но счастье кончилось так же быстро, как и началось... Местное общество не одобрило выбор щеголя, деревня, мол, какая-то! Ни тебе одеться, ни макияжа по моде не делает... А вокруг столько дочек важных Жуков на выданье! Выжили они бедную Дюйму, и легкомысленному Жучаре она стала нафиг не нужна. Бросил в чистом поле...

Там ее, замерзающую, подобрала старая сутенерша, которую за жадность все называли Крысой, и стала сдавать богатым клиентам. Куда было деваться безответной, бездомной Дюйме? Крылышки-то были давно поломаны. Не взлетишь, как в детстве... Но тут, можно сказать, ей «подфартило», Дюйму выкупил за небольшие деньги — поскольку дохода от нее Мамашке уже не было никакого — солидный бизнесмен Крот. Просто от скуки...

Только радовалась Дюйма недолго. Крот запер ее в своем подземном дворце и не выпускал на божий свет. К тому же он был настолько скупой, что часто даже маковой росинки ей не перепадало. А вот ублажать его в постели требовал... Так бы она и состарилась в неволе, если б не помог его Величество Случай!

Мамашка-сутенерша иногда навещала богатого соседа, и они ели-пили до отвала... Потом она сгребала остатки еды себе в сумку и «на дорожку» заползала в красивый туалет Крота. Этим и воспользовалась худенькая Дюйма. Залезла в сумку, прикрылась продуктами. Пьяная мамашка не заметила, качаясь перед своей дверью, как эльфи тихо выбралась из-под обьедков. И побрела через луг под ближайший куст, прилечь... Там и нашел Дюйму под утро рой кружащихся в поисках нектара эльфов. Они забрали ее, больную, грязную, но все же еще похожую на них, в свою чудесную страну Эльфоранию.

Там Дюйма встретила позже своего последнего мужчину — простого, но доброго и веселого эльфа и нашла с ним, хоть позднее, но фантасти-

ческое воздушное счастье! Правда, ненадолго... Век эльфов короток. Когда осталась одна, начала писать стихи-воспоминания, но только о радостном. Ей было, что вспомнить:

День узорчато светел
Под кленовою кроной,
Мы резвимся, как дети
На лужайке зеленой.
Пококетничать можно,
Все плохое — забыть...
Быть счастливым несложно,
Здесь легко полюбить.
С куртуазным подходом
Станет эльф приглашать
После солнца захода
Лунный вальс танцевать.
Покружить беззаботно
И в волшебном саду,
Потеряться охотно
В том любовном бреду...
И в резном терему
Под шум крыл зысыпать.
...Не дано никому
Эту сказку отнять.

Евгений Мюллер
(Россия, Санкт-Петербург)

ГАГРА-81

Был я тогда чернокудр, пока еще худ телом и писал стихи.

«Печаль моя полна тобой.
Слов слишком много в этом мире.
И море ропщет, много шире,
Чем сектор зрения глазной».

Первая строчка была, конечно, не скрываемой цитатой из Пушкина. Я первый раз ехал на море и ожидал чего-то сродни его стихам: «Погасло дневное светило...», «Морей красавец окрыленный...» и, конечно, — «Прощай, свободная стихия!» Я отправлялся на встречу с морем, а в моих мысленных ушах звучало «Прощай...». Таков был, выходит, мой тогдашний, как теперь бы сказали, менталитет. Я был молод, но уже женат, только что получил диплом, но работал не по специальности, был всегда сыт, не безлико для тех времен одет, но беден. Одна женщина, моя коллега по работе, жена своего богатенького мужа, уже по лицу понимала, для чего подходил к ней иногда то я, то еще кто-то, вроде меня из нашего отдела и, щадя чужие чувства, сама спрашивала: «Сколько?» На три дня до получки пяти рублей тогдашних денег хватало.

Но все это была ерунда. А был конец февраля, под подошвами прохляпывал мокрый снег первых оттепелей, но в прогноз погоды по радио сообщали, что на Черноморском побережье Кавказа днем уже плюс десять-двенадцать. И получив в один из первых дней марта фотографию у фотографа в пансионате в Гагре, я увидел себя в тонком осеннем пальто в мелкую клетку, купленном в комиссионке, и которое я перед отъездом не успел укоротить, что, впрочем, меня еще больше стройнило, с неприкрытой никаким шарфом голой шеей над воротником светлой рубашки и в фетровой шляпе с небольшими полями, спереди — мне так шло — чуть пригнутыми к бровям. Фотограф был дурак. Невысокая, но раскидистая пальма на краю газона за моей спиной оказалась ровненько за мной, и я выглядел идиотским павлином, распушившим хвост. А если учесть, что лицо мое на снимке почему-то было таким, с каким... ну, после которого иногда звучало это задушевное «Сколько?», то общее впечатление было, скажем так, двоякое. А может, фотограф был не дурак, а та еще сволочь, и построил так кадр специально: надо же чем-то скрашивать рутину своей работы.

Море появилось в Туапсе. Оно вгрызалось в берег, но потом потянулось узкой полосой, бесконечно не исчезая за окном вагона. Стали промелькивать волноломы — строго параллельно друг другу, как крупные рыбные кости, как гигантские удочки, всегда одинаково выставленные над водой. Поезд шел до Адлера, дальше надо было ехать электричкой, но в Адлере ждала неожиданность. Где-то на путях обвалился склон, чуть не стеной стоявший

над рельсами, и электрички не ходили. Надо было ждать — поезд обещали пустить только к вечеру, а был еще полдень. Пассажиры, ехавшие дальше, в Гагру, Пицунду, Гудауту, Сухуми расселись на скамейках, вытянув ноги меж чемоданов и сумок. Замельтешили водители такси и леваки, предлагавшие довезти, куда надо, хоть отдельно, хоть вскладчину. Но и вскладчину мне показалось это удовольствие слишком дорогим. Конечно, было досадно, но вокруг стояли пальмы, густо зеленели кусты, и пахло от них, как из жестяной банки у нас дома на кухне: лавровым листом. В итоге, когда я сошел в Гагре с поезда, было около двенадцати ночи. Сошел, похоже, один — все, видимо, уехали с барыгами и таксистами.

Кто-то еще в поезде сказал мне, что в мой пансионат от станции надо будет двигаться как бы назад, и, миновав площадь, я пошел по узкой улице, почти в полной темноте. Я шел с чемоданом, не видя никого и ничего, но странно — у меня не было не только страха, но даже беспокойства. Шел и шел. На одном перекрестке неяркий свет из больших открытых дверей какого-то дома, похоже, гаража, высветил троих-четверых людей, сидевших на корточках у края тротуара.

— Пансионат «Чайка»? — привстал один, и красная точка огонька его папиросы в вытянутой руке описала дугу и пару кругов. Я пошел по указанному, но тут же оглянулся на звук торопящихся за мной шагов. Один из сидевших решил проводить меня, и мы молча шли потом прямо посреди улицы. Человек не заговаривал со мной. Наверно, я был для него лишь одним из тех, совсем одинаковых, кто постоянно появлялся здесь и с которыми даже на малую малость сходитья бессмысленно, потому что через две-три недели и этот исчезнет, уступив место другому.

Потом я уже один карабкался вверх по склону, в темноте сразу сбившись с поначалу широкой тропы, цепляясь то за сетку ограды, то за что-нибудь еще, пока не вышел наконец на ровную, плавно изогнутую дорожку. Ориентиром мне служило огромное круглое окно, которое слабо светилось, непонятно, как и для чего прилипнув к склону в такой выси. Но когда я поднялся до одного уровня с ним, я оказался в небольшом дворе, вошел в какую-то дверь под каменным сводом, но сразу был выведен назад вдруг появившейся женщиной в чем-то незаметном и синем, похоже, халате. «Завтра, завтра все», — сказала она, даже не взглянув на путевку, которую я протягивал ей. И был проведен через двор к низкому строению на сваях, которое тянулось в глубь двора, прижимаясь к склону. Слабый свет падал в окно комнаты, и я даже не разобрал, что в ней было еще, кроме узкой кровати, на которую мне указала женщина. Покидав одежду на чемодан, тут же и поставленный, я нырнул под одеяло, как делал это дома, в майке и трусах, и почти сразу стал мерзнуть. Позарывавшись в сугроб из простыни и легкого байкового одеяла, я наконец затих, чувствуя, что исчезает не только все вокруг, но и я сам. И вдруг резкий, протяжный звук вернул все обратно. Это было что-то среднее между ржаньем осла и процарапыванием, с сильным нажимом, стекла алмазным стеклорезом. Я даже высунул голову наружу. «Это павлины», — услышал я сбоку и сзади себя, видимо, от другой койки.

«Я тоже испугался, когда первый раз их услышал», — сказал мне мой сосед на следующий день. Это был мужик лет за сорок, с широким, что называется,

открытым лицом, хорошего роста и со спортивными, развернутыми плечами. Только руки у него висели с этих плеч так, словно в ближайшее время они были ему и не нужны. «Иду, — продолжал он, — тоже вечером, и вдруг из-под ног — прысс! Что-то низкое, длинное и зеленое. И — вжих-вжих меж кустами, хвостом виляя. Даже показалось, что это крокодил. А это — павлин. Наградил бог птицу, чтоб не все своим хвостом гордилась!».

Сосед мой приехал из Медвежьегорска. Он прибыл неделей раньше и говорил, что уже освоился. У него было одно странное намерение — купить здесь, в Гагре, хорошую теплую куртку. Я сказал ему, что скорее житель Гагр купил бы ее где-нибудь там, в его краях, в Карелии, но он был непоколебим и звал меня сходить с ним в универмаг, чтобы помочь выбрать. Видимо, субтропическая Гагра представлялась ему местом настолько райским, теплым, что в ней, как само собой разумеющееся, легко можно было найти и вообще все, что связано с теплом. Лицо его казалось еще шире, чем было, потому, что он почти всегда чему-то улыбался. Все, что может вызвать у человека недовольство, удивление, даже оторопь, вызывало в нем только это — улыбку, в которой лишь едва заметно читалась иногда и усмешка. «Во дает!» — говорила эта улыбка. В своем Медвежьегорске он работал на лесозаготовках, был водителем лесопогрузочных машин, трелевщиков, и в сравнении с огромными бревнами ему многое в жизни, видимо, казалось мелким и несущественным.

Это был пятый или шестой день. Я даже помню это место во дворе пансионата. Я вышел на улицу после завтрака, спешить был некуда, радоновая ванна у меня была ближе к обеду. Светило солнце, хоть стало прохладней, чем в первые дни, и вдруг я почувствовал, что не хочу ни этой радоновой ванны, хоть пузырьки газа, облепывавшие в ней тело, были приятны, ни этого солнца, ни этих остро пахнущих после ночи кустов лавра, плюща, упрямо ползущего вверх везде, где только можно было за что-то уцепиться, кипарисов, с почему-то скорбно клонящимися верхушками, расфуфыренных пальм, а хочу — домой.

«Ты пойми, — говорил мне Павел, мой сосед. — Сбежишь ты отсюда — и все два дня в поезде будешь думать, правильно ли сделал, что сбежал. Вот если бы можно было нажать кнопку и оказаться дома, то я сам бы это вмиг сделал. Когда сбегаешь — лучше обо всем сразу забыть. А варить это в себе два дня, сидя в тесном вагоне? Не, не дело».

Была у Павла одна забавная черта. Нет, назвать его сплетником было нельзя. В сплетне всегда есть хоть капелька, но все же — зла. Павел же считал нужным поведать о чем-то увиденном, замеченном лишь словно для того, чтобы глаза его или ухмылка выразили все то же неизменное «Во дает!». «Представляешь, — чуть наклонялся он к моему уху, — сидит она у этого длинного на коленях в холле, где телефон стоит, на который можно межгород заказать, за шею его обнимает, а в трубку мужу говорит: ну как ты там без меня, я так соскучилась!».

К счастью, он был немногословен. И открывал рот всегда для чего-то конкретного. «Звучные тут названия, — сказал как-то. — Жоэква, Бзыбь, Гагриш. Да и Гагра, хоть и напоминает гагару, птицу, но и само по себе слово тоже... внушительное. Гагра! Это тебе не Рио-де-Жанейро — говоришь, и словно сырок плавленый по булке размазываешь».

Но — скучать по чему-то или кому-то, это не значит вообще скучать. Дни шли — как не для меня одного расплывшиеся. И даже обыденное в них — было внове. Чистишь утром зубы, а в окне, в бледно-голубом небе — догоняющие друг друга верхушки кипарисов. А что подадут на завтрак, на обед? И разве ты ел когда-нибудь в зале с огромным круглым окном, в котором слоями, за теми же кипарисами — бирюза моря, серо-голубая дымка неба и словно клоки мыльной пены — облака. А спускаться вниз с горы, когда ноги сами несут, ведь впереди — море! А вдруг подумать — сколько ж лет этой пальме: трехметровый ствол — как гигантский ананас, а ветви сверху — как фонтан густо-зеленой воды, струи которой, взлетев, плавно надламываются, дробясь на зеленые же брызги.

На третий день значилась в списке мероприятий пешеходная экскурсия по окрестностям. Народу собралось во дворе немало. Да и двор-то был по сути небольшой площадкой, с одной стороны ограниченной стеной пансионата, сложенной из крупных, грубо обтесанных камней, с другой — обрывом, густо заросшим, но с изгибистой дорогой вниз, к морю, а с двух еще — тоже заросшими, но уходящими вверх склонами.

«Вот здесь, где мы стоим, — говорила женщина-экскурсовод, как бы очерчивая вытянутой рукой часть двора, — был устроен на земле деревянный поворотный круг. А знаете, для чего? А чтобы автомобиль его высочества принца Ольденбургского, построившего себе в 1903 году этот замок-дворец, в котором теперь расположен наш замечательный пансионат, мог, захватив сюда, развернуться в небольшом дворе и потом съезжать вниз. Принц, понятное дело, пешком не ходил». Ну а мы потом пошли пешком, спустились в парк, поглядели на остатки крепостной стены, на невысокое, мрачное здание бывшей церкви. «Шестого, однако, века!» — поднял палец мой сосед, оглядывая ее глухие стены из серого камня. «А вот эти трехэтажные, похожие друг на друга корпуса, — сообщила экскурсовод, — здания первого в Гагре пансионата. Они тоже построены все тем же принцем — предприимчивым дельцом, который выманил у царя огромные деньги, чтобы якобы устроить в Гагре русскую Ниццу, климатический курорт. Понятно, что эти деньги принц потратил в основном на свой дворец и еще несколько поместий». Потом мы прошли по парку вдоль моря, а обратно, отпущенные экскурсоводом, шли уже кто где и куда хотел: снова через парк или по улице, идущей с краю от парка, заходя в магазины. Эта главная в Гагре улица тоже шла вдоль моря. Все в Гагре было вдоль моря: горы буквально прижимали ее к полосе гальки.

— У вас спичек не будет? — я повернулся и увидел человека, пожилого, в пальто из темного драпа, двубортном, в каком, наверно, и в настоящую зиму не замерзнешь. Он был без шапки, отчего такое пальто на нем казалось еще более странноватым. Правда, густые, хоть уже наполовину седые волосы на его голове, зачесанные наверх и назад, уравнивали тяжесть его одеяния.

— Ах, вот они, зря вас побеспокоил, — поправился он, все же обнаружив коробок в большом глубоком кармане своего пальто. Вставив сигарету в губы, он зажег спичку близко от лица, пряча ее огонек от ветра в собранных ладонях, а потом так помахал ею, чтобы потушить, что я понял, что он хочет

сказать и что-то еще. Мы стояли на ступенях, ведущих на железнодорожную платформу, которая больше напоминала прогулочную балюстраду благодаря белому ажурному каменному ограждению и высоким помпезным фонарям, какие впору было бы поставить около театра в немаленьком городе. Платформа эта длинной перемычкой соединяла склоны двух гор и упиралась каждым концом в темный, округлый сверху, вход в туннель. Медленно выползая из одного, электричка останавливалась, открывала-закрывала двери вагонов, и потом тоже медленно исчезала в другом. Но это случалось редко, и мне нравилось гулять здесь. Верней, это было для меня то место, которое, наверно, находит себе каждый отдыхающий, чтобы побыть одному: мало кому могло прийти в голову, приехав на субтропический и морской курорт, гулять по железнодорожной платформе. А место было замечательное. Посмотришь с него в сторону моря — внизу простирается площадь с фонтаном «Три грации», и высоко бьющая струя воды, искрясь, падает в чашу, которую эти грации держали над головами. Справа же и слева поднимались к небу зеленые глыбы гор, а обернешься — и смотришь в треугольный просвет ущелья, в котором эти зеленные глыбы переходят одна в другую, а меж них медленно надвигается туманная дымка, тая в себе что-то тревожное, древнее.

— Как вам экскурсия? — с удовольствием затянувшись и выпустив дым, спросил незнакомец. Впрочем, я сразу узнал его — мы жили в одном пансионате, в столовой он сидел чуть впереди и справа от меня.

— Если честно, узнал много нового. Я понятия не имел, что это за пансионат, в котором мы живем, да и вообще, что это такое — Гагра.

— Да... — дым сигареты растаял в воздухе. — Но ведь еще больше вы — не узнали. У меня есть привычка — перед тем, как куда-нибудь ехать, почитать об этом месте. А так как я по роду занятий частенько бываю в библиотеках, то по возможности и наиболее полно это исполняю. Извините, вы сами откуда?

— Из Ленинграда.

— А! Знаете, там у вас есть такая больница на Литейном проспекте.

— Да, имени Куйбышева.

— Если помните, перед ней на постаменте — большая гранитная чаша с бронзовой змеей, ну, как символ медицины.

— Кто ж про нее не знает. Змею, правда, периодически отламывают.

— Ну, это как водится. А вы знаете, что до революции на этом месте стоял памятник принцу Ольденбургскому?

— Это тому, в бывшем дворце которого наш пансионат?

— Нет, это был памятник его отцу, Петру Георгиевичу Ольденбургскому. Здешний — Александр Петрович.

— Чем прославился отец?

— Начну с того, что Ольденбург — это город, который был столицей одноименного герцогства на территории будущей Германии. А Ольденбурги — представители династии, которые там правили. Но не только там. Различными путями они становились правителями или участвовали в управлении и в других государствах Европы. Через восемь лет после убийства в 1801 году нашего царя Павла I его дочь Екатерина вышла замуж за одного из представителей рода Ольденбургских, у нас его имя звучало как Георг-

гий Петрович. На службе в России он был генерал-губернатором в нескольких губерниях, главным директором путей сообщений и учредил одноименный институт. Кроме того, занимался совершенствованием юридической системы, а будучи широко образованным человеком, переводил на русский язык оды Горация. Во время нашествия Наполеона он участвовал в создании народного ополчения. После всего того, что я сказал, вы, наверно, не поверите, когда узнаете, что прожил этот человек всего 28 лет.

— Как Лермонтов.

— Да. Люди в то время уже с детских лет не тратили время на всякую ерунду, как теперь. После себя двадцативосьмилетний Георгий Петрович оставил и двух сыновей. Один умер еще юношей, а вот второй, Петр, и удостоился памятника перед больницей на Литейном проспекте.

— А жил он тоже мало?

— Нет. На постаменте стоял мужчина годов преклонных.

— Если следовать примеру отца, то сколько же он успел сделать в жизни?

— Вы читали рассказ Льва Толстого «После бала»? Помните, герой рассказа, молодой офицер, влюбленный в дочь полковника, старого служаки, вдруг видит, как на площади этот полковник руководит экзекуцией — наказанием шпицрутенами провинившегося солдата, попросту — длительным избиением палками. И после этого герой охладевает и к своей возлюбленной, и к военной службе. Так вот. Петр Георгиевич Ольденбургский, родившийся в 1812 году и в том же году лишившийся рано умершего отца, а потом и матери, сначала жил в Ольденбурге у своего деда, отца жены Павла I. Когда ему исполнилось 18 лет, он был призван Николаем I на русскую службу, в Преображенский полк. И двигаться бы ему по военной линии, если бы однажды он не был обязан присутствовать на мероприятии, описанном Львом Толстым в «После бала». Более того — объектом истязания была женщина. И началась совсем другая деятельность этого человека. 1835 год — по его замыслу и в том числе на его средства в Петербурге основывается Императорское училище правоведения. Через четыре года и на многие годы вперед — работа в опекунских советах по линии женского образования, организация детских приютов, открытие и совершенствование работы больниц, в том числе Мариинской больницы для бедных — той самой, перед которой в 1889 году ему установят памятник с надписью «Просвещенному благотворителю». Я вас не утомил? Просто я хотел показать, что стояло за плечами того принца Ольденбургского, в бывшем дворце которого мы с вами здесь проживаем и три раза в день едим, глядя в огромное панорамное окно на море или на камин в углу, труба над которым, если смотреть с моря, кажется маяком...

— Ну, а наш принц, который по словам экскурсовода, только и делал, что разъезжал по Гагре на автомобиле?

— Жизнь, как вы сказали, «нашего» принца, Александра Петровича, в отличие от жизни его отца, была пронизана военной карьерой. Начав служить все в том же Преображенском полку прапорщиком, он дослужился до генеральского звания, был участником Русско-турецкой войны. Был он и членом Государственного совета. Вы видели в Русском музее картину Репина, на которой изображено его заседание?

— Видел. Очень большая, но скучная картина.

— Да, такой групповой снимок. Тем не менее, среди изображенных на ней есть и Александр Петрович Ольденбургский. При всем том одним из жизненных интересов этого человека, получившего образование юридическое, была — медицина. Не случайно после начала Первой мировой войны его назначили начальником санитарной и эвакуационной части. Занимался он, уже традиционно, и благотворительностью, и просветительством... Вообще, в его деятельности прослеживается определенная линия. Познакомившись с работой Института Пастера в Париже, он организывает и открывает в Петербурге Институт экспериментальной медицины, главной задачей которого была борьба с инфекционными заболеваниями, в том числе с чумой. А побывав на Средиземноморских курортах, решает создать аналогичный курорт в России. И вот вам — Гагра. Дворец дворцом, но всего за несколько лет были построены железная дорога, электростанция, гостиницы, водолечебница, больница, водопровод, проведены телеграфная и телефонная связь, открыты библиотека, кинотеатр. Возникли пруды с фонтанами, было высажено огромное количество деревьев, в том числе таких, какие до того здесь никогда не росли, как те же различные пальмы, банановые и прочие деревья. Был разбит шикарный приморский парк. В этих еще недавно богом забытых краях свирепствовала малярия, так для борьбы с ней были закуплены и запущены в водоемы специальные рыбки, которые поедают личинки малярийных комаров. Свою роль сыграли и высаженные эвкалипты. Так что на своем автомобиле принц ездил еще и потому, что надо было везде поспеть.

— Откуда вы все это знаете? Вы историк?

— Нет, я врач, просто интересуюсь тем-другим. Но я, кажется, вас заговорил и даже, извините, не подумал, что вы, возможно, кого-нибудь ждете.

— Кого мне тут ждать?

— Ну, не знаю, здесь многие ходят парами. Еще раз извините, пойду, хочу дойти до газетного киоска.

Поглядев, как человек в пальто из драпа неторопливо и чуть боком спускается по лестнице с платформы, я повернулся и снова пошел по ней. Его рассказ поразил меня. Но свербило и что-то еще. Конечно, слова этого человека, сказанные под конец, были случайными, но уже в который раз я ощутил на себе какое-то непонятное внимание к своему одиночеству. Вот и в это утро. Павел, мой сосед, сидя на кровати и глядя, как я скребу щеку бритвенным станочком, вдруг сказал:

— Между прочим, медсестра-армяночка, которая вчера брала у нас кровь из пальца, очень даже на тебя смотрела. Я бы на твоём месте пошел, постучался к ней в кабинет и спросил, все ли хорошо у тебя с эритроцитами и всякими там гемоглобинами.

— Все хорошо.

— Не факт. Эх, жаль, тут танцев нет. Приходится, чтобы приятно пообщаться, тащиться в соседний санаторий.

Это верно. Отсутствие вечеров отдыха в нашем пансионате удивляло многих. Вместо них в девять вечера всем предлагался кефир. В полутемном холле на столах расставлялись подносы со стаканами, ровно наполненны-

ми холодным кисловатым напитком. Люди входили, быстро опоражнивали стакан и тут же уходили, и все это, в потемках, было похоже на какое-то тайное действие. К половине десятого движение заговорщиков прекращалось и двери захлопывались. Спускаться в темноте к парку не хотелось и, побродив по дороге вблизи дворца, я сидел на скамью во дворе и слушал далекий, ритмично накатывающийся шум моря, густой, рокочущий звук, ведь в водяных валах перемальвалась галька. И только резкий крик павлинов прерывал иногда этот монотонный, но не надоедающий звук. Часов в десять крайняя к склону дверь в стене дворца выплескивала наружу свет, и три-четыре женщины — работницы столовой выходили и направлялись к спуску. Они шли медленно, тяжело пронося мимо меня раздутые сумки, в которых, если вспомнить жидкие супы и водянистое пюре с почти воздушными фрикадельками, которыми эти женщины потчевали нас в столовой, несомненно покоились явные на их взгляд излишки продуктов, отпускаемых на наше пропитание.

Надежды на тепло, обещанное прогнозами погоды, не оправдались. Вдруг похолодало. Обычная по утрам дымка в этот день не рассеялась. А когда в три часа дня я лежал в водолечебнице в ванне и смотрел в окно под потолком, то увидел, что на широкие ветви пальм падает снег. Правда, когда я шел потом назад к пансионату, все уже таяло, и пластины снега сползали с плоских ветвей банановых деревьев как с покато́й крыши. В номере, где мы с Павлом жили, стало холодно, и когда я развешивал на небольшую батарею под окошком влажное после процедуры полотенце, я впервые заметил, что рама в окне одинарная. «К утру, наверно, и не высохнет», — сказал я Павлу. «Это как пить дать», — ответил он. — Я вчера носки постирал и повесил, так до сих пор сырые. Батарея — у покойника ноги теплей». Немного ниже пансионата, на краю изогнутой дороги стояло небольшое строение с высокой черной трубой. Рядом высилась гора угля. После ужина я спустился туда и увидел две попы, торчавшие под поднятым капотом старого «жигуленка».

— Здравствуйте, извините...

Одна попа сползла с крыла «жигуленка» и преобразилась в высокий засаженный комбинезон, над которым темнело сильно загоревшее лицо под сдвинувшейся на затылок кепкой.

— Вы знаете, в номерах очень холодно, — продолжил я. — Нельзя ли как-нибудь топить посильней?

И услышал в ответ:

— Ты сюда что, греться приехал?

В эти холодные дни я особо ощутил, что с номером нам на повезло. Он находился не в самом дворце, а во флигеле, построенном явно гораздо позже, может, даже совсем недавно и спрятанном в глубь двора. По сути, этот флигель был узким сараем со стенами в один кирпич, разделенным на комнаты, двери которых выходили на деревянный помост на сваях. В этом сооружении и намека не было на изысканные формы и линии в стиле модерн, которые с первого взгляда поражали в облике дворца. Но главное, вида из окон — вот чего так не хватало этому жилищу! Те же, кто жил в самом дворце, могли и в непогожие дни, сидя в номере, хоть ежечасно любоваться видом на море,

на верхушки пальм и деревьев парка, на кипарисы, похожие на спеленатую елку, когда ее перед Новым годом тащат домой.

Правда, скоро опять потеплело. Аллеи парка снова наполнились гуляющими, а на балконах дворца днем многие стали ловить загар, вытянув ноги и откинувшись далеко назад на вынесенных стульях. Нам с Павлом такое было недоступно. Оставались парк, пляж. Иногда я поднимался от дворца и вверх и бродил по тропам, раздвигая ногами заросли пожухлой травы, среди которой вдруг зеленели кусты самшита, барбариса, торчали столбики туи, блестела жесткая зелень магнолий, рододендронов, юкки. Названий многих растений я даже не знал, пока не купил в газетном киоске брошюрку «Флора Кавказа».

Как-то, поднимаясь по дороге к пансионату, я услышал женский голос. Кто-то звал меня по имени, добавляя: «Идите к нам!» Посмотрев туда, откуда это доносилось, я увидел на одном из балконов стоящую женщину, которая тут же махнула мне рукой, а рядом с ней — Павла. Он сидел в кресле из реек, вытянув и уперев ноги в решетку балкона. Раз я уже видел их вместе, гуляющих в парке.

— Вот, смотри, что значит жить на курорте! — воскликнул Павел, проведя перед собой рукой, когда я ступил на порог балкона, без труда определив нужную дверь в коротком коридоре. — Ты смотри, смотри! Это ж прямо, как поет Высоцкий, терем с балконом на море. Не наш закуток! Знакомься, это Надя. Увидела тебя сейчас и говорит: что это твой сосед все один да один.

— А это — Галя, — сказала Надя, двинув лицом в сторону девушки, которую я снизу и не увидел. Она стояла в другом углу балкона, прислонившись к стене. — Моя соседка. Она из Саратова. Ну, что, мальчики-девочки, может, дурачка забьем?

— Ты как насчет картишек? — спросил Павел, но я ответил, что разве что в дурака играть умею, но сейчас не хочется.

— Жаль, — сказала Надя. — Скучно здесь. Летом-то знай купайся да загоравай, а что в марте?

— Летом профсоюзную путевку сюда не получишь, — усмехнулась Галя. В отличие от своей соседки, бойко все время посматривающей по сторонам, она была как-то вся неподвижна. Даже когда она вошла в комнату, руки ее так и оставались засунутыми глубоко в карманы куртки.

Дело шло к обеду, и я пошел в наш «закут» раздеться. Это короткое посещение другой комнаты, в которой жила появившаяся у Павла подруга, произвело странное действие на меня. Что-то изменилось — то ли во мне, то ли вокруг. Что-то открылось, но и что-то словно ощутилось потерянным. Что-то новое увидел я, и в то же время — словно кто-то подсмотрел, что я делаю. И был не понять, хорошо это ли плохо.

Павел больше не звал меня искать в магазинах теплую куртку. Наверно, он это делал теперь с Надей. Я иногда видел их. Павел шел всегда чуть позади нее, примерно на полшага, держа кисти своих длинных рук чуть вывернутыми назад и с надвинутой на лоб кепкой, словно хотел прикрыть лицо. Но от кого он мог прятать его здесь? Надя же наоборот, смотрела открыто, и ее мелко завитые каштановые волосы никогда не покрывали ни платок, ни шапка. Тонкое синее пальто из кримплена облегало ее фигуру.

Галя я раньше не замечал, в том смысле, что маршруты наших ежедневных передвижений, видимо, не пересекались. И вдруг я увидел ее, когда вошел в автобус, отвозивший нас к водолечебнице.

— Назначили сероводородные ванны, — сказала она, кивнув головой. Место рядом было свободно, и я сел. Когда автобус, забиравший нас около кочегарки, медленно спустился и выехал на проспект, она спросила:

— Ехать долго?

— А это когда как.

— Но тут, кажется, все недалеко.

— Если по прямой. Но сидящий за рулем дядя имеет привычку по пути заезжать по всяким своим делам в разные места. На почту, забрать посылку. К какому-то родственнику или знакомому, чтобы выйти из автобуса минут на пять-десять и переговорить. Так... — продолжил я, взглядываясь в окно. — Раз проезжаем торговый центр и ныряем под платформу, значит, будет заезжать к знакомым.

— И никто ему ничего не скажет?

— Все привыкли.

Галя помолчала, потом приподняла и выставила вперед голову, всматриваясь в видневшегося за перегородкой водителя.

— Счастливый человек, часов не наблюдает, — и села, как до того.

В пансионат я обычно возвращался пешком. Можно было и подождать автобус, который пару раз подъезжал, чтобы забрать своих, но ждать его не хотелось. Да и идти было — не по шумной улице. Спустившись к морю, я шел по аллее, бесконечно тянущейся вдоль бесконечного пляжа и разделенной посередине рядом пальм, огромные кроны которых порой свисали шатром сразу на две стороны.

— Все так же в одиночестве? — услышал я, пройдя мимо человека, стоявшего за огромным кустом, наверно, азалии, возле спуска на пляж. Он курил и, приветствуя, поднес пальцы с сигаретой к голове, как если бы хотел коснуться ими полей шляпы.

— А-а, здравствуйте. С кем же я должен ходить? — улыбнулся я, узнав того человека в драповом пальто.

— Ну, не с пальмой, конечно. Здесь же есть... девушки, молодые женщины, дамы, наконец.

— Странно, что я слышу это от вас. Что-то такое на днях сказала подруга моего соседа.

— Не сердитесь. Курортный роман — понятие нарицательное. И уже давно — литературная фабула, вечный сюжет. Если кто-то его и осуждает, то — без энтузиазма. Впрочем, разрешают его себе тоже... без пафоса. На мой же взгляд... Вот в санаторно-курортных книжках есть разделы «Назначенная диета», «Процедуры», «Прием медикаментов»... А я бы ввел еще — «Курортный роман». И проверял бы на месте доктора, при выписке отдыхающего из пансионата или санатория, имел ли он место быть. Шучу, конечно.

Я замедлил шаг, из вежливости подстроившись под походку моего неожиданного спутника, и он, получив возможность говорить дальше, явно с приятностью от этого, затянулся особенно глубоко и, так же с удовольствием выпустив дым, продолжил:

— Видите ли, человек, приезжая на курорт, подобен тому, кого волны после кораблекрушения выкинули на берег необитаемого острова. Он вдруг, всего через день-два пути, оказывается в совершенно новом и незнакомом месте. И в новом положении. И в новой обстановке. В один момент изменяется все. Вокруг уже нет ни его семьи, ни коллег по работе, он даже не услышит формальное «здрассти» от соседа во дворе его дома. Нет и дома — вокруг все другое, пусть не хуже, а то и лучше, чем было, но — другое. Род занятий — он вдруг исчез. Тут не нужен он ни как инженер, ни как научный работник, слесарь, повар, учитель и так далее. Он здесь — никто. При том, в отличие о потерпевшего кораблекрушение и очнувшегося на берегу чуть ли не голым, ему не надо тратить время и усилия, чтобы найти, чем прикрыться — у него есть не только то, что надето на нем, но еще и целый чемодан другой одежды, в основном, замечу, привезенной совершенно зря. Ему не надо думать, как достать пропитание — он получает его три-четыре раза в день. И, может, самое главное: ту большую часть времени, которую он каждый день тратит на свою работу, здесь ему занять нечем. Не случайно тут от многих можно услышать — как хорошо, что надо ходить на процедуры, а то хоть ложись и помирай от скуки. Первое время, первые дни это может даже угнетать. Но потом... Потом вдруг обнаруживается, что есть много того, чего раньше он и не замечал, на что и не смотрел, потому что всегда был чем-то занят, всегда куда-то торопился. Не рассматривал форму облаков. Не замечал причудливый изгиб дерева. Не обращал внимания на цвет перьев у чаек — казалось, что они все одинаково белые. А затем подступает главное. Скажите — что постоянно живет в нас или смутно ощущается нами как что-то, что... должно быть? Правильно. Лю-бовь! Вот и все. Потому я и занес бы еще одну страницу в наши «Санаторно-курортные книжки». И положительная отметка на этой странице показывала бы, что человек здоров и жив, здоров и жив вполне, а не только как организм, изображенный спереди и сзади на медицинском плакате «Анатомия человека».

Я слушал его молча, и он тоже потом шел молча, изредка поднимая руку и взглядывая на погасший окурок в своих пальцах. Похоже, он еще и ждал, когда по пути попадет урна. И когда та попалась, шагнул к ней и потом сказал: «Я еще погуляю».

В этот день после обеда произошло небольшое ЧП. Раздумывая, куда бы пойти, я зашел в холл, сам не знаю, зачем. Кто-то там просто сидел в кресле, двое играли в шахматы. Заглянули в дверь и Надя с Галей, и Надя кивнула мне. Было похоже, что они мгновение раздумывают, зайти ли. И вдруг пожилая женщина, вставшая с кресла, чтобы подойти к круглому столу посередине холла, на котором всегда лежали газеты и пара журналов, покачнулась и упала бы, если бы сидевший рядом мужчина не вскочил и не подхватил ее. Ему помогли и с другой стороны, и женщину, совершенно обмякшую, подвели к дивану, стоявшему напротив окна, и уложили на нем. Наш пансионат был санаторного типа, на первом этаже находился и кабинет врача, и процедурный кабинет. «Я сбегая за врачом», — сказала Галя, и скоро вернулась со словами «Сейчас придет». Врачей работало в пансионате двое, меня-то веда женщина врач, а в этот день дежурил другой — совсем молодой мужчина, как говорили — из местных. О нем были разные мнения,

говорилось, что он молодой, но опытный, но раз я услышал, что «он языка-то русского хорошо не знает», чего не могло, наверно, и быть. Он пришел с измерителем давления, первым делом его и измерив, пощупал пульс, и на самом деле — все молча. Единственно, что сказал — «У вас давление, полежите», и почти сразу ушел, но скоро вернулся, неся в руке шприц. Сделав укол и снова сказав «Полежите», он ушел, пообещав позже подойти. Нади и Гали в дверях уже не было.

Утром Павел спросил меня:

— Я забыл, ты на экскурсию в Сочи едешь?

— Нет, пропустил, когда записывались.

— Я тоже не еду. Галя едет, соседка Надина, так что ты зря не поехал. Она вроде ничего такая, симпатичная. Носик остренький, кареглазая.

— А Надя, что — не едет разве?

— Надя в Сочи уже была, даже летом, с мужем как-то отдыхала.

Было жаль, что поехать в Сочи не получилось, к тому же день, судя по солнечному утру, обещал быть теплым. Павел с завтрака не пришел, и я решил один побродить по Гагре. У кочегарки все так же кто-то копался в моторе, и было странно, что кому-то охота возиться с масляными вонючими железяками, когда ветерок доносил с моря мерный плеск набегающих волн, остро пахло от кустов лавра, еще влажных с ночи, а меж верхушек кипарисов искрились полосы ряби далеко в море. Спустившись с горы и повернув по проспекту, я уже через пять минут стоял перед площадью, справа от которой изгибался дугой низкий, в три этажа, но длинный торговый центр. Солнце светило в его большие окна, и когда я проходил мимо нескольких его дверей, меня обдавало то запахом кофе, то ароматом парикмахерской, то сложным, но узнаваемым духом универсама, где продают и одежду, и обувь, и косметику, и чемоданы. Три каменных грации в фонтане на краю площади, казалось, ежились от падающих на их плечи сверкающих брызг, и несколько мальчишек черпали ладошками воду и пили, и потом побежали туда, где за мостом смыкались подошвы двух огромных гор.

— Чачу, купите чачу, домашняя чача, — кто-то негромко и скороговоркой произнес рядом со мной, и я увидел тут же отходящую от меня женщину, словно мне ничего и не говорившую. Другая с теми же словами промелькнула рядом, когда я уже подходил к парку.

— Чурчхела, вкусная чурчхела, — уже вполне открыто и громко восклицала женщина в платке и вязаной кофте, сидя на чем-то и тряся перед собой связкой длинных коричневых и бугристых колбасок, которые были разложены перед ней еще и на ящике.

Я долго бродил, то выходя на гальку пляжа, то снова углубляясь в парк, долго сидел на скамье перед большим прудом, посреди которого с каким-то беспомощным отчаянием пускал высоко в небо водяную струю-стрелу золотистый Стрелец. Потом бродил под огромными пальмами, густо закрывшими небо перед рестораном «Гагрипш». Группа экскурсантов стояла на ступенях лестницы, ведущей к нему, и, глядя на его белый ступенчатый фасад с огромным циферблатом под сводом, слушала, как чудак-коватый, по словам экскурсовода, принц Ольденбургский купил здание этого ресторана на Всемирной выставке в Париже и перевез в Гагру, где

его заново собрали. Что-то стукнуло рядом со мной о землю, и я поднял шишку, большую, размером с апельсин, так что едва смог засунуть ее в карман пальто. Словно знал: пройдет много лет, поблекнет, а потом куда-то денется комплект открыток с видами Гагры, начнет крошиться, а потом вовсе сгинет купленная в киоске как бы морская звезда, склеенная из мелких ракушек, а эта шишка так и будет топырить свои чешуйки за стеклом книжной полки. Возвращался я по узким кривым улочкам, вьющимся сбоку проспекта. В голых сучьях на участках возле домиков ярко желтели редкие шарики мандаринов, похоже, оставленных специально, для красоты. Тыкался в ограду лупоглазый теленок, слюнявя мокрыми губами железную сетку. Куры, индюшки то суетливо, то раздумчиво, с долгими взглядами на незнакомца мельчили влажную землю своими беспокойными лапками. И стояли под навесами разного калибра бадьи и канистры, приправляя воздух кисло-пряным духом бродящего винограда.

Время шло уже к обеду, когда я поднимался к пансионату, и еще не доходя до кочегарки, увидел Павла. Он наоборот спускался.

— Ты куда? — спросил я.

Он махнул рукой, как бы говоря «а ну его», но сделал еще несколько шагов, остановился и повернулся ко мне.

— Помнишь, ты хотел уехать? Так вот теперь я — возьму и уеду.

— Что так, вдруг?

— Вот именно — вдруг.

— Что-то случилось?

— Вот именно, случилось. Понимаешь... Ну, в общем, Галина-то, как я говорил, сегодня в Сочи должна была уехать, и уехала, ну а мы с Надей и договорились, что, как она одна останется, ну я, в общем, к ней и приду. Понимаешь, да?

— Ну?

— Ну и пришел. И все было нормально. До последнего момента.

— И что?

— Что, что... Да то! Я же говорю — до последнего момента. Она уже почти все с себя скинула, я тоже, и вдруг — полный облом. Ни с того, ни с сего. Понимаешь, да? Полный! Никогда со мной такого не было. Как я ей теперь в глаза посмотрю.

— Ну, слушай, говорят, бывает...

— Ага. Она тоже меня успокаивать взялась. Мол, такое здесь от ванн может быть, особенно радоновых. Ну так в гробу я видал эти ванны, у меня дома своя есть. Я иногда насыплю в нее хвойный экстракт, он в аптеке копейки стоит, и лежу в зеленой пахучей воде как царь. И потом со всем этим делом — хоть бы хны, полный порядок. Не, на фиг. Сваливать надо. Не второй же раз мне к ней приходиться. А вдруг опять? Тогда вообще, хоть с балкона вниз головой кидайся. На-а-фиг! И вообще: что я тут делаю? Болтаюсь целыми днями без всякого дела. Ну — пальмы, ну — море. А что это море? Пустое место. Не на что смотреть.

Он начал спускаться дальше, а я невольно взглянул на балкон, на котором недавно видел развалившегося в кресле Павла. Он был пуст, и ветер шевелил край полотенца, свисавшего со спинки кресла.

На обеде я Павла не увидел, не показался он и после, и, повалявшись на кровати в пустой комнате, я снова спустился к парку. Слова, сказанные Павлом на дороге, почему-то врезались в меня. Я вдруг почувствовал, что и мои дни протекают здесь как-то не так. Не писались и стихи, и к тому родившемуся в самые первые дни четверостишию прибавилось всего два:

Скала, в начале высоты,
блестит окном своим огромным,
как камень пятнышком слюды
или монокль в тени укромной
под бровью. Он рождает взгляд
всегда немножечко с презрением,
насмешкой или удивленьем...

А окончания строфы я и не помню.

Удивили и слова Павла, сказанные о море. Слова, которые можно было бы назвать кощунственными. Действительно, разве не за тем, чтобы оказаться около него — моря, каждый день толпы людей сходят здесь с поездов, разбредаясь по прибрежным санаториям, пансионатам, турбазам, съемным жилищам, даже в ту пору, когда ни покупать, ни позагорать — в не сезон. «Пустое место, не на что смотреть». И вот тут Павел, может, и прав. Действительно — пустое, и взгляду не за что уцепиться в нем, разве что за корабль, обычно далекий и маленький, как мишень в тире, или за птицу. Но ведь они: птица, корабль, торчащий из воды валун — не море. Почему же хочется, давя подошвами скрипучую гальку, подойти и встать у кромки воды и стоять, стоять. Или брести, брести вдоль этой кромки, словно уже не желая возвратиться назад.

Экскурсия в Новый Афон, с осмотром бывшего монастыря и посещением пещер, на которую я поспешил записаться, как только об ней объявили, казалось, тоже не оправдала ожиданий, и не потому, что день выдался пасмурный, и полосы тумана висли в просветах ущелий, скрывая вершины гор. Мы выехали на двух автобусах, тот, в который сел я, по дороге сломался, и около часа все томились в безвестье, двинемся ли дальше. Поэтому, после прибытия к месту экскурсии скомкалась. Надо было успеть к назначенному времени к пещерам, в которые пускали только группами, и многие запыхались, пока спешно поднимались от стоянки к бывшему монастырю по длинной извилистой дороге, обсаженной кипарисами. Экскурсовод на ходу рассказывал, что путь этот называют тропой грешников, и, по смешному преданию, с прошедших по ней списываются грехи. Но на монастырь нам дали только взглянуть, и мы сразу двинулись к водопаду и потом к пещерам. Экскурсовод все время торопил и не раз повторил «мы не можем вас ждать», обращаясь к мужчине в тяжелом драповом пальто, который иногда останавливался, чтобы рассмотреть что-то получше. Я тоже один раз словил от экскурсовода «не отставайте», когда с высокого места открылся вид на весь монастырь, с собором, всеми зданиями и строем кипарисов. Остановился не я один, так что экскурсовод счел нужным все же немного рассказать о монастыре, сообщив в первую очередь о неумном корыстолюбии монахов и их контрреволюционной деятельности. «Так что нет ничего удивительного в том, — заключила экскурсовод, — что скоро после революции

монастырь был закрыт, все церковные ценности реквизированы, а его огромное хозяйство с земляными угодьями, плантациями, разнообразными производствами было превращено в совхоз. В самом же монастыре разместились турбазы, гостиницы, и он стал частью Черноморских курортов». Раздавливая о столб докуренную сигарету, человек в драповом пальто, чуть склонив голову к стоящей рядом даме, со своей обычной полуулыбкой сказал: «Когда-нибудь, в будущем, наверно, и про нас скажут что-нибудь в этом роде. Сколько б мы после себя всякого разного не оставили».

В пещеры мы все же успели. Продвигаясь по узким мосткам, повисшим над провалами, порой кажущимися бездонными, все отзывчиво восхищались, когда экскурсовод указывал на сталактиты и сталагмиты, похожие то на монаха в капюшоне, то на водопад, то на башню, то на огромный гребень. Было сыро, гулко, темно, лишь кое-где разноцветная подсветка выхватывала из мрака соляные фигуры. Иногда было слышно, как где-то далеко внизу ударяется об воду капля, сорвавшаяся со свода, и если бы из темноты вдруг выставилась голова настоящего дракона, извергающего из пасти огонь и искры, это испугало бы, но не удивило.

Автобусы, когда мы уезжали, подошли не одновременно, и первый заполнился без оглядки на то, кто в каком приехал, так что обратно я ехал в автобусе уже другом и снова оказался на одном сиденье с Галиной. Мне показалось, таким было ее лицо, что она не расположена делиться впечатлениями от экскурсии, и я спросил:

— Как у вас в Саратове зима?

— Примерно, как здесь, только наоборот. Сегодня здесь днем плюс восемь, а у нас там ночью тоже восемь, но минус.

— Понятно. А огни, что, все так же горят на улицах Саратова, как в песне поется?

— Горят, куда денутся. А что вашего соседа не видно?

— Павла? Так... ему уезжать скоро, он же пораньше приехал.

— Понятно. Как это... предотъездная хандра.

— Вроде того.

— Про вас Надя спрашивала. Вы тоже, говорит, не заходите. Вы ей нравитесь. Говорит, серьезный такой, спокойный молодой человек. Так что заходите. А уезжать — да, казалось, столько дней впереди, а уже скоро. А я еще здесь даже в ресторан ни разу не ходила. Я бы больше в «Гагрипш» хотела, он старинный, но и тот, который в Торговом центре на площади, тоже, говорят, ничего. Кстати, завтра снова солнце обещают и что теплей будет. Нет бы сегодня.

Прогноз не обманул. «Ну их, эти процедуры, — сказал утром Павел, поглаживая выбритые щеки и глядя в окно. — Пойду, поболтаюсь где-нибудь. Мне еще у теток на площади надо чачу купить, угощу мужиков на работе. Чурчхелу эту, что тетки тоже продают, вчера уже купил. Между нами — говно. Да еще липкая какая-то. В газету завернул, так теперь фиг отдерешь. Жене бутылку «Букета Абхазии» привезу: для женщин питье».

На завтраке объявили, что в одиннадцать часов на пляже против пансионата будет производиться коллективная фотосъемка — на том самом месте, где снимался один из самых смешных эпизодов фильма «Веселые ребята». Тот, где герой фильма — пастух-музыкант, знакомится с дамой,

принимающей его за иностранную знаменитость — дирижера Густава Фраскини, который чуть позже выдергивает свое полотенце из-под ног пастуха, так что тот падает лицом в гальку.

Когда я спустился к пляжу, там уже собралась небольшая толпа. Фотограф стоял около треноги с фотоаппаратом, а пришедшие сфотографироваться кто поджидал в сторонке, подставив лицо появившемуся солнышку, кто рассматривал на поставленном на распорку небольшом стенде образцы фотографий. В середине стенда была размещена довольно большая фотография, сделанная, наверно, прямо с экрана в кинотеатре. Это был тот самый кадр, на котором спиной к зрителю стояли двое мужчин в трусах; один явно выходил из воды, другой и стоял как раз на злополучном полотенце, а вдали меж ними, в зарослях склона и виднелся наш пансионат, огромное окно которого и трубу над ним было невозможно не узнать.

— Помните этот момент в фильме? — услышал я знакомый голос.

— Вам не жарко в пальто? — спросил я вместо ответа.

Коротко затянувшись сигаретой, мужчина, так почему-то и остающийся безымянным для меня, приподнял брови и продолжил словами:

— Жарковато. Но я не взял сюда плащ, а в карманы пиджака вряд ли влезет все то, чем набиты такие замечательные карманы моего пальто. Так помните?

— Помню, конечно, помню. Да я и смотрел «Веселых ребят», наверно, раз двадцать. Мне было лет десять, когда однажды в воскресенье отец повел нас смотреть их в первый раз. Мне это запомнилось еще и потому, что перед самым выходом из дома куда-то делись уже купленные билеты, и мать ругала отца, а он, естественно, говорил ей, что это она все вечно куда-то засовывает. К счастью, билеты нашлись. Я даже помню лицо отца, когда Утесов-пастух пел знаменитую «Любовь нечаянно нагрянет...». В темноте зала во время сеанса лица, подсвеченные от экрана, так заметны... Ну а я-то, понятное дело, совершенно обалдел от сцены, когда стадо коров, овец, свиней врывается на богатую виллу и все там крушит.

— Кстати, странно, что никто из власть предержащих не увидел в те годы в этом определенную аллегория, — заметил мой собеседник.

— Ну и, конечно, — драка оркестра на репетиции. Мы с мальчишками потом бегали смотреть «Веселых ребят» много раз, когда фильм шел в ближайших кинотеатрах. Так что все — помню. Вот только дворец — наш пансионат на заднем плане в этом кадре никогда не замечал.

— Вот! А оказались теперь именно в нем. Занятно, правда? То есть, можно подумать, что своеобразно, как-то фантастически сработал так называемый эффект двадцать пятого кадра.

— Что за двадцать пятый кадр?

— Это есть такая теория, уже, кажется, опровергнутая, что глаз человека способен в секунду увидеть лишь двадцать четыре кадра, когда прокручивается киноплёнка. И если периодически вписывать двадцать пятый с одним каким-то содержанием, то оно незаметно войдет в подсознание.

— Да, но даже если это так, то ведь не я сам выбрал себе путевку именно в Гагру, тем более именно в этот пансионат. Мне позвонили из профсоюзного комитета и прямо так и сказали: вам путевка, в Гагру.

— Конечно! Но это-то как раз и есть самое интересное. Возникает мысль, что есть некая линия... судьбы. И в какие-то моменты нам подаются знаки, как бы предвестники, что ли. Зачем? Не знаю... На этот вопрос вряд ли кто-то ответит. Может, чтобы в какие-то моменты мы осознавали, что все идет своим, положенным ходом, что наша жизнь по-своему разумна, что ее путь связан с ее целью? Не знаю. Но что-то в этом есть.

«Все, больше никого не ждем, кучкуемся!» — воскликнул фотограф. Мужчинам в первом ряду было предложено присесть на одно колено, а остальным расположиться по росту и встать теснее. Фотограф несколько раз переставлял треногу, чтобы дворец-пансионат был виден за стоявшими. Солнце било в глаза, фотограф кричал «Не шуричься!». Среди не пожелавших фотографироваться и насмешливо смотрящих на нас из-за спины фотографа я увидел Галину.

— Не любите фотографироваться? — подошел я, когда, наконец, из-за треноги прозвучало «Всем спасибо!».

— Не то, что не люблю... а просто не люблю эти коллективные курортные фото. На фоне пальм, какой-нибудь красивой лестницы с вазами, да еще фонтана, стоит странная толпа кто во что, часто не по сезону одетых людей, да еще с сумками в руках, с которыми впору ходить за продуктами. А главное, с выражением лиц, которое совершенно не вяжется с пальмами и фонтаном. Словно кто-то повыдирав фотки из паспортов и вклеил на красивый задник.

Мы подошли к кромке воды и двинулись в сторону пирса. Можно было идти и в другую сторону, и мы просто болтали, почти сразу перейдя на «ты», даже не заметив, с чьей подачи.

— Вот тут недавно лежал дохлый маленький дельфин, — сказала Галя, остановившись. — Ведь два дня штормило.

— Да, я гулял тут и видел. Когда штормит, от моря вообще пахнет тухлой рыбой.

— Я эти дни плохо спала, так сильно шумело море. Ведь наш балкон смотрит прямо на него. А сейчас — вон какое спокойное. И чайки сидят на воде большими стаями.

Мы поднялись на пирс и пошли в самый его конец. Галя иногда оборачивалась и смотрела на хребты гор. Отсюда они были хорошо видны и сверкали снегом, таким белым и чистым, что было не оторвать глаз. Иногда мы вставали у парапета и смотрели вниз, на воду. Много медуз парило совсем близко от поверхности. Полупрозрачные, в светло-голубой воде они были похожи на летающие тарелки.

— Дельфины! — воскликнул кто-то. Далеко-далеко в море, двигаясь косо к горизонту, из воды то показывались, то снова исчезали три-четыре округлых спины, и косой, с заворотом гребень на них придавал их движению какую-то особую игривость.

Сойдя с мола, мы снова двинулись вдоль лениво набегающих волн, теперь уже лицом к солнцу. Его свет немного терялся в серо-зеленых склонах гор, но все равно ярко выхватывал на одном из них желто-песочный фасад нашего пансионата, поблескивая в фигурных стеклах огромного окна. И я начал рассказывать Гале то, что услышал от человека в пальто из драпа в нашу первую встречу с ним, и рассказал все, что услышал от него. Возвращаясь к обеду уже по аллее парка, мы условились снова встретиться в шесть вечера у пирса.

— Ну а я никуда уже не пойду! — чуть не торжественно произнес Павел, повалившись после обеда на свою койку. И лицо его было таким же довольным, как в тот день, когда я увидел его развалившимся в кресле на балконе «светелки», как он тогда называл комнату своей подруги.

Погода, похоже, начала налаживаться по-настоящему. После обеда многие расселись во дворе прямо в рубашках, небо было пронзительно голубое, и шум моря, временами набегающий снизу, никогда еще, казалось, не был таким ласковым. «Вот так оно всегда! — восклицал Павел, щурясь и рассматривая издали, с подушки, ноготь на большом пальце своей голой ступни, закинутой на спинку кровати. — Как назло! Тебе уезжать — а тут как раз и погода! Ёкаломанэ!»

В шесть вечера я стоял у входа на пирс. Солнце светило теперь в него с другой стороны, и горы здесь казались теперь темней, чем днем, а другие, дальние, на противоположном краю берега, наоборот, словно растворялись в вечерней дымке. Я поднялся на пирс. Медуз уже не было видно. Я прошел немного по пирсу, мимо лесенки, спускающейся к стоящим внизу катерам. И видные отсюда корпуса пансионата «Жоэквара», и небольшие строения слева от пирса, и пышная зелень, в которой тонуло все вокруг, и верхи торгового центра за площадью, и косые склоны ущелья, и наш пансионат, гордо вздымающий свою трубу над витиевато-устроенной крышей — все казалось теплым, живым. Людей на пирсе было меньше, чем днем, и я пошел в его конец, зная, что все равно сразу увижу Галю и на пирсе, и даже еще на подходе. Солнце нагрело за день поручень ограждения, и было приятно чувствовать это тепло ладонями, и я смотрел и смотрел туда, где утром из воды, блестя на солнце мокрыми спинами, выскакивали дельфины. Вдруг рокот мотора раздался сбоку и позади. Довольно большой катер почти летел в открытое море, смело рассекая сине-розовую воду остро наклоненным носом, а воздух — невысокой желтой надстройкой, за которой тянулись по бортам две скамьи. Несколько человек, похоже, радуясь встречному резкому воздуху, что-то кричали друг другу в катере через шум мотора, взмахивая руками и смеясь. И я сразу увидел Галю, стоявшую у одной скамьи. Держась рукой за поручень над ней, она другой удерживала у подбородка платок, надуваемый встречным ветром, и что-то говорила тому, кто стоял рядом, и в котором я сразу узнал врача, за которым она сбегала, когда той женщине в холле пансионата стало плохо.

Павел уезжал на следующий день. Я пошел проводить его — электричка до Туапсе останавливалась на платформе, по которой я иногда гулял, когда только приехал. Уезжало довольно много народу, на платформе провожающие стояли кучками и среди них — виновники проводов с чемоданом или сумкой возле колен.

— Уезжаете? А, вижу, провожаете... — Это человек в драповом пальто с уже знакомым приветствием приподнял ладонь к густым и седоватым волосам на своем виске. — А я уезжаю. Быстро все пролетело. Жалко. Хорошо приезжать. Но и уезжать хорошо. Особенно, когда уже нельзя не уехать. А время летит что так — жаль. Ну да жалеть — не стыдиться.

Когда через неделю я смотрел в окно вагона на все, что то проносилось, то медленно проплывало за ним — назад, назад, назад, неправдой казались не пальмы со стволами, похожими на ананасы, не медузы, реюшие в бирю-

зовой воде, не проблескивающие на солнце плавники дельфинов, а эти повалившиеся от навалов снега дощатые заборы вдоль пустых полей, присевшие под снеговым спудом покосившиеся сараи, рыжеватые речушки среди словно оплавленных белых берегов с черными деревьями и кустами, больше похожими на корни, и небо, цветом, как серая галька.

ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ

— Нет ничего гаже, чем проснуться ночью в каюте, в темноте, от того, что на тебя что-то свалилось с полки, а койка под тобой то уходит вниз, то взлетает.

Это говорил мужчина, который сидел в ресторане теплохода за первым столом у панорамного окна, выходящего на корму. Сидел лицом к окну, спиной к остальным — высокой, широкой спиной. И еще — неподвижной, словно он только и делал, что неотрывно смотрел на бурлящую за кормой воду, вспененную винтом. Спина его казалась такой внушительной еще и потому, что спина той, что сидела с ним рядом, была узка, и еще более узка ниже к талии, да еще и тонкая шея тянулась вверх словно с постоянной задачей оставлять прямыми легкие русые волосы, спускающиеся к лопаткам. Панамка унисекс над всем этим, то голубая, то песочного цвета была не снимаема никогда.

«Это верно». Эти два слова не прозвучали, а мелькнули в глазах другого человека, сидевшего через стол от тех двух, и который тоже проснулся в эту ночь, но не от качки, а от грохота. Как потом узналось, это вывалился в коридоре из ниши в стене и рухнул на ковровую дорожку огромный кулер с питьевой водой для пассажиров. Утром его унесли, но белые пластиковые стаканчики из тубуса на его боку, раскатившиеся по полу, еще и днем можно было где-нибудь да увидеть.

Шведский стол — это как попытка бросить курить. «Завтра — не буду». Не буду накладывать так много ломтиков ветчины, колбасы, сыра. Сосиску из обдающей влажным теплом никелированной емкости тоже возьму одну, а не две, как и оладьи. Кашу можно вообще не брать, как и булочку, обсыпанную сахарной пудрой. Ага! Но в это утро все словно решились. Да и народу толпилось у обеих раздаточных зон меньше, чем обычно. Было и тихо за столами, потому и слова мужчины, сидевшего у окна, были слышны. И вдруг можно было поймать чей-то взгляд. Взгляд чуть растерянный. Взгляд, словно ждущий... участия. «Так не должно было быть, как этой ночью, — говорил этот взгляд. — Мы этого не ждали. Этого не было в программе. Мы, наконец, за это не платили».

Небо обложило тучами уже днем. Не заставил себя ждать и дождь, поначалу больше похожий на водяную пыль, какую ветер порой сорвет с верха волны. Но скоро дождь зачастил и быстро согнал всех, кто расположился на креслах, расставленных вдоль палуб. Да и любителей бесконечно курсировать по ним по периметру теплохода тоже поубавил. Коричневые деревянные перила ограждений еще сильнее заблестели, и по ним побежали струйки воды, которые ветер то боковой, то встречный, одновременно и собирал, и тут же сгонял. Вечером дождь уже просто хлестал, но что он

был по сравнению с огромными волнами, которые, стоило раздвинуть занавески в каюте, вздыбливались за окном и потом обрушивались, уносясь назад, но тут же сменяемые другими.

Человек, чей взгляд в ресторане молча согласился со словами широкоплечего, вернувшись в каюту, поднял полотенце, повешенное, чтобы сохло, на край приоткрытой двери в санузел и упавшее — еще покачивало, — погасил свет, с утра включенный, и сел на постель с кое-как накинутым покрывалом, уйдя локтем в подушку, приткнутую у окна. Посидев какое-то время, он сдвинул, как смог, сжатый верх занавески и тыльной стороной ладони провел по стеклу. Но след на стекле не остался. Значит, туманно было за окном. Рисок дождя на стекле он не увидел, и ветер тоже, похоже, утих: блеклые волдыри капель на коричневом поручне ограждения палубы, тянувшегося в полтора метра от окна, были неподвижны.

Подавшись вперед, он взял со стола темный неровный камень. Он так и сказал, когда покупал этот фотоаппарат в магазине сети «Яркий мир»: «Экий булыжникчик!» И девушка за прилавком улыбнулась и сказала: «Что это вы так его обзываете?» И посмотрела, как на котенка, на увесистую, но замечательно компактно сбитую тушку суперзума марки «Olympus». Он сдвинул рычажок на «On» и сощурился, всматриваясь в дисплей и нажимая кнопку прокрутки кадров. Назад, назад, назад. Это еще Свирь, перед самой Ладогой. Солнце почти скрылось за темной полосой берега и как крыша горящего дома плескает оранжевыми всполохами то в ближнее облако, то в дымную полосу туч, и чайка над всем этим — как помарка на линзе. Это снято чуть раньше — еще светло: двое закутались в пледы в креслах на палубе. Дальше, дальше. Мокрые шезлонги, дым из прямоугольной трубы, серый, как рваные тучи, стелется над Онегой. Грузовая пристань — это где-то у Белого озера, берег завален пирамидами бревен («лес — богатство России» — рассмеялся кто-то рядом). Шлюз, еще один. Серая бетонная стена, вся в щербинах, осклизлая, почти в притык к борту теплохода уходит в небо метров на восемь, и вдруг в расщелине в ней — огнистый куст иванчая. Что за циклопы клали здесь бетон? Навстречу из шлюза — такой же пятипалубный «Федор Достоевский». Дальше, дальше! Село и пристань Горлицы. Белые, как пыльные, стены монастыря. Белая же церковь над обрывом, как сбежавшая поближе к воде. Торжище у стен монастыря в Кириллове, медвежья шкура на скамейке — страшная лапа с пятью огромными когтями свисает до земли. Углич, круглая тумба для объявлений как в старом кино, каменный царевич Димитрий в кафтане с рукавами до ног, как только играл в таком в ножички. Дальше — Калязин, колокольня среди воды, ни для кого. Шлюзы, шлюзы, шлюзы. И — Москва. Вокруг теплохода — катера, моторки, богатые яхты и кружащие гидроциклы, писающие в небо.

Палец нажал и отскочил от кнопки. Вот этот снимок. Голубое небо. В день отправления теплохода оно еще было ярким и голубым. Речной вокзал. Он косо тянется за бортом теплохода, белый, ажурный, сам как теплоход. Насквозь воздушный, и — с тонкой башней посередине, почему-то напоминающей нос крокодила гавиала.

Раздвигаящим движением пальцев по монитору он увеличил изображение и приник взглядом. Шезлонг, за ним еще, тоже пустой. И вот на следу-

ющем — развалился и, закинув руки за затылок, смотрит в небо сквозь черные очки человек с широкой спиной. Рядышком, на самом краешке шезлонга, сидит она. Взгляд тоже прикрыт — но лишь полем панамки, черная же футболка и белая юбка открывают солнцу руки и ноги с колен, на которые руки и брошены, как при медитации. Он еще больше увеличил изображение. Да, взгляд прикрыт легкой тенью, но... Но смотрит она прямо в объектив его фотоаппарата, смотрит — в его глаза.

Минут за двадцать до отправления из Москвы всех пригласили на верхнюю, так называемую Солнечную палубу. К сидевшим за столиками и на шезлонгах, стоявшим по краям палубы вышли из капитанской рубки и встали в ряд капитан теплохода и директор круиза в строгих черных мундирах, директор ресторана, старший аниматор. Запыхавшись, подоспела корабельный врач, грузная женщина с довольно заметными темными усиками на полном лице. Ее обращение было самым коротким и содержало надежду, что ни с кем из присутствующих ей во время круиза знакомиться не придется. Трепались на ветру синие, красные и белые воздушные шарик, ушли под аплодисменты должностные лица, и их сменил певец, который, слегка твистуя под понесшуюся из динамиков музыку, убеждал микрофон, что он пьет за тех, кто в море, за тех, кого любит волна. Рядом девушка-аниматор, маня пальцами с ногтями в разноцветную крапинку, призывала всех танцевать. Он еще держал у лица тушку фотоаппарата, как вдруг почувствовал, что кто-то коснулся его локтя.

— Можно вас пригласить?

Эту пару, расположившуюся на шезлонге, он заметил, когда, слушал выступления членов экипажа. Поэтому, увидев перед собой личико, прикрытое полем панамки, он невольно посмотрел в сторону шезлонга.

— Он не любит танцевать, хоть умеет, — сказала подошедшая к нему.
— Пойдемте.

— Я-то как раз не умею и поэтому, наверно, тоже не...

— Пойдемте, — она уже тянула его за локоть.

Он поставил фотоаппарат на ближайший столик и последовал за ней, в первый раз задержав взгляд на ее узкой спине, на лопатках, проступающих сквозь ткань футболки. Музыка звучала такая, что — хоть резвись, хоть топчись на месте, лишь вторя ее ритму движениями плеч и руки, соединенной ладонью с рукой того или той, чье лицо было напротив.

— Вы москвич? — серые глаза взглянули на него из тени панамки.

— Нет, а вы?

— Тоже нет.

— А откуда?

— Из Томска. Да не поглядывайте вы на него. Все нормально.

Вокруг них танцевали уже многие, и иногда чей-то толчок в локоть или в спину сблизал их, и он ощущал невольное не то что вздрагивание, а легкое напряжение ее тела с мгновенным отступом чуть назад.

— Я провожу вас к мужу, — последовал он за ней, когда музыка кончилась.

— Он не муж.

Улыбнувшись и пропуская ее вперед, он кивнул тому, кто все так же лежал на шезлонге. Тот неожиданно приподнялся, подался вперед и протянул руку.

— Очень приятно, Андрей, — протянулась ответно рука.

— Тоже, Владимир, ну а она, наверно, уже сказала, что она — Камилла.

— Мы не знакомились, — бросила та, кого назвали Камиллой, и потом взяла с края шезлонга темные очки и надвинула их на лицо.

— Кажется, отплываем, — и сказав это, назвавшийся Андреем вернулся за фотоаппаратом и подошел к периллам. Да и все почти, бывшие на палубе, сдвинулись на ее край. Кто-то глядел, как матрос бойко сматывает с черно-серебристого кнехта белый канат, кто-то всматривался прямо вниз, в щель между бортом и стенкой причала, желая наконец увидеть, как эта щель будет увеличиваться. Мужчина в зеленоватой бейсболке оторвал от лица наглазник на видеокамере и сказал стоявшей рядом женщине, державшей его под руку:

— Всегда удивляюсь, что пара таких в общем-то тонких канатов удерживает у причала такую махину.

Андрей все еще стоял на краю палубы, когда Владимир и Камилла прошли мимо, к трапу, круто уходящему вниз на шлюпочную палубу. Глядя им вслед, Андрей подумал, что будь Камилла немного моложе, а ее спутник наоборот постарше, они выглядели бы классической парой «девушка и папик».

...Оставив фотоаппарат на примятой подушке, он вышел из каюты и пошел по коридору к выходу на палубу. Судно еще покачивало — в какой-то момент рука сама выставилась в сторону, чтобы ребром ладони опереться о стену. Похоже, и ветер был еще силен: дверь на палубу постукивала о косяк, он открыл ее с усилием, и разу лицо обдало влажной свежестью, рванувшейся в духоту бесконечного коридора. Теплоход шел быстро, почти неся, и гребни все еще высоких волн, хоть и не таких, как ночью, кипя пеной, уносились назад, обрушиваясь уже где-то за теплоходом. Вход на несколько трапов, ведущих на другие палубы, перегораживали железные цепочки, и таблички «Вход воспрещен», прикрепленные к ним, бились на ветру. На площадке перед носом судна два матроса стоняли воду — один широким скребком на палке, другой «машкой» — здоровенной шваброй, в которой вместо щетки тучно бухли веревки с палец толщиной.

Андрей вошел в бар. Он был пуст, и бросились в глаза стулья, стоявшие в зале не как обычно вокруг круглых столов, а как попало. Бармен — мужчина средних лет с всегда бесстрастным лицом, как и всегда в белой выглаженной рубашке что-то протирает на стойке. Андрей поздоровался, и тот как всегда кивнул, продолжая что-то тереть.

— Как пережили ночь? — Андрей окинул взглядом стеклянные полки за спиной бармена, сейчас пустые, на которых обычно рядами стояли разновысокие разноцветные бутылки. — Много побилось?

— Зачем? Не в первый раз... — все так же не поднимая глаз, ответил бармен.

На нижней, деревянной полке все же стояло несколько бутылок. Андрей остановил взгляд на темно-зеленой с желтой этикеткой и черно-белым парусником на картинке.

— Что будете?

— Виски. Вот эти — «Cutty Sark».

— Может, «Jameson»? Букет побогаче.

— Пожалуй, нет.

— Ну, да, в тему. Сколько? Шот? Двойной? Понятно, округляя — сто грамм. Что-нибудь еще?

— Миндаль.

— Садитесь, — и бармен вполне серьезно кивнул в сторону мешанины из стульев.

У окон в углу было сделано возвышение, небольшое, и там стоял круглый столик, возле которого на вечерних посиделках усаживался исполнитель романсов с гитарой или вставала певица со странным, часто срывающимся на фистулу голосом. За него Андрей и сел. Виски был теплый, но его соломенный цвет один мог напомнить, что кроме воды, имеющей цвет старого цинкового ведра, облаков, напоминающих сейчас вату, всю зиму пролежавшую между двойных оконных рам, существует на белом свете и солнце.

Когда грохот, вырвавший ночью Андрея из сна и сам словно из его сна и вырвавшийся, толчком поднял его голову с подушки, еще один звук уже вполне вернул ему не только слух, но и зрение. Это накатила за стеной и ударила в борт, видно, особо высокая волна, шипяще обдав окно веером брызг. Полностью темно в каюте не было, но это не значило, что наступило утро: так было всегда из-за фонаря, висевшего на палубе неподалеку. Он приподнял часы, лежащие на столике. Они показывали два часа ночи. И что было делать? Снова ударило в борт, и уже не брызгами, а как из ведра окатило окно. Так что — лежать? Лежать и ждать, когда снова ударит, и чувствовать, что тебя снова вжимает в койку и в стену, когда койка уходит вниз, а потом хвататься рукой за ее край, когда она снова вздымается? Он сел, притянул к себе одежду, лежавшую на стуле, всунул ноги в штанины джинсов, натянул толстовку и, порывав ступней под койкой, выудил кроссовки. И тут беззвучно хохотнул: «Если потонем, то, когда потом выловят тело, будешь хоть прилично выглядеть».

Снова что-то стукнуло в коридоре, стукнуло и звякнуло. Наверно, это сдвинулась с места всякая дребедень, расставленная под стеклом прилавка с сувенирами. Он решил выйти в коридор, походить по нему. А если постоять, положив руки на поручни перилл над лестницей, спускающейся из середины коридора на палубу ниже, то будет и меньше качать — ведь это по оси судна.

Полоса ламп под потолком коридора, казалось, убегает в бесконечность, как и сам коридор: торцы его упирались в зеркальные стены холлов. Он медленно шел, стараясь при особом качании не тыкаться руками в двери кают. Впрочем, они и так скрипели, как только коридор начинал заваливаться набок. Он постоял у никелированных перилл спуска. Тут действительно качало на стороны слабее, но зато он ощутил и другую качку — килевую: регулярное, хоть и меньшее, опускание и поднимание то носа судна, то кормы. Кто-то быстро шел по коридору, и он увидел судового врача: та, двигая вперед-назад руками, мелкими, но быстрыми шагами куда-то спешила, сопя, и его даже не заметила.

Андрей перешел в коридор другого борта и пошел в сторону ресепшна. Вдруг на красную ковровую дорожку, покрывающую коридор по всей его длине, упал угол более яркого света. И он увидел Камиллу. Она не видела его, потому что, ступив одной ногой на дорожку, смотрела в другую сто-

рону, туда, где днем за стойкой всегда кто-нибудь стоял, поблескивая под низкими лампами пластиком бейджа на груди. В гуле двигателя, казалось, более громком, чем обычно, да и из-за других звуков — поскрипываний, постукиваний чего-то в стенах, в потолке, его шагов она не услышала и поэтому вздрогнула, увидев его около себя.

— Мы тонем?

Он даже улыбнулся, так убежденно она сказала это.

— Нет.

— А почему все ходит ходуном?

— Потому что качка. Но я заметил, что она одинакова, не усиливается. Я уже какое-то время не сплю. Да и теплоход, судя по звуку, прет при ней во всю свою мощь.

— Нет, мы тонем, — и она смотрела на него так, что он добавил:

— Ну... вот смотрите. Человек, быстро плывущий кролем, тоже все время поворачивается в воде то на один бок, то на другой, и тоже хватается воздух ртом среди брызг.

Ее взгляд замер: это сравнение, похоже, показалось ей убедительным, но тут так ударило в борт, что из каюты послышался звук, какой можно услышать, если весной ударить ногой по низу водосточной трубы, после чего в ней что-то разом посыплется.

— Полка в ванной обвалилась... — и Камила быстро ступила с дорожки в каюту, и он почувствовал, что она и его увлекает за руку за собой. И по чувству это было почти так же, как когда, пригласив его на танец, она устремилась на шаг впереди от него на площадку.

Она бросилась на диван, схватила с низкого маленького столика пачку сигарет и спешными, неточными движениями пальцев вытянула одну.

— Мне снился сон, — говорила она, раздраженно крутя колесико зажигалки. — Все стояли на каком-то балконе, и перед нами все небо заполнял огромный, каких не бывает, фейерверк. А помнишь в «Титанике», как они стреляли сигнальными ракетами?

Он оглядел каюту, сразу заметив, что она совсем другая, чем его. Похоже, это был двухкомнатный люкс. В той его части, где были они, стоял диван из зеленого флиса, такое же кресло, столик типа журнального, холодильник, телевизор. Из коридорчика вела еще другая дверь, во вторую половину каюты. Она была приоткрыта, и он видел угол широкой кровати, кресло, зеркальное трюмо с матовыми лампами вокруг, край большой черной плазмы на стенке. Она заметила его взгляд:

— Владимира нет. В час ночи он ушел в бар. Ему нравится уйти вечером в бар и сидеть там чуть не до утра, пить коньяк, пиво. Даже когда там никого уже нет, он сидит один. Пиво, коньяк. Приходит иногда еле-еле, стоит минут двадцать под душем и потом выходит — как новенький, даже идет на завтрак.

— Я заметил, что утром вы приходите в ресторан одни из последних. Иногда вас даже и не видно.

— Во-во. Но тут вообще странно. Теплоход, конечно, большой, но некоторых пассажиров, которых почему-то с первого дня запомнил, не видно вообще. А другие наоборот все время на глазах маячат. Или: слева от нас, в ресторане, в соседнем ряду, сидит дама, постарше средних лет, та,

что каждый день на каждый завтрак, обед и ужин приходит в новом, другом платье, то с опушкой, то с брошкой огромной. Так вот потом я ее никогда не встречаю, ни на палубах, ни в барах, ни на концертах. Зачем, для чего ей эти платья? Владимир говорит, что это такая особенность круизов на теплоходе. Он не в первый раз.

— Наверно, вас я тоже совсем не вижу. Да и на экскурсии и в Угличе, и в Кириллове вы сразу отставали от группы и появлялись уже потом, при посадке. Как-то я зашел в бар выпить кофе, и увидел вас за столиком. Но ваше лицо, Камилла, было таким отрешенным, прищур глаз таким раздраженным, что я не подошел.

Она помолчала, потом сказала:

— Ты знаешь, я когда пригласила тебя танцевать, ты как-то странно вздрогнул.

— Не знаю...

В борт ударило и тут же снова еще. Камилла замерла и прикрыла глаза.

— Мы утонем. Видишь, ты уже даже не хочешь убеждать меня. Как глупо. Поехать отдохнуть, путешествовать и — утонуть. И все утонет. Ложки, диваны, чемоданы с платьями — видел эту тетку в ресторане? Вчера на ужин пришла в бархатном фиолетовом платье с вырезом на спине и колючей, словно бронзовой розой у груди. И она утонет.

— Я пойду. Вернется Владимир, будет неудобно.

— А ты почему один?

— Я в общем-то не один. Жене предложили хорошую работу в Москве, по ее квалификации, уже полтора года так. Почти каждые выходные — «Сапсан». Мы купили этот тур на последнюю неделю наших отпусков, но жену из отпуска отозвали, что-то там случилось, ну и решили, что я-то поеду, все равно возвращаться в Питер.

— А... То, что теперь называется — гостевой брак. Владимир тоже говорит, что с ответственной работой больше чем на две недели уйти невыносимо. Две недели еще может все крутиться само-собой, потом — нет.

— Чем занимается твой...

— Мой не муж? Он директор компании по грузовым перевозкам, контейнеры, все такое. Я у него — финансовый директор. И все такое. Ты не в этой сфере работаешь?

— Нет.

— А чем занимаешься?

— Я много лет преподавал, теперь на работе больше методической. Профориентация лиц с ограниченными возможностями, как теперь говорят. Попросту — инвалидов.

— А... А то — вон, возьми на столе визитные карточки, в блюдце лежат. Он даже сюда их взял, на всякий случай, для возможных клиентов. Там и мои карточки есть.

Андрей, нагнувшись, взглянул на расплывшуюся веером стопочку белых глянцевых прямоугольничков, на которых фоном для текста был напечатан косо несущийся трейлер.

— Представляешь? — усмехнулась она: серые волны, плавающие чемоданы, стулья и меж них гуськом плывут беленькие визитные карточки.

Наверно, он сам виноват, что так взглянул на нее. Она взяла его за руку и он сел рядом с ней. Нельзя забыть чей-то голос, но и запахи. И он сразу узнал его, запах ее дыхания, ее близкой кожи, совсем такой, как тот, который он ощутил, когда, повернувшись к нему на палубе в первый день, она подняла рядом с ним руки, одну положила ему на плечо, а другой подхватила его ладонь.

Когда чуть позже, уже отпав от ее тела, он сел на кровати у ее ног, она вдруг сказала:

— Ты чувствуешь? Качка стихла.

Потом, глядя, как он приводит себя в порядок, сказала:

— Да не бойся. Приходя из бара, он плюхается в той половине на диван и спит, как убитый. Мы условились, что он не будит. Это одна из хороших его черт: если сказал — то сделает...

— Еще? — спросил бармен, обметывая салфеткой столы вокруг. Но он встал и пошел на палубу.

К полудню теплоход вошел, наконец, в Валаамские шхеры. Он увидел Камиллу и Владимира, когда сажился на катер, отвозивший экскурсантов к монастырю с показом прибрежных скитов, но и там, как только сошли на берег, они промелькнули на дорожке, уходящей в сосны, и исчезли. Так же было и в Сортавале. Довольно издалека он заметил их, стоящих в небольшой очереди желающих сфотографироваться на берегу у каменной нерпы, но, когда и он спустился к постаменту с ней, их уже не было. Переход по Ладоге к Шлиссельбургу прошел спокойно. В темноте медленно проплыли за бортом чуть подсвеченные башни крепости Орешек, похожие на стога. Утром, посмотрев в окно, он увидел канат, тянущийся откуда-то снизу к кнехту на берегу. Последний день тура предполагал экскурсии по Петербургу, но зачем они были ему? Он подождал, пока народ схлынет с теплохода, спеша к поджидавшим экскурсионным автобусам, и потом прошел с сумкой в руке по опустевшему коридору к стойке ресепшна, чтобы сказать, что он сходит с теплохода совсем и отдать ключ. Там никого не было, и он стал ждать. Хлопнула где-то недалеко дверь, и раздались торопящиеся шаги. Из-за угла быстро вышел широкоплечий и сразу повернул к выходу с теплохода. За ним, так же не глядя, проспешила Камилла. Андрей услышал, как трап скрипнул, чуть сдвинувшись под быстрыми шагами широкоплечего, как по нему потом дробно простучали шаги Камиллы, раз даже споткнувшейся о поперечный брусочек. Выскочив на пирс, широкоплечий устремился к автобусу, из двери которого выглядывал уже с недовольным лицом экскурсовод. Камилла же на самом сходе с трапа вдруг остановилась и обернулась. Она не могла видеть Андрея, стоящего в полутемном холле, сквозь двойные стеклянные двери. Она просто смотрела назад, пробегая взглядом по рядам палуб, косым рискам трапов между ними, окнам кают. Потом повернулась и пошла к автобусу, возле открытой двери которого стоял широкоплечий и спешно докуривал сигарету.

АНДРЕЙ-ВИКТОРИА-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

ПОЧТИ ВЕСНА...

Она шагнула из окна...
Сама! — твердят на этаже.
А на дворе почти весна.
Лежит девчонка в неглиже...

Седьмой этаж, и шансов нет.
Ну почему? И чья вина?
Её глаза — янтарный цвет,
И нет ни пятнышка до дна...

Подруги прятали глаза.
Вахтёр лишь плакала в платок.
Вещей осталось на рюкзак.
Планшет, блокнот — шестнадцать строк

Под шифром. Поиском ключа
Займусь, как схлынет боль с души.
Порхала бабочкой, свеча
Огонь спустила — до вершин

Взлетел шакалом, два крыла
Порвал сермяжной. Бросил вниз.
Свечу найду — в ней корень зла.
Нет, не поддамся на каприз,

Сам подведу под приговор.
Затем я здесь — блюсти закон...
Мигает красным светофор,
Но лодку подогнал Харон...
09.02.2023 г. А-V-A.

СПАСТИ ЖИВЫХ...

Статист считает сколько тел погостам:
Мужчин и женщин, деток разных лет...
Ядро в планете ход меняет просто:
Им до живущих, в общем, дела нет.

Десятки тысяч раненых в руинах
Селений малых, крупных городов.
От века к веку тянется рутинка
Для недр уснувших и земных пластов.

Богач, бедняк ли — слёзы льют над прахом
Родного дома и счастливых дней.
На твердь надеюсь, сами дали маху:
О вероломстве позабыв камней.

Не счесть примеров с жертвами по свету –
Рельеф меняет надоевший вид
Не раз в сто лет, прийти бы к паритету
По возведенью зданий... Панихид

Сколь избежать могли бы во всём мире?
Проблема в главном: каждый по себе.
Вот потолок обрушился в квартире,
И поспешит наперекор судьбе

Сосед к соседу с ломом и лопатой:
Спасти живых, да жертв предать земле...
Так и живём: творим витиевато,
Забыв синиц, поём о журавле...

*09.02.2023 г. А-V-A.**НАБЛЮДАТЬ ЗАКАТЫ...*

Коньки не конькобежца — хоккеиста,
Мне выдали в прокате. Три часа
Скользить по льду хотелось очень быстро:
Не протолкнуться в парке, полоса

Аллеи ледяной как автострада
В час пик — скользят уныло господа.
И госпожи, и дети — за наградой
С полгорода сбежались. Без труда,

Не я один желаю стать богатым:
Достойный был обещан в деньгах приз.
Мечта разбилась — наблюдать закаты,
Бокал вина подняв за Парадиз...

*14.02.2023 г. А-V-A.**ПРИНЯТО ПРОЩАТЬ...*

Поверженного принято прощать,
И испокон, брать под крыло — у русских.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Лицо умоет, пыль смахнёт с плаща,
По улицам и переулкам узким

Пройдёт победитель на виду:
К добрососедству побуждая, к миру.
В который раз про глупую вражду
Не вспомнит даже. Поднимая лиру

Над ждущими беду — протянет хлеб.
Открыть глаза и разум призывая.
Меж нами миллионы тайных скреп —
Едины люди. Узы разрывая,

Толкают рвать друг друга псы войны.
Бездушные, безродные шакалы.
И гибнут ради прихотей сыны:
Творцы и созидатели. Каналы

Пора закрыть для каждого из псов.
Построить резервации и будки
На островах — и поселить скопцов,
И наблюдать, как высохнут рассудки...

Логистикой планету оплести.
Излишками делиться: меньше века
Понадобится, чтобы все пути
Сошлись в Великом Духе Человека...

Поверженного принято прощать.
Когда за ним нет жутких преступлений.
А тем, кто научился наушать,
Не может быть прощений-возвращений...

14.02.2023 г. А-V-A.

РЕБЯЧЕСТВО...

По рекам и каналам
С подругой до утра,
Искали вход астрала —
Зелёная искра
Лежала на ладони
Посланием из сфер:
Вот-вот сорвутся кони
С Аничкова в карьер
На помощь добровольцам —
В Одессе дело швах.
Граф Зубов снимет кольца,
Заявит о правах;
И де Рибас наполнит
Бокал вина — за труд!
Императрица помнит,
Как города растут!
Пусть не пришлось Одессой
Со свитою пройти...

Неблагодарных месса
Ей памятник снести
Решилась. Все за Львовом,
Кто голос подавал?
Не крайним будет слово
Нацистское — провал
Через астрал устроим.
Столкнём к дороге в Ад.
С Суворовым-героем
Вернуть лета назад
Возможно, но не нужно.
Мальчишка-век растёт
С нагугой и не дружно:
Ребячество пройдёт...

08.11.2022 г. А-V-A.

НА ПЛЕНЭРЕ...

На пленэре тишина...
Вдалеке, представлю: Осень
Ходит с кистью, желтизна
На листве вскипает... Лоси
На опушке встали — гон
Заиграет во все трубы
Со дня на день. Испокон
Род продолжит сильный, грубый.

С рёвом полетит листва.
Я рисую пятипалых
Разноцветье: красных два,
Жёлтых с дюжину и алых
По краям с десятков. Трав,
Как коснутся, станут жарче.
Стройный клён стоит что граф,
Рассыпая шутки ярче.

Рядом полукруг сестриц
С пожелтевшими кудрями...
Сколько нежности от лиц
Вижу только сентяблями
Перед долгим сном. К корням,
Оберегом сбросят листья...
Чуть мне не хватило дня
Дописать мечту флориста...

04.09.2022 г. А-V-A.

ЗА ПАССИЕЙ...

Ходил как привязанный по вечерам
За пассией тихо, обличья меняя.
Водила часами она по дворам,
По мятой бумажке цифири сверяя.
Пятнадцать минут каждый адрес —
что в нём?
Терзает вопросом под коркой Отелло.

И подлая ревность на стенах огнём,
Рисует картины объятого тела

Чужими руками — с ума б не сойти...
Я знаю подробности: пенсионерам
Разносит наличные. Вечер в пути.
Секьюрити рядом — начальников вера,

И собственных ног быстрота — ну, и крик.
С надеждой — спасут, если что —
горожане.

Хожу чуть поодаль, стараясь на миг
Из вида не выпустить. Век, каторжане,

Район этот строили, славой лихой
Рассказы полны век спустя, и опаской...
И чтобы душа не теряла покой,
Лицо покрываю то гримом, то маской...

26.04.2022 г. А-V-A.

ДОВОЛЕН ЭГО...

Проснувшись, ты уходишь в клетку:
Из золота и идеальна.
День реставрирую монетку,
И собираю визуально

Твой образ в комнатах, в ладонях,
Черты в сюжетах вспоминая.
В одном моменте что Мадонна,
В другом — Царица ледяная:

Играешь сердцем, телом, ликом.
В любви клянёшься, убивая.
Убив, завьёшься повиликой
Вкруг головы, и причитая,

Себя жалеешь — вой волчицы
Случайно ль вторит на болотах?
Живой водою из криницы
Польёшь на губы... С неохотой,

Душа вернётся, пряча слёзы.
В который раз глаза открою.
Прощаю все метаморфозы:
Ты часть меня, твоей игрою

Доволен Эго. Строит планы.
Того не зная — исполняешь.
И в ночь спешишь опять — монбланы
Своей фигуркой изумляешь...

27.04.2022 г. А-V-A.

У РАСКРЫТОГО ОКОШКА...

Сел на ветку соловей
У раскрытого окошка.
Засвистел, запел — дробей
Рассыпая по дорожкам.

Замер тенью в глубине
Блока-комнаты, вкушаю
Свист романтика Весне:
В краски позже замешаю.

По пейзажу разнесу
Вдохновение в коленцах.
Лес и поле на весу
Приголублю кистью сердца.

На холсте под краской свист,
Как божественное слово...
Не допев, вспорхнул солист,
Краскам изменю основу...

15.05.2022 г. А-V-A.

ВЕКАМИ...

Скатилось солнце на закат,
От счастья сумерки хмелели.
Луна вплывала в Летний сад
С наколкой новою на теле.

Фонтаны отключил устав.
Зевают статуи в аллее.
Минуя лобные места,
Крадусь к зелёной галерее.

Там на скамеечке, в тиши,
Ждёт лебедь юная — стихами,
Поднять до призрачных вершин
Ей обещался я. Веками

В саду романтика живёт.
Расправить крылья нам поможет.
Высокой нежности полёт
Всем неудачам путь стреножит...

11.06.2022 г. А-V-A.

В ВАШИНГТОНСКИЕ САДЫ...

Планета повернулась, солнце пряча:
Восхода и заката просто нет.
Земля на голой гальке старой клячей
Пытается согреться — только свет,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Один бок греет, а с другого звёзды
Энергию крадут и холодят.
Птенцов своих укутывая в гнёздах,
Пытаются спать города, чада

Из труб высоких паром, газом, дымом.
Жизнь дорогая штука на Земле.
Правителей команда пилигримов
То с долларами мутят, то в реле

Убрать забудут гвоздик-перемычку.
И на тебе: то пекло, то потоп.
Ни «белую», ни «чёрную» наличку
На завтрак не положишь — эскалоп

Вот-вот мечтой останется народам.
Трещит планета волею делят:
Всё чаще драгоценная порода
Затрат не окупает, в соболях

Детей и внуков не увидят храмы.
И взламывают тайные ходы.
Сойдёт с пути планета — холод драмы
Спустился в Вашингтонские сады...

11.08.2022 г. А-V-A.

В СВЯЗЯХ СФЕР...

Есть в городах районы деревянных
Одно и двухэтажной старины.
Идёшь таким и ждёшь: вот-вот в сафьяне
Появится красotka, со спины

Косу до пят на груди перекинет.
Глазами цвета неба обоймёт...
В одном таком застрял на карантине
На две недели с лишним — жизнь течёт,

Мне показалось до границ района.
Дома из брёвен, печи в изразцах.
В один и заселили, арт-салона
Хозяйку муз приставили — с лица

Писать иконы, пить глотками воду.
Улыбка — лучик солнца золотой.
Я благодарность отсылаю роду,
За радость наслажденья красотой.

Степенность и достоинство что сила
Незримая, но как гранит тверда.
И вера в справедливость негасима,
Пока восходит по утрам звезда.

Мы днями напролёт общались, темы
От А до Я знакомы ей, но жить
Предпочитает как и предки. Схемы
Подправлены слегка, а в этажи

Не рвутся — челоуейники заразные.
Мой карантин — тому один пример.
Прощаясь, повторила про соблазны
Одноэтажной жизни — в связях сфер...

11.08.2022 г. А-V-A.

НА КРИВОЙ КОЗЕ...

И на кривой козе, бывает,
Заедешь ровно не туда...
На перекрёстке два трамвая
Столкнулись жёстко, прям беда:

Закрыт восток, стоит и запад,
Застыли пробки из машин.
Коза, поля загнув у шляпы,
Везла на север — там решим

В какую сторону свободней.
Где и дворами можно мчать.
Возила и поблагородней,
Просила сразу — не кричать.

Рванула с Мойки на Фонтанку,
Легко пранизуя дворы.
В одном на голую гражданку
Качнула рогом, от жары

С ума сходили коллективы,
Не только дамы без метлы.
И у Садовой перспективы
Внезапно встала: блеск смолы

Таил опасность переломов.
Умчалась, сбросив со спины,
Обратно к Мойке. Мир обломов
Жив в каждом уголке страны...

12.08.2022 г. А-V-A.

МИХАИЛ КУЗЬМИЧ АНИСИМОВ

Россия, Белгородская область, село Комаревцево

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

С тех пор, когда великая держава,
Исчезла с карт Земли — с материка,
Сидит в груди печаль занозой ржавой,
И угнетает беспросветная тоска.

И нет теперь ни партий, ни союзов,
Что выступали в роли рулевых.
Вмиг разорвали дружеские узы,
И предали всех павших и живых...

Чтоб не смотрел народ на нас с укором,
И марш Победы никогда не смолк,
В весенний день по городам и сёлам
В одном строю идёт Бессмертный полк.

Когда гремит раскатами гроза...

Когда гремит раскатами гроза
И лупит дождь по крыше за окошком,
Туманит взор случайная слеза,
И лёд встаёт не льдом, а рыхлой крошкой.

Я возвращаюсь в мыслях в те года,
Где за спиной гора у Сусумана,
А у причала вешняя вода
Ломает лёд чукотского лимана.

Но вновь сижу ночами у костра,
На берегу реки под сенью ивы.
И будоражат память до утра
Далёкие заливы и проливы...

***

Буйство трав и цветов
На пригорке в июне,
Отцвела у меня
Под окошком сирень.
День России готов
Отмечать накануне,
В воскресенье, друзья, —
Святой Троицы День!

У НАШИХ СТЕН

ПРОТИВНИК С ТРЁХ СТОРОН...

У наших стен противник с трёх сторон,
И океан, как видно, не преграда.
А потому, чтоб не терпеть урон,
Войска у нас не только для парада.

Взять на испуг они не смогут нас,
В веках храним мы древние заветы.
И если вдруг настанет грозный час,
Мы призовём всех недругов к ответу.

Я Б УЕХАЛ ЗА МОЖАЙ

Тише едешь — дальше будешь
Русская пословица

Лужи стали вдруг мелки,
Солнышко пригрело.
Собирайте котелки
И в дорогу смело!

Я б уехал за Можай,
Свистни — нет вопросов.
Только в грязь не выезжай —
Береги колёса.

Бездорожье — не беда,
Под навесом дроги.
Деревенская среда
Научила многих.

Изловчился — так и сяк,
Голову повыше!
И с разбега о косяк...
Ехать надо тише...

ВЫЙДУ ИЗ ДОМУ РАНО...

Выйду из дому рано
В поле зорьку встречать,
Тишина возле стана
И колосья молчат.

Только нивы родные,
Под горою ключи,
И дубы вековые,
С небосклона лучи.

Здесь и синее небо,
И начало дорог.
Запах мёда и хлеба,
И родимый порог.

И просёлки степные
Уводящие вдаль,
И цветы полевые...
И на сердце печаль...

Выйду из дому рано
В поле зорьку встречать,
Тишина возле стана
И колосья молчат.

В ГРЕМЯЧЕМ ЛЕСУ ТИШИНА

*Памяти воинов 40 Армии
Брянского фронта,
павших в боях под Старым Осколом
в июле 1942 года*

В лесу, что назвали Гремячим,
Сегодня кругом тишина.
В далёком июле горячем
Везде полыхала война.

Средь леса воронки, окопы,
Залитые вешней водой.
Здесь наши пехотные роты
Столкнулись с великой бедой.

В тяжёлые дни окруженья
Попали бойцы под обстрел.
И пали в жестоком сраженье,
И лес от разрывов горел.

За бой не вручали награды.
Теряла Отчизна сынов.
В трагедии не до парада,
И не дают орденков...

...Никто и ничто не забыто.
Мы помним погибших солдат.
За воинов, в роще убитых,
Огнём отомстил Сталинград.

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ

Великой Победы немеркнувший свет
Сердца жжёт и хмурит нам брови.
В нём отблеск пожара тех огненных лет
И пролитой жертвенной крови.

Пропитана кровью советских солдат
Земля от Москвы до Берлина.
И хлещет с небес дождевой водопад
Печаль на могильный суглинок.

Уснули навеки под тяжестью плит
Герои минувшей эпохи.
И небо над полем сражений и битв
Кровавые красят сполохи...

Я ПОРТ ПОКИНУЛ НАВСЕГДА

Я порт покинул навсегда,
Швартовы отдали суда.
И затерялись все следы,
Где снег и паковые льды.

Не потерял и не нашёл,
Своим путём, как мог, прошёл.
И там, упёршись в мерзлоту,
Познал земную красоту.

И лишь порой звучит сквозь сон,
Надрывный ноющий клаксон,
Как в шторм забортная вода
Могла отправить в никуда.

Но я уехал навсегда,
А в порт опять пойдут суда.
Навстречу радужной мечте,
Снегам и вечной мерзлоте.

ОКРЫЛЁННЫЕ СВОБОДОЙ

Строчат ловкачи мемуары,
Лелеют и холят внучат,
Богатыми вышли из свары,
Взялись молодых поучать.

Когда-то и нам обещали
Тряхнуть полновесной мошной.
Головушки только трещали,
Плужок где достать пропашной.

Поникли знамёна марксизма,
Но клич ещё в памяти свеж.
Развеялся миф коммунизма,
Без боя пал главный рубеж.

Народ терпелив от природы,
Столетия били челом.
Когда же вкусили свободы,
Событий согнул перелом.

Осушим слезу умиления,
Заманчива светлая даль.
Набраться бы только терпенья
Глотать этот горький миндаль...

РАЙ ЗЕМНОЙ ПО НОЧАМ МНЕ НЕ СНИЛСЯ...

Рай земной по ночам мне не снился,
Лишь маячили скалы во мгле,
И когда я в тайге приземлился,
Стало легче мне жить на земле.

Впереди простирались Саяны,
Непролазные чащи, хребты.
Аромат удивительно пряный
Исходил от земной красоты.

Стреловидные кедры и ели
Заслонили шатром небосвод.
Журавли в облаках пролетели
В край озёр, родников и болот...

Бурундук, горностаю почуяв,
Прошмыгнул за замшелый валун.
Мы в тайге у костра заночуем,
Под звучанье серебряных струн!

***

Пускай любовь даруется нам свыше,
Костёр потух и потускнела брошь,
Друг друга мы давно уже не слышим,
И не понять, что сказка всё же ложь...

МЕНЯ НЕ ПОЗОВУТ НА ИИР И БАЛ

Что делать там без фрака и отличий?
По меркам свыше получу я низший бал
Когда дойду до фактов и приличий.

А где та грань и чёткий интервал?
За двадцать лет ответ не отыскали.
Одним – бокал, чтоб никогда не пустовал,
Другим – чтоб по судам не затаскали.

Мы снова слышим возгласы
льстецов,
От них за деньги речи о величии.
Им почести, им шкуры подавай песцов,
А потому возносятся они спици.

Не верьте им, когда кричат: «Народ!» —
Им фраза эта вроде заклинания.
Когда забот и дел невпроворот,
Нам не понять их странного желанья.

Уж ни к чему эзопов мне язык,
И не нужны подачки и объедки.
Я не боюсь услышать властный зык,
Когда кричу про нищету и запах едкий.

И что меж кланов — свара и грызня —
Кому отрезать мякиш с той горбушки,
Что выбросят, как льготу, всех дразня:
«Хлопочем», мол, даём мослы с пирушки.

Всем издавна известно на Руси —
Уж очень любит власть покрасоваться!
Пора уж языки вам прикусить,
Да и в офшоры незачем соваться...

***

Уж скоро выборы. Программы и платформы
На избирателей накатятся волной.
От них опять останутся лишь формы
А содержание — забудут к посевной.

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

Зашумел по ветвям ветерок,
Дуновением душу лаская,
И с фиалки сорвал лепесток,
Как мальчишку, меня развлекая.
Я нашёл для себя уголок,
Где живёт заблудившийся ёжик.
Уведут от соблазнов и склок
Сердцу милые ленточки стёжек.
Я по ним снова в поле пойду,
Вспомню, как собирал там колосья,
Как с друзьями играл в чехарду.
Рядом с полем когда-то ведь рос я.
По оврагу спущусь к роднику
И умоюсь водой ключевой,
И к сплетённому в поле венку
Я добавлю пахучую хвою.
Я иду, чтобы к сроку воспеть
К тем местам, где я бегал подростком.
Всё, что дорого, мне бы воспеть,
Но лишь память звучит отголоском.

*БЫЛО ВРЕМЯ –
ГОРЕЛА ЗЕМЛЯ...*

Было время — горела земля,
Города превращались в руины,
И на фронте боец — земляк
От друзей не скрывал седины.

Не на случай солдат уповал,
Защищая родные святыни.
Он врагу на войне не давал,
Превратить нашу землю в пустыню.

Сколько славных России сынов
Не вернулись домой в наши сёла...
Без отцов у босых пацанов
Детство было совсем невесёлым.

Зеленеет в прилужье трава
И шумят над рекою березы.
Только вот о войне не стихает молва,
И текут материнские слёзы...

ЛЕТЕЛИ НА ФРОНТ ЭШЕЛОНЫ ...

Детям войны посвящается

Летели на фронт эшелоны,
Кипела работа в тылу.
Мальцы штамповали патроны
И в щебень дробили скалу.
Свалилась на хрупкие плечи
Гора непосильных забот —
Терпели и боль, и увечья,
И муки военных невзгод.
Дымились фабричные трубы,
Вставали мальцы по гудку.
И накрепко стиснуты зубы,
И руки присохли к станку.
И вот повзрослевший подросток
На фронт едет вслед за отцом.
И где-то под городом Росток
Сражён был горячим свинцом...
Страницу в историю нашу
Вписали Отчизны сыны.
Пусть помнят Алёши и Саши
Отважных героев войны...

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

И теперь лишь серый мир,
и сквозит из серых дыр.

И январь ветрам не рад,
и нельзя вернуть назад:
эти тридцать ярких дней.

Вечер в радуге огней,
солнца пляски,
рыжий пляж,
белых чаек ералаш.

Море синее вдали
и на рейде корабли.

Луг зелёный весь в цветах.

Ты с ромашкою в губах.

И малиновый закат.

Время не вернуть назад...

***

Вот тебе и дальние полочки...
А вы достаёте с таких полочек
информацию и памятные зарисовки?!!

ТОТ ОСТРОВ... ...

Тот Островок любви, надежды и тепла
в душе своей я для тебя приберегла.

Один лишь Ты сумел туда попасть
и нежности моей напиться всласть.

Ты остров обжил, землю сделал вмиг
обетованной,
такой родной, уютной, радостной
и долгожданной

А мне-то как на Острове том хорошо
и славно,

что и не надо мне Земли большой
и главной!

КОГДА БЫ...

Когда бы научиться короткими шажками
измерять
большие расстояния. Когда бы научиться
терпеливо
ждать с тобой свидания. Когда бы
научиться быть
с тобой спокойной, безмятежной.

На всплески
настроения твоего — всегда и ласковой,
и нежной.

Когда бы всё постичь и в совершенстве
овладеть
этой наукой... И... что... тогда?!

Тогда б наверно...
умерла от скуки.

ЗА ОКНОМ МЕЖ ТЕМ ЗИМА...

Есть места и по пустынее...
По утрам каёмкою инея
покрывается окно.

Делай вид, что всё равно.
Но... ярко жить не суждено:

Нету внутренних премьер.
Принимаешь всё на веру.
И привычек вредных в меру.

Встреч, соблазнов кутерьма.
За окном меж тем... ЗИМА.

В УГОДУ ЯНВАРЮ

Сначала мне мечталось что-то для души,
о чём загадывают в праздник малыши.

Но... сделав выводы, умнела
и получилось так, как и хотела.

Вот: лаконична, методична
и управляю собой лично,

мажорной нотой звучу,
бегу — лечу, куда хочу.

И, не оглядываясь на твои придирки,
все кафельки души моей блистают
безупречно затиркой.

Отточены мои движения,
гораздо ярче восхождения.

Но чей-то зоркий глаз со стороны,
чрез солнца луч и тень луны,
за мной упорно наблюдает!

Ну что ж... его благодарю,
что я в угоду нынешнему январю,
Люблю и трепетно страдаю.

Пусть наблюдает

ЕЙ-ЕЙ, ВСЁ СБЫВАЕТСЯ — К ГАДАЛКЕ НЕ ХОДИ!

Теперь уже можно расшифроваться,
поскольку
всё исполнилось; а начиналось так:
несколько

лет назад сидели мы с девчонками
в сауне и Валюша моя замечательная
приятельница

вдруг сказала: А я буду записочки писать
под Рождество... Как это?! —
Заворачиваете

семь совершенно одинаковых бумажечек
На трех пишете желания, а на четырёх
имена людей, которые могут (по вашему
мнению) помочь выполнению этих
желаний, материально или просто

душой. Кладете всё под подушку.
 Читаете Молитву ровно в двенадцать,
 самую легкую для воспроизведения
 например: Богородица Дева, радуйся!...
 Утром руку под подушку и с закрытыми
 глазами достаёте оттуда три записочки,
 что на них написано сто процентов
 сбудется!!! Сто процентов!
 И Наташку понесло, несколько лет
 подряд я это выполняла.
 Не поверите: всё с точностью
 до буквы сбывалось.
 Так появилась моя третья книга.
 Совершилось много выступлений
 в разных уголках нашей страны
 и за пределами. Словом, была
 обласкана солнцем счастья.
 Однажды в ночь на седьмое
 января загадала. Утром
 рукой под подушку... шарю...
 перерыла всё, записочек нет,
 ни одной. Ну думаю, только
 у тебя такое могло произойти,
 неумеха Майская... эх... эх..
 полежала ещё с закрытыми
 глазами и встала, а на полу
 прямо под ногами лежат три
 записочки. Вот. Сбылось всё!
 Даже под финиш поездка
 с выступлениями по селам.

P. S.

НЕИЗМЕННОЕ УСЛОВИЕ:

весь год молчок — рот на крючок!!!
 никому даже себе в мыслях, только
 тогда сбудется! Не отчаивайтесь,
 если в записке выпадет не желание,
 а человек значит рядом будет
 Добрый ДРУГ, а это дорогого стоит!
 я например, написала на одной
 из записочек такие слова: совершенно
 незнакомый человек и именно это
 выпало. Так с выпуском третьей книги
 помог человек, живущий во Франции,
 мы с ним случайно познакомились
 на презентации моих стихов...
 Он дал деньги на выпуск книги.
 вот ведь как бывает.
 и не верь после этого чудесам!
 Приближается Рождество
 Буду непременно загадывать!
 И вы загадайте!
 В чудеса надо свято верить!

***

Ну вот и наступили долгожданные
 рождественские денёчки.
 Волшебство! Радость! Чудеса! Счастье!
 Изобилие вкусовностей!
 Вспоминаются события пятилетней
 давности и смеюсь сама
 над собой, сейчас и вас рассмешу.
 Итак, вы уже знакомы с Валушей, самой
 мудрой
 из всей нашей компании.
 Именно она давала советы
 по рождественским гаданиям
 и научила меня,
 как узнать имя моего будущего мужчины.
 Ночь с шестого на седьмое. Гадаю...
 в ночной рубашке, с распущенными
 волосами.
 Темно, лишь свечка потрескивает.
 И всё какие-то страхи меня преследуют.
 И вдруг вижу на часах без трёх минут.
 Хватаю с вешалки шубу и выскакиваю
 на улицу (благо, у меня первый
 этаж) и всего три ступеньки
 отделяет от мира. На улице ни души,
 я в шубе,
 но в тапочках на босу ногу.
 Холодно... бррррр...
 И вдруг из переулка здоровый ДЕТИНА
 роста, ох... двухметрового,
 я прямо таки вся ещё больше
 похолодела от страха, но не долго думая:
 Мужчина, скажите своё имя!
 и в этот момент, из под его подмышки
 Дева, вусмерть пьяная, в накатЫ
 Аха, имя ей, а потом еще в дом затащит,
 а потом... ещё...
 Нет, нет... только имя
 Сегодня Рождество просто я гадаю
 Щаз..., разбежались...
 Имя, как же! Держи карман шире!
 Я не отступаю...
 и совсем шепотом, ледяными губами:
 Нет, только имя
 Вдруг заговорил ДЕТИНА густым басом:
 Молчи, Женщина!
 Она сразу осела в снег,
 Я затряслась...
 Моё имя ИБРАГИМ!
 Я рухнула. Они ушли, я поплелась домой...
 Дома налила в рюмку коньяк и залпом
 проглотила.
 Однако, у всей этой истории финал
 был реальный

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

и просто ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ!

Прошло чуть больше года

И я была в Москве
на презентации своих стихов
и там, в Артистическом кафе
познакомилась с мужчиной
художником Николаем,
талантливейшим, умным и красивым.
Глаза, как сливы, волосы, как смоль,
иссиня-черные. Он мне так понравился!
За несколько дней мы всю Москву облазили
Старый Арбат. Вернисажи. Выставки.
Мастерские художников.
С массой интереснейших людей
он меня познакомил.
А когда провожал на вокзале,
вдруг поведал свою историю:
Мама — красавица русская, косы до пояса,
артистка театра. Отец не русский...
Небывалого роста и сИлищи невероятной.
Спортсмен. Вольная борьба.
Мама назвала меня Николаем,
а отец: ИБРАГИМОМ!

***

вот ребята, други мои дорогие,
такие чудеса!
ей-ей, всё сбывается —
к гадалке не ходи!!!

РОК, БЛЮЗ И ДАЖЕ ДЖАЗ!

То, что осталось во вчерашнем дне,
тобой забытое вполне, ждёт новых музык!
Казалось, шесть (!) октав, а круг так узок...
И нынче сказки нет, и из манжеты
не вытащить и захудалого сюжета.

А раньше было всё «на раз»:
рок, блюз и даже джаз!,
пронзив насквозь земную ось
с горы катилось и неслось
и припеваючи жилось!

Так ведь бывало и не раз:
из перекатов умных фраз,
из переливов громких нот
рождался солнечный водоворот
редчайших трепетных мелодий.

Тебе же не приснилось вроде
всё это во вчерашнем дне?
И музык жаждешь ты вдвойне!
и строишь планы в Новый Год
попасть в тот солнечный водоворот!

УИЕДИМЕЕ В ВЕЧНОСТЬ МГНОВЕНИЕ.

Интересней всего посмотреть сверху
вниз на прошедший год,
И с позиции времени уловить в том
заняты простые вещи...
Был он резко и веско диктующим,
но не слишком зловещим,
Иногда абсолютно абстрактно
построенным наоборот.
Иногда он закладывал в наши карманы
расстройства и беды,
Но потом помогал устоять, разрешая
проблему успехом победы.
Он был разным... — везучий,
капризно-молниеносный...
Своенравно учтиво
амбициозно вопросный!
Но он прожит —
ушедшее в вечность мгновение.
И вступаем мы в новый
с большим озарением:
Жить, творить, мечтать и гореть,
На два голоса песню любимую спеть!

СПОКОЙСТВИЕ, ТОЛЬКО СПОКОЙСТВИЕ!

В гостинной стулья чинно так молчали,
готовились к приему чопорных гостей.
И занавеска извивалась в радости-печали,
покуда ветер — враль и баловень
шептал ей кучу свежих новостей.

И мягко, еле слышно тупфи
горничных ступали по ковру,
а на балконе репетиция оркестра:
там-та-тари-тара-туру...

Лакеи по углам
в ливреях и напудренных
мукою рисовой париках.
И барышни «на выданье»
в летящих экипажах:
ох и ах!

И всё в преддверие праздника,
в безумстве грёз...
И в томном, многочасовом
дрожащем ожидании.
И лишь хозяйка так спокойно
пудрит перед зеркалом свой нос,
то легкомысленное, нежное,
блестящее создание...

И вот свершилось:
звучи первые оркестра
и смычок взлетает ввысь!
Бал! Барышни, милейшие стрекозы,
юбки, пелерины. Эй, Гусар, держись!

МЫСЛИ В ДВЕ СТРОКИ...

И вот уходит этот год, в нём столько
всего намешано!
На ваш суд представляю мысли в две строки,
каждая связана с тем или иным событием...

Терпение и труд всегда вознаграждаются.
И всё даёт свои ростки, коль скоро
так усердно ожидается

***

Как долги эти холода, как позамерзла
в той реке вода,
Как наших отношений лёд в твоей душе
ничто не всколыхнет

***

Вроде бы все тебе рады, зачем же ты
одинокий?
Во взглядах — ни доли правды, проза
жизни жестока.

***

В чащобу леса не заходит свет,
Вот так бы душу мне попробовать
закрывать от бед...

***

Все человеческие судьбы БОГ вершит.
Ему подвластны все мы.
ОН каждую судьбу в отдельности творит
и не понять нам той дилеммы.

***

Как странно человек устроен —
Не любит он того, кто этого достоин

***

Коль знаешь ты секреты чьи-то, то —
молчи!
Пусть на уста твои опустится безмолвие
ночи

***

А добрые слова — жемчужины
души.
Они идут от чувств и очень хороши!

***

Тебя с душой высокою такую
Красивым званием ЧЕЛОВЕК пожалуй
удостою!

***

Мы бываем на вершине, а бываем
и в забвение.
Полоса бывает черной, когда кончилось
везение.

***

Исчезло всё, во что так верилось, любилось,
а время вдруг остановилось...

***

А мне не надо тихой лжи —
Ты громко правду мне скажи!

***

Забудутся обиды, забудутся печали,
а фотографии в альбоме поймут
о чём молчали...

***

А зелёная трава ушла в небытие.
Загулявшая зима вершит свое

***

Понесутся года словно поезд по рельсам.
Без тебя нелегко, а с тобою? О! ЕСЛИ!!!

***

Я всё бы отдала, чтоб маску, за которой
спрятан ты, сорвать,
тогда б узнала наконец: «что» от тебя
ещё мне надо ждать!

***

Так жарко мыслям, словно полыхающим
лицом зарылась в ворох снега.
Целую вечность... вечность... ты
со мною не был...

***

Давай начнем всё с чистого листа
И ты — другой и я — не «та»!

***

Сама себе самоотверженно вмиг
врешь,
что ты его совсем уже не ждешь...

***

Как не умеем мы всё вовремя заметить,
Как далеки от истины порой.
За то, что натворили только сами мы
в ответе!
Грехи стоят за нами каменной стеной...

***

Солнцем озарился новый день.
Без следа исчезла грусти тень.

***

Встань под холодную струю,
Я утро вновь тебе спою!

***

Стакан наполовину полон, ... цель твоя:
Наполнить жизнь, как тот стакан,
по самые края!

ТОНКАЯ ЗИМНЯЯ ФИЛОСОФИЯ

Всё знать про нас наверняка
обязаны плывущие по небу облака.
Они кучкуются в замысловатые фигуры,
выписывая шероховатости природы,
срезая острые углы, обтёсывая грани
и обнажая нити нашей нервной ткани.
Они нас изучают вдоль и поперёк.
Жаль... — облаков недолог срок!
Наутро упадут чужим холодным снегом.
Был Человек с тобой, а будто бы и не был...

ЧАЙ С ЕЖЕВИКОЙ.

Только нежность я б тебе дарила,
горячим чаем с ежевикой я б тебя поила.
И никогда бы не устала:
я б сны твои тревожные оберегала.
Украдкой, тихо... целовала, но
Отношения наши — хрупкое стекло.
Кому из нас не повезло?!
Тебе со мной иль мне с тобой.
Не знаю я, любимый мой!

МОЛЕКУЛЯРНАЯ ФИЗИКА

Счастье на стороне того, кто доволен.
Все счастливые барышни счастливы
каждая по-своему. Она же, не как все.
Она — самая, самая, самая! Любовь —
вот её действенная сила! Вот та
свободная территория,
которая делает её:
лихорадочно красивой,
тонко чувственной,
обаятельно загадочной,
причудливо фантазийной,
уверенно безукоризненной,
безудержно страстной.
Её возбуждение, жжение,
горение только с Ним
достигает высшей точки
кипения. И в омут с головой.
Физика превращается в молекулярную.
Жизнеутверждающие молекулы
распадаются на радостные ионы,
те в свою очередь, на счастливые
атомы, которые с бешеной
скоростью, ломая все известные
стереотипы, устремляются в космическое,
обалденное, необузданное.
Безбашенно, солнечными всплесками.
И наступает Её счастье!
Яркое, желанное,
страстное и великое!
Вот такая вот физика...

АНДРЕЙ ЦЫРУЛЬНИК

Украина, г. Дружковка

ГРЁЗЫ ВСЁ, – ГРУСТНО...
(Вольный перевод стихотворения
шотландского поэта
Роберта Льюиса Стивенсона
«Романтика»)

Я построю дворец,
подходящий тебе да и мне:
Моря синь вдалеке
представлялась, зелёный лес тоже
Там, игрушки и брошь
для тебя, — не раз видел во сне, —
Пенье птиц по утрам,
звёзд сиянье, — ах, грёзы всё, Боже...

Для себя кухню в нём
я обставлю, а в комнате ты
Своей сделаешь так
пожелаешь как. — Белая речка
И метель, вон, в окне,
пред тобою, — такие мечты, —
Ночью росы, дождит
вновь с утра, лужицы у крылечка, —

И под музыку всё... —
Рядом больше и нет никого,
Песни дивный мотив
Повезёт пусть нам слышать с тобою,
В восхищении ты
да и я... — Грустно мне оттого,
Что видения лишь, —
в жизни путь обозначен судьбою...

ROMANCE

I will make you brooches and toys for your
delight
Of bird-song at morning and star-shine
at night.
I will make a palace fit for you and me
Of green days in forests and blue days
at sea.

I will make my kitchen, and you shall keep
your room,
Where white flows the river and bright
blows the broom,
And you shall wash your linen and keep
your body white
In rainfall at morning and dewfall at night.

And this shall be for music when no one
else is near,
The fine song for singing, the rare song
to hear!
That only I remember, that only you admire,
Of the broad road that stretches and
the roadside fire.

Robert Louis Stevenson

ПЕЧАЛЬ МОЯ,
СО МНОЮ ЗДЕСЬ ОНА...
(Вольный перевод стихотворения
Роберта Ли Фроста
«Ноябрьская гостья»)

Печаль моя, со мною здесь она,
Осенний день, о нём всё её думы:
Слегка притих дождь, и — опять стена,
Деревья оголённые угрюмы,
Ещё соломы мокрая копна.

Ей по сердцу картина эта, да,
Довольна, что и птицы улетели,
Что серое вокруг всё, и вода
С небес, вон... — Небось, скоро и метели,
Пока же туман липкий иногда...

Ой, нет, совсем не радуют меня
Угрюмые пейзажи, настроенья
Нет никакого. — Сколько же огня
В глазах её, ах, сколько восхищенья
Такою вот погодой. — Болтовня

Печали раздражает, но, увь... —
К ноябрьским дням любовь у неё, явно,

ЛЮБОВЬ ГОЛЬТ

ФРГ, г. Гамбург

*ВЕЧЕРУ – ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
С ИТАЛ.
УГО ФОСКОЛО*

Возможно, потому что очень тихо,
Приходишь ты картиной, чудный вечер!
Как бережно ты стелешь облака
В непрочной безмятежности зефира...
И вот темнеет, снежный воздух лихо
Шлет из вселенной радостно навстречу
Секретный смысл. Как вкрадчива строка,
Которая несет всю нежность мира...

Блуждают мысли..., вечер, ты со мною.
Осилить зло стараешься помочь.
Бессмысленно по времени тропю...

О, вечер, перейдешь ты скоро в ночь.
И наслаждаюсь я твоим покоем,
Воинственный мой дух уходит прочь...

*СЧАСТЛИВЫЙ ПУТНИК
(перевод с нем.
Йозеф фон Айхендорф)*

Кому Господь дает благословенье,
Того шлет в мир, прекрасный и большой,
Тому он дарит чудо восхищенья
Горами, лесом, полем и рекой.

Пусть на плечах лежащие заботы
Не устранятся утренней зарей,
Знакомы с детства бедность и работа,
И хлеба не хватало пусть порой,

Но ручейки спешат с горы спуститься,
И жаворонки звонки в вышине.
Расправить плечи, вместе с ними слиться,
Петь в полный голос хочется и мне!

На милость Божию природа уповает:
Ручьи и птицы, чащи и поля,
Судьбу мою Бог к лучшему решает, —
В Его руках — и Небо, и Земля.

*Александр Райн
(Россия, г. Владимир)*

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Когда Дима предложил отдать наши последние деньги нищему, я, не зная, как реагировать, просто посмеялся и сказал, что нам тогда придётся топтать до дома пешком. Диму этот ответ, кажется, устроил, так как через минуту он уже поддевал пальцем последний рубль, что никак не хотел выбираться из маленького кармашка кошелька на этот собачий холод. И я его полностью понимал. В такую погоду хотелось ехать домой, сидя в нагретом печкой салоне какого-нибудь Uber, но никак не топча заветренную грязь из песка и подтаявшего снега.

Лохматый бомж в прожжённой сигаретами синей болоньевой куртке и коричневых вельветовых брюках принял деньги как-то безучастно, в ответ лениво осенив нас неполным крестом, невнятно пробормотав что-то о благодарности Всевышнего и нашем вечном здравии. Убрав деньги во внутренний карман куртки, он снова вытянул руку, повернув желтой ладонью кверху.

— Не, ну ты смотри на него. Да он же пропъет всё! — не в силах смириться с утратой, набросился я на Димку, когда мы отошли от мужика на десяток метров.

— Ты бы с радостью сделал то же самое.

— Это другое. Посмотри на него — здоровый мужик! Он разве не в состоянии пойти работать?

— А ты не в состоянии пройтись пешком? Посмотри на себя — заплыл весь и закис, — Димка не хамил и не повышал голос, просто указывал на те вещи, которые я и сам прекрасно знал.

Я бубнил ещё минут десять, пока губы не обветрились и не треснули. Облизнув их в очередной раз, я почувствовал солёный привкус крови и наконец замолчал.

Сырой ветер вырывался из дворов, залезая мне под куртку и щекоча ребра. Хотелось как можно скорее добраться до родного квартала, где всегда было немного теплее. Может, это потому, что район находился близ химического завода, а возможно, меня грели мысли о том, что дома ждёт суп с клецками и бутылка егермейстера.

Я ускорил шаг, но Дима предпочел не торопиться и всячески тормозил меня, намекая на то, что нужно насладиться и без того коротким днём.

— Машину толкнуть не поможет? — окрикнули нас два здоровенных «лба», явно налегающие всё своё свободное время на спорт.

— Поможем! — охотно согласился Дима.

Мне хотелось выть от злости и безысходности. Ну почему? Почему я всегда должен идти у него на поводу? У меня ведь даже перчаток нет. Эти двое явно не выглядят слабаками — вполне бы справились сами.

Дима, кажется, не разделял моего недовольства и охотно встал в стойку, уперев ноги в асфальт. Пришлось помогать, иначе я бы выглядел полным козлом.

— У меня рукава теперь в грязи, — жаловался я, ища глазами чистый снег.

— Хватит ныть! Будь у тебя машина и попади ты в подобную ситуацию, сам был бы рад, если бы тебе помогли.

— Но у меня нет машины! И уже давно! А эти двое вполне справились бы сами! Два кабана, которые эту машину поднимут и руками перенесут! — я снова выплёскивал своё недовольство наружу, и кровь на губах потекла с новой силой.

Дима меня даже не слушал. Он спокойно шёл себе дальше, смотря по сторонам, словно выискивая, где ещё прыснуть своим великодушием.

Успокоиться ему было не так просто. То фантик поднимет, то подбежит к подъезду и придержит дверь. Всё это выглядело смешно и немного бесило. В мире творится черт-те что: голод, войны, пандемии, коррупция — а этот тип своими потугами борется со вселенским злом при помощи йодовой сеточки. Вот именно так это и выглядело.

С Димой мы познакомились недавно, но он, как репейник, зацепившийся за штаны, всюду следовал за мной, распространяя свои семена.

Деньги у нас, кстати, закончились сегодня тоже не просто так. Мы как раз собирались покинуть офис нашего арендодателя, у которого мы снимаем склад. Он забыл записать показания счетчиков за прошлый месяц и не выставил счет. Это было настоящее новогоднее чудо, хотя на дворе стояла середина марта.

— Вы нам в том месяце электричество не посчитали, — резанул меня словами, точно тупым ножом, Дима, когда мы прощались со стариком.

Тот улыбнулся и назвал Димку хорошим парнем.

«Хороший парень не будет сам себе палки в колеса вставлять!» — думал я, доставая из кошелька последние смятые купюры, но вслух ничего не сказал, а лишь улыбался.

Скажу честно, Диму я ненавидел и хотел от него избавиться. Он не понимал намеков, не понимал угроз. Любой нормальный тип уже давно бы обиделся и ушел, но в том-то и проблема, что Дима не был нормальным.

Поначалу к нему начали тянуться все мои друзья, постепенно отесняя меня в тень. Он очаровал всех своей добротой и отзывчивостью, а меня бесило, что он не лицемерил и был таким в действительности.

Постепенно я начал замечать, что Димой заинтересовалась моя супруга. Нет, я, конечно, не ревнив, ведь моя жена не из ветреных, но покоя все равно больше не было. Они часто разговаривали, шутили несмешные шутки, в коих не было той перчинки, которую я называл юмором, а моя жена — грязью и пошлостью. Всё у этого парня было с улыбкой: дела, слова, отношение к деньгам и даже я. Он улыбался мне всякий раз, когда я пытался его оскорбить или унижить.

Ничего не выходило. Я начал пить. И его спаивал за свой счет. Диме это не нравилось, он всегда ныл, что алкоголь разрушает его. Это-то мне и было нужно.

Я стал водить его по кабакам и закусточным. Поил его сначала дорогим алкоголем и медленно перешел на сивушную подделку. Дима почти скатился и стал таким же, как и я, почти потеряв свою индивидуальность. Но тут вступилась моя жена. По сути, это была измена в чистом виде, и я ненавижу её за это.

Она присела нам обоим на мозг. Меня отчитывала за то, что я зачем-то всё порчу, а Диму — за то, что поддается. В итоге он пошел на поправку, а я совсем зачах. Я знал, что она уйдет к нему, и это случилось сегодня.

Мы поднялись на родной этаж, разулись и зашли в квартиру. Дима чувствовал себя хозяином моего жилья, моей жизни, моей жены. Он вытащил откуда-то букет полуживых цветов, которые купил у бабушки возле остановки.

Я посмеялся над ним, но промолчал. Жена пригласила нас за стол, поставила тарелку супа с клецками и нарезала хлеб. Я попросил достать бутылку егермейстера, но она сказала, что давно отдала её соседу. Я хотел было накричать на неё... Но тут она поцеловала меня так сильно, как никогда в жизни не целовала, и поблагодарила за то, что я так сильно изменился.

— Я люблю тебя, Дим, — сказала она.

И я исчез. Раз и навсегда. Дима победил. Он выселил меня из собственного тела. Никакого больше Дмитрия Сергеевича, злого и подлого жмота, что никого и никогда не ставил вровень с собой. Никакого алкоголя. Теперь был только Дима — добрый и отзывчивый, вечно молодой парень. Он появился в тот день, когда я оказался в одном шаге от смерти. Добрые люди вытащили меня из горящего авто. Тогда-то он и родился. Дима был частью меня, способной на добро и созидание. И со временем эта часть победила, оставив всю злобу и ненависть позади.

*Александр Железов
(Россия, г. Ярославль)*

ИНТИ РАЙМИ

Статья 1985 года — «Инти Райми»

Испанские завоеватели Южной Америки веками пытались вырвать из душ индейцев всякую память о былом. Тому были свои причины: завоевателям нужны были лишь покорные рабы, лишённые своего прошлого, католические же патеры всё, что связано с язычеством, с древними богами и святынями, считали крайне греховным. А прошлое этих земель — империи инков, лежавшей на территории нынешних Перу, Боливии, Эквадора, — было величественно.

Инки строили из огромных каменных глыб крепости и храмы, прокладывали дороги, сооружали мосты. Стены зданий «завалены» были немного внутрь. И в этом был точный расчёт древних строителей — сооружения устояли при частых в Андах землетрясениях. Тогда как построенные надёжно и капитально — по европейским меркам — пышные испанские дворцы и соборы здесь не выдерживали единоборства с подземной стихией, обращались в развалины. А инкские сооружения — в Куско, Писко, горная крепость Мачу-Пикчу — нерушимо высятся и в наши дни.

Выдержала тяготы и испытания столетий память потомков инков — сегодняшних индейцев кечуа и аймара. Сначала казалось, что они покорились, забыли свою историю: стали носить испанские имена и ходить в церковь. Но индейский мастер, изображая мадонну, придавал ей черты Пачамамы, инкской Матери-Земли. Сохранился и язык кечуа, и костюмы — их до сих пор носят в деревне, сохранились имена владык-инков. И — легенды о древнем государстве.

...Конечно же, империю инков трудно назвать «раем земным»: строго регламентированные законы общества предписывали, кому и как жениться, где жить, чем заниматься — всю жизнь... Все работали, и всем была

пища. А главное — страна была своею, не правили в ней иноземцы. И история инков, переходя из уст в уста, от отца к сыну, окружалась радужным ореолом; день позавчерашний представлялся в памяти народа «золотым веком».

В наши дни интерес к инкскому прошлому усилился, язык кечуа объявлен вторым официальным языком Перу. Возрождаются древние праздники. Ежегодно в дни зимнего солнцестояния в перуанском городе Куско, столице инков, проходят торжества. Длятся они неделю, потому и называются «Неделей Куско». Со всей страны на праздник съезжаются зрители и участники. Из окрестных деревень ремесленники-индейцы приносят на ярмарку свои изделия: фетровые шляпы, пончо, статуэтки. Здесь же дары земли: картофель и кукуруза, как известно, именно отсюда распространились по всему миру. Грудами висится чёрный, белый, розовый, фиолетовый картофель, золотые, красные, белые початки кукурузы.

Каждый округ посылает на празднество свою фольклорную группу, и под печальное пение тростниковых свирелей ходят кругами танцоры. Именно «ходят», потому что танцы кечуа медленны и меланхоличны. А в древней крепости Саксайуман устраивают театрализованное представление «Инти Райми» — «Праздник Солнца»: в нём участвуют и профессиональные артисты. Массовые сцены отданы самодеятельным коллективам.

И оживают перед зрителями картины прошлого. Появляется Верховный Инка (его выход изображён на снимке). Он поклоняется Солнцу, благодарит за урожай прошедшего года, просит обилия земных плодов в будущем. А потом индейцы возвращаются по деревням. Лица их непроницаемы. Они запомнили всё, что видели в Куско, до мельчайших подробностей, чтобы рассказать потом близким. Сдержанный характер индейца не позволяет говорить о празднике много и бурно. Нет, рассказов по вечерам понемногу хватит на целый год. До следующего Инти Райми в Куско.

(автор статьи Александр Кармен)

Наталья Ульянова
(Россия, Санкт-Петербург)

СЧАСТЬЕ И ГОРЕ ВЛАДИМИРА ЗЕЛЬДИНА

(28 января) 10 февраля 1915 г. (109 лет назад) родился
ВЛАДИМИР ЗЕЛЬДИН (1915-2016) —
СОВЕТСКИЙ И РОССИЙСКИЙ АКТЕР ТЕАТРА И КИНО,
НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР

В долгой дороге Владимира Зельдина было столько удивительного, что впечатляет даже скупое перечисление фактов, имен, событий.

ТАЛАНТЫ И РЕКОРДЫ

К 10-12 годам Володя Зельдин прочел почти всю русскую классику. Благодаря папе-музыканту играл на трубе, рояле и скрипке, правда, спустя годы жалел, что недостаточно хорошо овладел исполнительским искусством. Пел. Фехтовал. Танцевал и даже поступил было в хореографическое училище, однако отец видел в младшем сыне только музыканта...

В кино дебютировал в 23 года в эпизоде, но фамилию в титрах не указали. Следующей, настоящей, работой стала главная роль у Ивана Пырьева в фильме «Свинарка и пастух». Да так и осталась самой значимой в кинокарьере Зельдина — для него и для зрителей.

В роли Альдемаро в спектакле «Учитель танцев» выходил на сцену 1000 раз. В течение 30 лет.

Имел огромное количество наград. Только орденов Трудового Красного Знамени — три. Кроме того, Зельдин — полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» (а в этом списке — всего 55 человек).

«МОЙ ПОРОК — ЭТО ЖЕНЩИНЫ»

Первый брак 24-летнего Зельдина оказался «тренировочным» и продлился не больше года. Второй растянулся на 15 лет. И лишь с третьей попытки Владимир Михайлович обрел настоящее семейное счастье и покой — с журналистом Иветтой Капраловой (в момент знакомства ей было 29, и она уже успела развестись) актер прожил 52 года. После его смерти Иветта Евгеньевна не продержалась и трех месяцев — ушла вслед за ним. Хотя была на 18 лет моложе. Похоронили их вместе...

«Женщина для меня — чудо природы», — любил повторять Зельдин. И подчеркивал, что уважение к женщине ему привили еще в детстве. Все знали: актер галантен до невозможности, любит одаривать комплиментами, ухаживает за молоденькими. Но делал он это так красиво, так по-рыцарски и по-джентльменски, что никому и в голову не приходило обвинить Владимира Михайловича в чем-то непристойном. Даже когда он заявлял: «Мой порок — это женщины...».

ПОМОГАЛ ВСЕМ, ТОЛЬКО НЕ СЕБЕ

В 13 лет Володя потерял отца — тот сторел от саркомы, в 16 остался и без матери. Заботу о младшем брате взяла на себя одна из сестер (в семье было пятеро детей).

В 1941 году в младенческом возрасте умер от пневмонии сын Зельдина от первой жены Людмилы Мартыновой. Он крайне редко рассказывал кому-то о трагедии, и только близкие знали о страданиях актера, тем более что похоронили ребенка в эвакуации — тогдашнем городе Фрунзе. Больше детей у Владимира Михайловича не было. Всего себя он отдал искусству — 81 год жизни!

В 1941-м же состоялось знакомство Владимира Зельдина с режиссером Иваном Пырьевым. Но началась война. И если бы не указ сверху о продолжении съемок «Свинарки и пастуха», 26-летнего актера призвали бы на фронт. А там... «погиб бы точно», почему-то был уверен Владимир Михайлович.

О его встречах с великими современниками можно было бы написать отдельную книгу. Страшно сказать: он видел Луначарского, Маяковского, Эренбурга. В примерку к Зельдину заходила Анна Ахматова. Он лично знал Василия Сталина и Юрия Гагарина. Вживую слушал Владимира Высоцкого. В гостях в его квартирке на Коштоянца бывали Алексей Баталов, Махмуд Эсамбаев, Юрий Визбор...

Отношения с двумя женами актер не регистрировал. Но расставшись с Генриеттой Островской, квартиру и дачу оставил ей. А сам перебрался в примерку театра Советской Армии. В третьем браке ютился с супругой на 30 квадратных метрах. И лишь в последние годы получил от государства возможность пожить на даче в Серебряном бору. Сам же, пока был в силах, неизменно помогал людям — в том числе получать жилье...

В свое время его не приняли в военное училище из-за слабого зрения. А с годами актер практически полностью ослеп. Уверенно чувствовал себя только на сцене. Дома его «глазами» была жена Иветта.

Старейший актер мира, Владимир Зельдин до последнего был в строю. В 97 лет играл в десятке спектаклей в месяц. В 98 — принял участие в эстафете Олимпийского огня, став одним из самых пожилых факелоносцев в истории ОИ. Последний раз вышел на сцену за месяц до смерти — в 101 год.

Валентина Телухова
(Россия, г. Благовещенск)

ШУРШАЛИ ГОЛУБИ НА КРЫШЕ (окончание)

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Зиночка смотрела на этого человека, который представился её родственником, немного испуганно и ничего не понимала. Он что? Он её дедушка? Не каждый день к ней являлись родственники, да ещё из далекой её родины, да ещё и со слезами на глазах.

Гость смотрел на Зину тепло. И глаза его были родными. Такие глаза Зина видела в зеркале, когда смотрелась в него внимательно. И темный вьющийся волос ей был знаком. И даже голос его был знаком. Перед ней стоял человек, которого она видела первый раз в жизни. Но он точно был её родственником. В это Зина поверила сразу же.

Зина обратила внимание на то, что мужчина, которому на вид было чуть больше пятидесяти лет, был довольно легко одет в осеннюю кожаную куртку. На ногах — осенние туфли, на голове — фетровая шляпа. Когда приезжий немного успокоился, Зина заговорила с ним об обыденных вещах.

— Что-то вы не по погоде одеты.

— Так откуда я мог знать, что в ваших краях такие ранние морозы и снега? Хорошо, что мне на вокзале посоветовали не автобусом к тебе ехать, а полететь на кукурузнике. Добрался я до аэропорта, сорок минут всего летели, не успел замерзнуть окончательно. А из аэропорта добрые люди подвезли до самого автовокзала, а там, от него я на рейсовый автобус сел. На пограничном посту мои документы проверили и пропустили.

— Вы сказали, что вы — мой родственник. Вы — мой дедушка?

— Не торопись, я тебе всё объясню. Дай мне дух перевести. Батько я тебе и им я батько!

— Ничего не понимаю.

Зина шагнула назад и села на скамейку у порога, потому что ноги подкосились! Мир рухнул в одно мгновение, и тут же стал собираться в новую картинку.

— Я тебе все расскажу.

— Давайте я вас с дороги накормлю, чаем напою, а потом вы мне все расскажите. По порядку. Да разувайтесь, ноги промочили насквозь. Вот вам носки теплые. Я сейчас вернусь.

Зина побежала к соседке Прасковье Терентьевне, без стука вошла в дом.

— Баба Паша, дайте мне тапочки большие мужские, да и валенки мужские достаньте из кладовки, они мне нужны.

— Батюшки, а это зачем? Почему тебе мужская обувь понадобилась?

— Ко мне гость из дальних краев приехал. Давайте быстрее, он по снегу в легкой осенней обуви шел, ноги насквозь мокрые.

— Да возьми, не жалко. А что за гость?

— Потом объясню.

Алексей Владимирович снял куртку и шляпу, разулся, одел теплые носки и потерянно сидел на диване, привыкая к тишине деревенского дома.

И хоть Зина и накрыла на стол, но приезшему было не до угощения. Высокий и плечистый, крепкий и сильный мужчина так волновался, что не знал куда деть руки. Он то клал их на колени, то скрещивал на груди, то потирал друг о друга, то безвольно опускал их вниз.

А бедная Зина все смотрела ему в глаза и все ждала ответ на самые главные вопросы: кто она, откуда. И есть ли на свете родные ей люди? И если этот мужчина её отец, то кто тогда ей родители? Люди, которые были её семьей?

До глубокой ночи горел свет в домике Зиночки, и до глубокой ночи отец рассказывал дочери печальную историю своей жизни: как он женился в молодости первый раз, но жена была хвора и родила малюток, которые так и остались маленькими на всю жизнь. Когда приехал в деревню цирк лилипутов, то эти приезжие сманили деток с собой в Ленинград. Оля с Алешей уехали и стали артистами. Домой они писали радостные письма, и души родительские радовались за них. Однако мать их дожила до сорока лет и померла. Хвора она была. Совсем одиноко стало Алексею Владимировичу, и он решил жениться в другой раз. Женился он на женщине, у которой было трое детей, а муж был в местах заключения. Она через три года родила ему доченьку здоровую и пригожую, а тут муж её по амнистии пришел из тюрьмы. И началось. Ушла она к нему и детей забрала, а дочь-малютку оставила с ним. Так её муж потребовал. Алексей Владимирович решил, что раз дитё матери не нужно, то ему тоже не нужно, и решил сдать девочку в детдом. А как раз дети старшие к нему в гости приехали. Узнали все, переночевали одну ночь, а утром и говорят, что сами девочку в детдом отвезут.

— Я им сам и помог до станции добраться. Нес тебя в одеяльце, а оно мокрое было от слез моих. Я бы не отдавал тебя, но мне работать нужно, тебя не с кем было оставить, вот я и придумал. Да ещё назло хотел твоей матери сделать. А дети мои уехали, как в воду канули. Мать твоя ко мне вернулась через полгода, потому что непутевый её муж опять за решеткой оказался. Как мы тебя искали! И по детским домам, и через «Красный крест», и письма в газету писали. Дети мои в Ленинград не вернулись, мы во всесоюзный розыск подавали, а все бесполезно было. К ворожейке даже ходили, она нам, кстати, сказала, что ты жива, и обязательно найдешься! Мы стали ждать. Годы прошли, а о тебе нет никакой весточки. Мы тебе каждый год день рождения справляли. Вот тебе два года, вот три, вот десять, двадцать, двадцать один, двадцать два...

А тут секретарь наш из Сельского Совета бежит и в окна стучит нам и письмом машет твоим. Мы во двор выскочили, стали письмо читать, а руки у меня дрожат, ничего понять не могу. Мамка твоя голосить начала, а я еле вытерпел. И все, и стал я к тебе собираться. Сразу деньги взял и поехал на станцию билет покупать. А мне его не продают, говорят, что погра-

ничная зона, нужен пропуск. Стал я хлопотать насчет пропуска, а мне говорят, что вызов нужен. Ну, прямо, заколдованный круг. Ребенок нашлся через столько лет, а мне к нему не прорваться. Напишу я тебе, а ты вдруг видеть меня не захочешь, ведь отрекся я от тебя, и не пришлешь мне вызов! На работе хожу, как в воду опущенный. Я механиком в гараже работаю. А уже весь хутор наш Григорьевский узнал, что дети мои нашлись. Правда, старших в живых уж нет, а младшенькая живет в медвежьих краях, а я туда ехать собрался. Мне уже родня и гостинцы для тебя всякие нести стала, а я все не придумаю, как до тебя добратся. Тут председатель колхоза предложил мне выход, выписал командировочное удостоверение. Вроде как я за передовым опытом в ваши края еду, поподробнее познакомиться с выращиванием сои. У нас её тоже стали сеять.

По командировочному удостоверению мне пропуск выписали, по нему я билет купил и шесть дней через всю страну ехал. Насмотрелся чудес всяких! Байкалом любовался все время, пока поезд мимо него шел. От окна не отходил. Даже сбегал на стоянке и водички хлебнул, чтобы вкус понять. Мне мама твоя говорила в дорогу, чтобы я не ждал, что в тебе кровь заговорит, и ты бросишься мне на шею. Это только в кино так бывает. Мы пока чужие люди. Ты нас совсем не знаешь. Только вот увидел тебя, а слезы сами подступили. А я уже не помню, когда и плакал. Наверное, и плакал последний раз, когда тебя в одеяльце нес на станцию. Тебе брат с сестрой что рассказывали о родителях? Почему ты в письме написала, что твои родители умерли, а сама указала имена и отчества Ольги и Алексея?

Теперь настала очередь Зинаиды рассказывать этому чужому человеку всю свою жизнь.

— Значит, они назвались твоими родителями, а жили в разных комнатах. Ольга с тобой, а Алеша в маленькой комнатухе у порога, а ты ни о чем не догадывалась? Говоришь, они любили друг друга, заботились вместе о тебе. Мои дети — святые люди! Мы поговорили наспех, ты меня накормила, а теперь давай чемодан разбирать. Ты меня зови по имени отчеству, а потом разберемся.

Алексей Владимирович вдруг улыбнулся так радушно, что Зина невольно улыбнулась в ответ. Улыбки у них были похожими.

Огромный чемодан поставили на две табуретки, открыли его и первое, что Зина увидела — был семейный альбом.

— Твоя мать — умная женщина, знала, что тебе нужно. Давай смотреть вместе.

Зина листала семейный альбом, и у неё появлялось прошлое. То самое прошлое, которое есть у каждого человека, но не каждый его знает. Некоторым оно не интересно, и они живут «Иванами, не помнящими родства». От некоторых оно укрыто, спрятано за семью замками, и хранит свои тайны крепко.

Обычные люди обычно помнят родителей своих, дядюшек и тетюшек, да дедушек и бабушек, а про историю рода их спрашивать бесполезно, потому что события вековой давности мало кого интересуют. Исчезают индивидуальные черты тех, кто нес свою жизнь, а значит и жизнь потомков через испытания и преграды. Новые поколения называют их предками. За этим

холодным словом стоит что-то туманное и бесформенное. А ведь стоит рядом поставить слово «наши», и сразу оно преображается. Наши предки — родные нам люди! Зина знакомилась со своими предками. Она рассматривала фотографии с пристальным вниманием, а Алексей Владимирович давал ей пояснения.

— На этой фотографии моя бабушка, твоя прабабушка в преклонных годах. Ты на неё похожа и я на неё похож. У неё дед цыганом был по преданию. Вот у нас и появляются в роду черноглазые, темнокожие, кудрявые ребятишки. Привет от бабушки Агриппины. Посмотри, фотография подписана её рукой.

Зина прочла на обороте: «Износили меня горе и неволя, зная такая моя уродилась доля».

— Я её ясно помню. Она долгожительницей была, девяносто шесть лет прожила. Сказочница была, книжки нам вслух читала, когда-то учительницей в сельской школе работала. Ты учила на уроках истории о хождении в народ членов организации «Народная воля»? Вот в эту организацию она по преданию и входила. Пошла в народ, в народе и осталась. Вышла замуж за кузнеца, детей нарожала. Боевая была женщина, ничего не боялась!

А эту фотографию в сторону не откладывай, не откладывай. На ней — мама твоя, Лариса Павловна. Она фельдшером на хуторе работает. И на пенсию вышла, а все работает. Подмены ей нет. Золотая женщина! всю жизнь кается, что оставила тебя на мои руки. У неё три сына: один экономическую академию окончил, на одни пятерки в школе учился, средний военное училище закончил — офицер, служит в Казахстане, а младший — маленько неудачный. Мы его на ноги ставили, ставили, а он все опрокидывался. Бросил учебу, работать не хотел. Так веришь, нашлась дивчина и взяла его в руки. Уже двоих детей ему народила. Он теперь занят с утра до вечера. некогда ему баклуши бить. Братьев твоих зовут Гена, Шура, Юра.

А на этой фотографии я с ребятишками, твоими родителями названными. Видишь, они как наряжены — Ольга цыганочкой, а Алеша — казак. Им здесь по десять и одиннадцать лет, а они пятилетними детьми смотрятся.

Главные фотографии мы с тобой посмотрели, а теперь давай подарки принимай!

От братьев Зина получила золотое колечко, цепочку и серьги с красными камешками. От матери белоснежный пушистый свитер из козьего пуха, такие же рукавички и шарф. От неведомой крестной — диковинные бусы. От родного дяди огромный цыганский платок, от маминих сестер — красивые заколки для волос.

Родственники прислали расшитые полотенца и скатерти, красивые покрывала и даже небольшой шерстяной прикроватный коврик. Отдельно в маленьком пакетике лежал сверточек, а в нем — крохотная распашонка. Оказывается, Зиночку в ней из родильного дома забирали. Берегли её, ради памяти, а теперь отец привез её в подарок. Особым подарком был и кулончик-оберег от матери.

— Владей всем и помни, что у тебя полно родни! А то я как прочел в письме, что ты одна на свете осталась, так и кольнуло меня что-то. Нельзя

человеку одному быть! И прости меня, что я тебе, как снег на голову свалился. Мы думали тебе телеграмму дать, но слов придумать не могли. Вот и решили, что лучше ехать без всякого предупреждения. Мне завтра с утречка на вашу почту сходить нужно и телеграмму дать, что доехал и с тобой увиделся благополучно.

Зина объяснила отцу, что он находится на почте, и что утра ждать не нужно, а можно прямо сейчас послать телеграмму. Что и было сделано без промедления.

Зина постелила постель Алексею Владимировичу в комнате отца. Она так и сказала.

— Я постелила вам, Алексей Владимирович, в комнате отца.

— Никогда и подумать не мог, что Алеша в твоей жизни мое место займет. Он правильно все сделал. А ты мне на ночь дай ваши фотографии. Я посмотрю и узнаю, как ты росла, как они жили-поживали без меня. А к мысли, что я твой отец, за несколько часов не привыкнешь.

Зиночка достала из шкафа свой семейный альбом и отдала Алексею Владимировичу. Она выключила свет и улеглась, но уснуть не могла долго. Вот оно как все было! Вот какую тайну от неё скрывали! Вот почему «Свидетельство о рождении» ей не показывали! Значит, мама ей не мама, а папа не папа. Мама — сестра Оля, папа — брат Алеша. И где-то живут неведомые братья Гена, Шура и Юра и полный хутор всяких родственников. Покрывало тайны было сдернуто, а легче почему-то не стало.

В маленькой комнатке у входа всю ночь горел свет, всю ночь Алексей Владимирович рассматривал фотографии своих детей и с некоторыми из них он разговаривал. Он просил у них прощения.

Утром Зина спала необычно долго. Проснувшись, она торопливо оделась, вышла на кухню и удивленно замерла.

Все домашние дела были сделаны: печка топилась, в ведрах стояла принесенная из колодца вода, на плите чуть дымилась легким парком сковорода с жареной картошкой, хлеб был нарезан. Алексея Владимировича нигде не было. Зина хотела уже выйти во двор, но он вошел в дом, поёживаясь от холода с ведерком парного козьего молока.

— Коза у вас, дети, строптивая! Как вы только справлялись с ней? Но у меня не забалуешь! Где у тебя цедок? Молоко в глиняные кринки цедишь? Правильно делаешь! В них молоко долго не киснет и сметану собирать удобно!

— Зачем вы? Я бы сама! Как вы с ней справились? Она без подкормки не дается доить.

— Справился. Она стала капризничать, а я ей слово сказал, она и притихла. Я борову твоему вынес корм, курочкам тоже пшеницы насыпал. Я им печку устрою закрытую. Будешь иногда протапливать прямо с улицы, они долго нестись будут. Кирпич я у тебя видел во дворе. Правда, им клумбы обложены, но их можно и досками обгородить. Разрешешь?

— Да, пожалуйста!

— Ничего, что я хозяйничаю? Я тебя не обижаю? Я ведь всего на несколько дней приехал, я думал тебя домой забрать, но раз ты в институте учишься, тебя пока увозить нельзя.

— А откуда вы знаете, что я учусь?

— Так, меня соседки твои проинформировали. Я с ними сегодня утром познакомился. Прасковья Терентьевна мне рассказала, что тайну твою она давно знает. Ей Оля сама все рассказала. Соседка твоя моим детям помогала тебя сберечь. А когда с проверкой участковой приезжал, он оказался её родственником. Она его уговорила оставить все как есть, поэтому он так бегло твои документы посмотрел. А какая женщина! Кремень! Никому ни слова не сказала, нигде не обмолвилась невзначай. Редкое качество для женщины. А потом подошла Мария Ивановна. Теперь её дома не найти, она всю деревню обходит, и новость горячую всем рассказывает. Давай, садись завтракать! У меня дети картошечку жареную очень любили. Угодил я тебе, или нет?

— Угодили!

С приездом отца у Зины началась удивительная жизнь. Всю работу по дому Алексей Владимирович взял на себя. Он прекрасно варил и стряпал, он мыл посуду, он наводил порядок в доме, он топил печку, он даже постирал и погладил белье. Каждый день он ходил в магазин за продуктами и просил у продавца что-нибудь вкусненькое, чтобы ребенка побаловать. Во дворе он просто пластался. Подремонтировал заборы, утеплил курятник, прочистил дорожки, наколот дров на всю зиму и сложил их в сарае. Потом ему не понравилось, что у Зины прямо дома отделение связи. Он посоветовался с ней и утеплил флигель во дворе, отремонтировал в нем печку. Флигель выгородил так, что в него можно было зайти прямо с улицы, никак не побеспокоив хозяйку. На флигеле появилась вывеска «Почта» и часы работы почтового отделения. Внутри было обустроено рабочее место для Зиночки, был поставлен спаренный телефон. Сортировочному столу могли позавидовать и на центральных почтовых отделениях. Зина признала, что теперь ей стало удобнее работать. Дом стал только её домом.

Коза слушалась Алексея Владимировича, Полкан признал в нем хозяина, приبلудный кот спустился с чердака и днем заходил в дом и сидел на руках у Алексея Владимировича, от которого он получил тепло и заботу и даже имя — Мурза. Кот на заботу ответил добром.

Однажды Зина показала отцу заветную шкатулку, в которой хранились золотые украшения Ольги Алексеевны. Отец долго любовался кулонами и кольцами. Один перстенок он нечаянно выронил, и тот укатился неизвестно куда. Владимир Алексеевич и диван отодвигал, и в подполье с фонарем лазил, но нигде колечка не нашел. Он так расстроился, что Зине пришлось его утешать.

— Куда оно денется. Найдется. Дальше пола все равно не укатилось. Где-нибудь в укромном уголке смотрит на нас и смеется.

— Да это же память какая! Это колечко я подарил девочке своей на шестнадцатилетие. А она его носила и берегла. Значит вспоминала меня в душе своей. Это же память какая и для меня, и для тебя! А его уронил. А вдруг оно в подполье упало, а там вряд ли его найти можно. Неладное я сотворил! Одно дело — убыток, а другое дело — память. И не только моя, но и твоя тоже.

Отец горевал так искренне, что Зина не нашла слов утешения и притихла. В доме наступила тишина, а в этой тишине стало ясно слышно какое-то позвякивание. Оно доносилось из кухни. Зина выглянула на кухню и рассмеялась. По чисто вымытому полу Мурза гонял золотое колечко, которое тоненько, едва слышно звенело.

— Ах ты, разбойник! Посмотрите, чем он тут занят!

Кольцо у kota отняли, он сердито мяукнул, но быстро утешился, обнаружив в своей миске свежую крутую сметану.

Все признали Владимира Алексеевича, только Зина продолжала обращаться к нему на вы и звала его по имени отчеству, а он её не торопил.

Отец Зиночки каждый день ходил на кладбище и проводил там часы в полном одиночестве. Он сидел неподвижно и скорбно на скамейке возле дорогих могил и мысленно просил прощения у своих детей. Он был перед ними виноват, потому что не поверил в то, что все вместе они смогут вырастить Зину. А Оля с Алешей справились одни. Было ли их самозванство грехом? Могли ли они открыться всем в том, что они брат и сестра Зиночки? Нет, не могли! Документов на опеку Зиночки у них не было. Ребенка могли отнять. А кто посмеет отнять ребенка у отца и матери? Он, настоящий отец Зиночки, взрослый мужик, водку пил да слезы лил, а они, его дети, маленькие взрослые люди, не отдали сестру в детский дом и вырастили её.

Алексей Владимирович сказал дочери, что искал её. Да, искал, но в промежутках между запоями. Только когда к нему вернулась Лариса Павловна и её дети, он избавился от пагубной привычки и дал слово, что в рот спиртного не возьмет. И не брал уже пятнадцать лет, и даже в новогоднем застолье пил вместо шампанского напиток. Ну её совсем, эту поганую отраву!

Зиночка все освободившееся время проводила за учебниками. Но даже в учебе отец ей стал помогать. Вечером он устраивал ей небольшие экзамены. Брал учебник в руки и задавал ей вопросы по изученному материалу, а когда Зина отвечала на них толково и обстоятельно, он искренне радовался тому, что она выросла такой умницей. И с гордостью говорил, что в роду Колосовых сроду все женщины умницами были.

Зина предлагала Алексею Владимировичу съездить в райцентр и купить там себе теплую одежду в дорогу, но он отказался.

— Доеду я, доченька, в стареньких валенках. Мне их Терентьевна разрешила взять. Шапку я себе у неё же раздобыл. Под куртку я себе безрукавку выстежил ватную. Теперь ваши морозы меня не возьмут! Денежки я лучше на тебя потрачу.

И потратил, настоял на том, чтобы купить Зине шубу, которая уже полгода висела в сельском магазине. Деревенским жителям она была ни к чему да и не по карману.

— Ты в институт на зимнюю сессию поедешь, вот и оденешься по городскому, в шубу. Я тебе её не для красоты покупаю, я тебе её покупаю для своего душевного спокойствия. Уеду, и буду знать, что ребенок мой в тепле. Через три дня мне уезжать, я не знаю, что я матери твоей скажу. Я обещал тебя домой привезти, но вижу, что ты уже не ребенок, за руку

не возьмешь, с собой не уведешь. Опоздали мы на годы. А ты обещай после зимней сессии отпуск взять и приехать к нам. Посмотришь на родные места, с родней познакомишься, а если сама захочешь к нам переехать, ошастливишь нас с матерью, мы тебе перевод устроим в Воронеж. У нас точно такой же институт есть в области и точно такой же факультет. Обещай, что приедешь! А если не сможешь приехать, дай нам с матерью вызов, мы сами к тебе весной приедем. Теперь, когда мы тебя нашли, мы ни за что тебя не потеряем. А может быть, ты на очное отделение переведешься? Мы обеспечим тебя всем. Только учись, старайся! Теперь у тебя есть на кого опереться в этой жизни!

Зиночка говорила мало. Она молчала иногда целыми днями. Ей было очень трудно привыкнуть к мысли, что вся её прежняя жизнь была наполнена такими трагическими событиями и обманом. Мама ей не мама, папа — не папа, а приехал какой-то человек, о котором она никогда не слышала, которого никогда не видела в жизни и говорит, что он её отец. По документам. Прасковья Терентьевна принесла «Свидетельство о рождении», которое, оказывается, мама хранила у неё, чтобы оно случайно в руки Зиновки не попало. В нем в строке «отец» значилось, что отцом Колосовой Зинаиды Алексеевны является Колосов Алексей Владимирович, а не Алексей Алексеевич. Вот так-то! А мамой какая-то неведомая женщина — Мережковская Лариса Павловна.

А где они были, когда она росла? Когда у неё резались зубки? Когда болел животик? Когда она училась ходить и говорить? Когда пошла в первый класс и никак не могла научиться читать? Когда боялась спать одна? Когда выросла? Когда выбирала дорогу в жизни? Когда задавала свои самые главные вопросы: что такое добро и зло в этом мире? Не было их рядом. А теперь явился этот человек и хочет, чтобы она называла его отцом? Вряд ли он этого дожидается! Памяти своих названных родителей она не предаст. Пусть он спасибо скажет, что она приняла его, как гостя, в своем доме.

Вся деревня на его стороне, все упрекали Зину в том, что она отца родного не признает. Конечно, он всем улыбается, со всеми приветлив, всех называет добрыми людьми, даже в мастерскую ходит и помогает с ремонтом техники.

Матвей Иванович с ним за руку здороваются, соседки только о нем и говорят. Бабушке Фленушке он отремонтировал крыльцо, а заодно и поговорил с ней о своих детях. Со всеми пожилыми людьми он вступает в беседу и особенно любит слушать рассказы про своих деток. А рассказчики стараются. Ладно бы только про маму и папу рассказывали, так они и про все проделки Зиновкины рассказали ему.

Как она в детстве в трехлетнем возрасте прогнала гусыню с гнезда, и сама важно уселась на её место высидывать гусят. Благо, что скорлупа у гусиных яиц прочная, и кладка уцелела, а гусята благополучно вывелись в свой срок.

Как она поймала кошку и покрасила ей рот маминой губной помадой, а потом принесла её показать родителям, посадила бедную Мурку на стул и сказала, показывая на неё: «Касавица!» Как она летом уснула в курятнике, а родители искали её везде и чуть не сошли с ума.

Как, споткнувшись о камень, очень к месту сказала громко неприличное слово и очень удивилась тому, что его нельзя говорить. Дедушке соседу можно, а ей нельзя.

Как она в десятилетнем возрасте на резиновой лодке соседей отправилась в кругосветное путешествие, но доплыла только до соседнего острова и там, возле него на перекате села на мель и вернулась домой с продырявленной лодкой, а мама с папой её даже не отругали, хотя, по хорошему, нужно было дать ремня за такую проделку. И про переправу через овраг рассказали, и про спасенного петуха. Рассказали они и про то, как Зина любила своих родителей, как берегла их, как теряла и тосковала за ними. Как тоскует по сегодняшней день.

Матвей Иванович пытался уговорить Зину.

— Пожалей ты его, назови отцом хоть раз. Ведь он этого ждет!

— Нет, я бы рада, но не могу! Не могу, и все тут! Язык не поворачивается! Мне он нравится, видно, что человек хороший. Может быть когда-нибудь, но только не сейчас. Знаю, что он этого ждет...

— Да посмотри, как он смотрит на тебя!

— В детдом меня отдать хотел, отрекся от меня, вот какой хороший. Пиш и запивался, вот какой хороший! Чужих детей вырастил, как своих, а своих забыл. Вот какой хороший!

— Ты не даешь ему право на ошибку. Да, он совершил тяжкий грех, но он покался, он изменился. Прости его!

— Бог простит!

— Твердокаменная ты какая! А если и ты ошибешься в жизни, ты ищешь прощения у своей совести и у людей? Ищешь? Ждешь? Тяжело тебе бывает? Вспомни себя в трудные минуты жизни и пойми его, отца своего! И прости! Знай, что в этой ситуации мы на его стороне!

— Быстро же вы все моих родителей забыли.

— Мы — забыли? Да они — часть нашей жизни! Мы их не забудем никогда! Он тоже их никогда не забудет, хотя они перед отцом виноваты. Можно было о себе дать знать, хоть бы через несколько лет.

— А как? Письмо написать? Съездить? Как? Не трогайте их, они правильно все сделали! Не оскверняйте память о них!

— Никто не оскверняет! Они — святые люди! Мы их все любили и продолжаем любить и вспоминать только добрым словом. Ты воюешь с ветряными мельницами. Алексей Владимирович тебе не враг, он к тебе с любовью относится, он к тебе с открытой душой, а ты ждешь не дождешься, когда он уедет. Неправильно это, нехорошо!

— Да что вы лезете в мою жизнь? Что лезете? Лезут и лезут! Зина сделай так, Зина сделай вот так, Зина не делай этого, не делай того! Я — свободный человек! Что хочу, то и делаю!

— Милая маленькая девочка! Да человек ведь не один живет на свете! Даже когда он доброжелательно относится к миру, он может нечаянно причинить боль. Нечаянно! Представь, ты идешь в толпе и невольно задел человека, потому что тебе некуда было посторониться. А задел за больное место! Нечаянно! Мы живем все вместе. Ты отца простить не можешь, а мы все приуныли, мы все ждем от тебя доброго поступка, мы все за вас переживаем!

— И что? Я для всеобщей радости должна его простить? Пусть внутри у меня все горит, а я должна притвориться и сказать одеревеневшим языком, что я простила его? Сказать то, что искренне не чувствую? Не могу! Поймите меня! Не могу!

— Ты меня не слышишь!

— Нет, это вы все меня не слышите! Куда бы от вас всех деться? Где найти тихий уголок?

— От себя не убежишь! А тише нашего места тебе не найти!

— А хотелось бы! Да поймите вы все, что ему легче, чем мне! Алексей Владимирович всегда знал о моем существовании. Он всю жизнь мечтал встретить меня, он надеялся, он считал мне года, он думал обо мне. А я о нем ничего не знала, я о нем никогда не слышала. А тут явился: «Батюка я тебе!»

— Так что в этом плохого?

— А что хорошего? Что жизнь моя полна какой-то неразберихи, что вокруг меня что-то происходило, а я, наивная девочка, ничего не знала и ни о чем не догадывалась. Я жила в мире, где все было на своих местах. А теперь у меня все перевернулось. Дайте мне время, я привыкну. Вам всем хочется мелодрамы, вам хочется, чтобы я умилилась тому, что отец мой кровный приехал, разрыдалась и бросилась ему на шею, и все ему простила. Он, видите ли, плакал, когда нес меня на вокзал, чтобы дети отвезли меня в детский дом. Плакал? Да! Но ведь нес, чтобы отречься! Мне трудно его понять!

Зина все ждала, что перед отъездом Алексей Владимирович начнет тяжелый разговор, и будет выяснять отношения. Он не начал. Осторожно позвал её с собой поехать только однажды, а когда услышал решительный отказ, к этому разговору больше не возвращался и не настаивал на переезде.

Настойчиво приглашал весной приехать в отпуск. Тихо попросил написать отдельное письмо Ларисе Павловне и не укорять её в том, что случилось, потому что большая часть вины лежала на нем. Попросил подарить несколько фотографий Оли и Алешки и самой Зиночки. От подарков в дорогу отказывался, но Зина настояла.

В чемодан были уложены лесные орехи, соленая красная рыба, которую Зина осенью выменяла на картошку у заезжих продавцов, сушеная голубика, соленые грузди. В подарок Ларисе Павловне был куплен отрез на платье, братьям — меховые рукавицы, отцу в дорогу — красивая меховая шапка. А соседки постарались, и собрали такую продуктовую сумку, что Алексей Владимирович взмолился, и половину припасов оставил у Зины на столе.

Матвей Иванович приехал, чтобы отвезти Алексея Владимировича в аэропорт затемно. Зиночка оделась, вышла проводить отца до машины. Он погрузил чемодан, неловко обнял свою взрослую дочь, торопливо сел в машину.

— Как доеду, дам телеграмму. Буду письма писать, звонить, если будет связь, телефон я записал. Деньги буду посылать каждый месяц, чтобы ты не экономила, хорошо питалась. И не отказывайся, возражений не при-

нимаю. Спасибо, что не прогнала и дала надежду на прощение. Если ответов не будет, не обижусь, если напишешь — обрадуешь.

Отец погладил её по голове, как маленькую девочку.

Машина тронулась, а Зиночке вдруг так захотелось побежать следом за ней и сказать этому человеку какие-то особенные, важные слова, которые так и не были сказаны...

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Приближался Новый год! До сессии оставалось меньше месяца. Зина усердно занималась. После отъезда отца она сильно изменилась. Её обычная легкость, её стремительность куда-то исчезли. Во время доставки почты Зинаида уже не бегала по улицам деревни, а шла каким-то скорбным шагом. С хозяйевами она просто здоровалась, без всяких шуток, тихо и печально.

— Как потерянная! — говорили ей вслед.

Все думали, что бедная девушка переживает из-за того, что теперь ей стала известна тайна её рождения, и она никак не может привыкнуть к мысли, что у неё были приемные родители, хотя и не чужие ей люди.

На самом деле Зину печалило совсем другое. От Юры не было никаких известий. Где он? Что с ним? Лежит в госпитале? Прооперировался? Вернулся в армию? А если вернулся, жив ли он?

По-прежнему Зина вечерами молилась за всех сирот, и за то, чтобы Аня родила здорового ребенка, и за то, чтобы Юра вернулся живым и здоровым и, после отъезда отца, за то, чтобы все её родственники долго жили на свете и были здоровы. У неё где-то в неведомой стороне были братья, их жены, и племянники. Родная кровь! Она была не одна на свете!

Зина стала получать письма от родителей. Писала ей мама.

«Здравствуй, моя дорогая доченька Зиночка!

Спасибо тебе за привет и подарки. Мне отец каждый вечер рассказывает, какая ты выросла. Твоя фотография висит у нас в доме. Весь наш хутор считает, что ты — настоящая красавица. Если ты весной не приедешь к нам, я сама приеду к тебе, упаду в ноги и буду просить прощения. Отец обещал мне, что привезет тебя с собой, я ждала, но наша встреча откладывается.

Отец твой говорил, что в ваших краях холодно, что зимы у вас суровые. Переехала бы ты к нам. Дом у нас просторный, хозяйство крепкое, братья твои выросли и уже живут на своих хлебах. Мы бы тебя берегли, обеспечили бы твою учебу в институте. У нас много красивых и умных парней, может быть среди них и твой суженый ходит.

Приезжай, Зина! Теперь, после того, как ты нашлась, я живу только ожиданием встречи с тобой!

Твоя ещё одна мама».

Зине очень понравилась подпись. Еще одна мама. Повезло ей или не повезло, но у неё были две мамы. Это нужно было принять, как подарок судьбы.

Зиночка ответила на письмо сдержанно, но переписка продолжалась. И постепенно Зина стала привыкать к тому, что у неё есть где-то родители, которые думают о ней, есть где-то родственники, которые всегда придут на помощь, есть где-то земля её предков. Это согрело ей душу. Она твердо

решила, что весной, когда она пойдет в очередной отпуск, она поедет в далекий край и все увидит своими глазами.

В начале декабря Зинаида опять подменяла две недели заболевшую Веру Васильевну. Дети встретили её так приветливо, что сердце Зинаиды Алексеевны ещё немного оттаяло.

В третьем классе учились такие фантазеры! Зина дала им задание придумать сказку про предметы быта. Саша Лукин сочинил такую интересную сказку, что она всем понравилась! Он её громко и выразительно прочитал на уроке литературы.

— Жила на свете сковорода. Жила она в темном уголке за печкой. Когда-то, давным-давно, она трудилась каждый день, потому что семья в доме жила большая, и чтобы приготовить еду для всех, хозяйка брала большую сковороду. Потом все из дома разъехались, остались только бабушка с дедушкой, а они стали готовить еду на маленькой сковороде.

Грустно было большой сковороде жить на свете. Она никому не была нужна. Постепенно она тоже состарилась, стала плохо видеть и даже хотела купить очки, но нигде очки для старых сковородок не продавались.

Однажды в доме послышался шум и громкие разговоры. По комнатам стали бегать дети. Это к старикам приехали гости. Опять нужно было приготовить много еды, и хозяйка достала большую сковороду. Её пришлось долго мыть. Когда её привели в порядок, она засияла от радости, а когда поставили на огонь, она с непривычки зашипела испуганно, но потом притихла и спокойно стала выпекать румяные блины. Когда она всех накормила, её опять вернули в уголок за печкой, но ей уже не было грустно. Она теперь знала, что может ещё пригодиться и будет очень долго служить людям.

Она и сейчас стоит за печкой и ждет своего часа.

Когда Саша Лукин закончил свой рассказ, в классе стояла тишина, а потом Зинаида Алексеевна захлопала в ладоши.

— Молодец, Саша! В литературе есть такой прием, называется олицетворение. Поэты его часто используют. У них ветер поет, колосья пшеницы шепотом разговаривают, месяц ясный помогает найти дорогу. Послушайте, какие стихи написал неизвестный автор:

Дремлют плакучие ивы,
Низко склонясь над ручьем,
Струйки бегут торопливо,
Шепчут во мраке ночном.

Саша Лукин «оживил» сковородку, и получилась замечательная сказка! Я тебе, Саша, сразу две пятерки поставлю, потому что оценки «десять» нет, а одной пятерки недостаточно за твою замечательную сказку.

Саша стоял за партой и так улыбался, и так сиял, довольный своим успехом, и так радовался, что его радости хватило на всех.

Зинаида Алексеевна пообещала записать Сашину сказку и отправить в детский журнал, чтобы её напечатали. Пусть и другие дети прочтут про сковородку, которая хотела купить очки.

В школе Зинаида Алексеевна опять научилась смеяться. Дети вернули ей потерянный смех, легкую походку и жизнерадостность. Прасковья Терентьевна украдкой крестила Зиночку.

— Бог милостив, приходит в себя девочка!

Когда Вера Васильевна вышла на работу, для Зины нашлось новое дело: она открыла мастерскую Деда Мороза в клубе. Каждый день после уроков дети собирались вместе, и под руководством Зинаиды Алексеевны клеили километры бумажных цепей из цветной бумаги, мастерили самодельные игрушки, разводили в воде краску и морозили на холоде сосульки и цветные ледяные кубики, чтобы потом развесить на елке, которая уже много лет росла возле клуба и всегда наряжалась к Новому году.

Матвей Иванович дал распоряжение плотникам, и они построили замечательную горку из дерева для малышей. Рядом с горкой залили небольшой каток. Его залили впервые.

— Пусть дети катаются здесь, хоть на коньках, хоть на велосипедах, даже если лед даст трещину, провалиться некуда!

Вечерами в клубе проходили предновогодние репетиции. Разучивался сценарий новогоднего праздника. Зиночке каждый год доставалась роль Снегурочки на основном празднике. К Новому году готовились номера художественной самодеятельности в каждой семье. Традиция проводить концерт утром первого января появилась при Ольге Алексеевне. Концерт-сюрприз готовили тайно, а первого января выносили все на суд зрителей. Зиночка всегда танцевала цыганочку на этих концертах. В этом году рано утром она уезжала на сессию в город и цыганочка отменялась.

В воскресный день Зина пришла в клуб пораньше. Топились печки, приятное тепло расходилось вокруг. Зина вдруг поднялась на сцену и почему-то заглянула в маленькую комнатку за ней, в которой летом стояла кровать и жил Юрий Григорьевич. Её Юра. Теперь в ней опять лежали какие-то плакаты, коробки и на тумбочке стоял баян в черном футляре. Зина зачем-то открыла тумбочку и заглянула внутрь. Как-будто она хотела что-то найти. И нашла! В тумбочке лежала книга в светлом коричневом переплете, а в книге — конверт с не отправленным письмом внутри. Конверт был подписан. Зина в руках держала адрес Юрия Григорьевича! Она взяла книгу и положила её в свою сумку. Дома она рассмотрит свою находку внимательно.

Все время, которое она занималась с детьми, Зинаида Алексеевна поглядывала на часы с нетерпением. Время остановилось, стрелки застыли на месте. Наконец, можно было завершить работу по изготовлению ёлочных игрушек. Зина торопливо убрала остатки бумаги в коробки, навела порядок на большом рабочем столе. Домой, быстрее домой.

Не раздеваясь, Зина достала из сумки книгу и внимательно рассмотрела её. «Библиотека «Огонек». Отечественная классика. А. П. Чехов, собрание сочинений в двенадцати томах, том 7». Книга была из домашней библиотеки, потому что штампы на ней не стояли. Конверт очевидно Юра использовал, как закладку, а закладка лежала на сто одиннадцатой странице. Рассказ назывался «Скучная история». Зина попробовала его прочесть, но поняла, что это очень трудно сделать. Рассказ был такой же скучный, как само название. Однако некоторые предложения в рассказе были подчеркнуты осторожно мягким карандашом. «Сижу я неподвижно, ни о чем не думая и не чувствуя никаких желаний... люблю прислушиваться к звукам — и все

эти звуки почему-то волнуют меня. Не спать ночью — значит каждую минуту чувствовать себя ненормальным...»

Почему подчеркнуты именно эти строчки? Потому что в них найдено созвучие своим мыслям, чувствам и переживаниям? Вот как ему было тяжело жить с этой бессоницей после ранения!

Зина взяла в руки конверт и долго думала, читать или не читать письмо, которое было внутри. Чужие письма читать нехорошо! А с другой стороны, письмо мог прочесть каждый, кто заглянул бы в тумбочку до неё и обнаружил забытую книгу. Зина решила прочесть.

«Здравствуйте, ребята!

Все ли вы живы и здоровы? Пощадили ли вас пули и снаряды?

Я живу на гражданке, но каждую минуту помню о вас, и мысленно я с вами. Надеюсь вернуться в строй, жду вызов в госпиталь на очередную операцию. Хирурги обещали мне после неё полное выздоровление. Пока левая рука плохо слушается меня, и я никак не могу избавиться от бессоницы.

Я воспользовался, Степа, твоим советом, но так промахнулся, что и не знаю, как тебе написать про все это. Чувствую себя подлецом. Девушка оказалась чистой, немного наивной, и с такими светлыми помыслами, что даже ослепляет слегка. Когда я её обнимал, я не чувствовал, где граница между нами, такое было чувство близости и волшебства. Мы были одним целым. Но она вдруг дала мне от ворот поворот, что меня вначале только развеселило, а теперь я понимаю, что случайно так привязался, что просто сгорел. Теперь хожу за ней тенью, невольно слышу её разговоры обо мне, знаю, как она страдает, знаю, что любит она меня, а шаг сделать навстречу никак не могу. Пугают её чистота и молодость! Страшит моя неизвестность. Теперь я боюсь, что если вернусь на поле боя, и со мной случится худшее, я ей причиню такую боль нестерпимую, что она не вынесет. Поэтому я от неё отрезся, но ты бы знал, с какой силой меня к ней тянет! Моё отречение — настоящая мука для нас двоих. Причем она не знает истинную причину моей холодности.

Степа! Она работает простым почтальоном в селе, но такая умница, такая труженица и к тому же ещё и красавица! Она моложе меня намного, но мудрее меня, так много повидавшего уже в жизни! Я тебе просто перечислю все то, что она умеет делать: работает на почте, подменяет в школе заболевшую учительницу, учится заочно в педагогическом институте, доит коз и коров, ухаживает за птицей на подворье, выкармливает поросенка, прекрасно готовит, солит грибы и овощи впрок, обрабатывает огород, ухаживает за садом, ловит рыбу, вяжет, прекрасно поет и танцует, замечательно читает стихи, рубит дрова, белит и красит, ремонтирует печи. Правда, выглядит она не по городскому. Почти не красится, свои роскошные волосы прячет под косынку, носит всегда спортивные брюки непонятного цвета или в жару крошечные детские шортики и такие же детские маечки. Характер у неё боевой. Она очень смелая и решительная. Она легко учится, и все схватывает на лету.

Она — образованная девушка. В такой глухомани она имеет личную библиотеку, собранную родителями, в которой около тысячи книг!

Хочешь улыбнуться? Захожу я как-то во двор её дома, где мы столовались. И вижу картину маслом. Ползет она по коньку крыши задом наперед. В зубах прут держит. Я так и обмер! Я видел на востоке стриптиз, так это просто ничто в сравнении с тем, что я увидел. Разбуди свое воображение. Заметь, что на ней шортики были крошечные и маечка. Я даже рассердился. А если кто бы ещё увидел посторонний. Не доходит еще до неё, что она может так влиять на мужчин. Силы своей женской она не осознает!

Была она невинной. Если бы я это знал, я бы не переступил черту. Особенно без любви. Я теперь понимаю, что люблю. А тогда — просто забавное приключение.

Забыл ли я Лену? Нет, не забыл! Она — часть моей жизни. Но к прошлому возврата нет! У Лены уже двое детей, и она вполне счастлива в новом браке.

Я ни разу не видел Зину в цивилизованной одежде. Мне кажется, что если она сменит имидж, она затмит красотой многих!

Если вернусь домой живым и здоровым, то семью создам только с ней. В своих чувствах к ней я уверен. Мама её полюбит, в этом я не сомневаюсь! Только вот дождется ли меня моя единственная радость? И что могу я ей предложить? За моими плечами столько всего! А она — такая юная! Иногда она совершает детские поступки!

Хотя и она горе повидала. Она — сирота. Родителей потеряла сравнительно недавно.

Может быть письма от тебя, Степан, ждут меня дома? Пока не пиши мне, я тебе напишу из госпиталя и сообщу новый адрес.

С армейским приветом! Юра.

Р.С. Послезавтра первое сентября. Когда-то и для нас этот день был праздничным!»

Зина прочла найденное письмо несколько раз, пока не выучила его наизусть.

Теперь развеялись все сомнения. ОН её любит! Любит! Любит! Зиночку охватило такое ликование, что она вышла во двор и поцеловала Полкана. Старый пес заскулил признательно и подал Зине свою лохматую лапу. Зина хотела ещё поделиться своей радостью с козой Катькой и спасенным петухом, но остепенилась. Она будет отныне сдерживать свои порывы, и будет стараться не совершать детские поступки.

Потом Зина вернулась в дом, одела цыганскую юбку, повязалась шалью вокруг тонкой талии, взяла в руки бубен и станцевала такой танец, что дом заходил ходуном.

Вот я какая! Я ещё и танцевать умею! Жаль, что ОН этого не видит.

Ай да Зина! Красота, да и только!

***

Новогодний праздник приближался. У Зиночки было полно работы. Односельчане отправляли поздравительные открытки и телеграммы, получали сами открытки и телеграммы со всего света. Посылали весточки родным и близким дальние и ближние родственники. Во время разноски почты

Зина клала письма и поздравительные открытки в каждый почтовый ящик. Пачки открыток были адресованы Вере Васильевне. Официально ученики желали ей творческих успехов, а между строчек можно было прочесть, что они не забыли свою первую учительницу, что они помнят её и любят, и твердо идут по жизни с её благословения.

Зина украсила помещение почты. В углу она поставила маленькую елочку, повесила на неё игрушки. Под потолком подвесила разноцветные цепочки, из беленьких комочков ваты сделала снежинки. Зина нарисовала плакат, на котором большими серебристыми буквами написала «С Новым годом!» и прикрепила его напротив двери. Вот. Она ещё и рисовать умеет!

Оформление было незатейливым, но оно создавало праздничное настроение!

В потоке предновогодней корреспонденции замелькали письма и открытки, адресованные Зиночке: от Гали, от школьных друзей, от незнакомых братьев и их семей, а от новых родителей не было ничего. Это стало неприятно беспокоить Зину. Наконец, перед самым новым годом пришла посылка от Алексея Владимировича и Ларисы Павловны. Зина торопливо вскрыла её. В посылочном ящике лежали зимние сапоги, наполненные мандаринами. Сверху лежало письмо.

«Поздравляем тебя, доченька, с Новым годом!

Сапоги купили в Москве, специально ездила за ними мама. Мерку с ноги я снял потихоньку, когда ты спала. Это сапоги на натуральном меху, в них тебе будет тепло, а нам — спокойно за твоё здоровье. У нас все хорошо!

Желаем успешно сдать все экзамены и ждем весной в гости!

Будь счастлива!

Родители».

Давно Зина не получала такие подарки. Она осторожно вынула сапоги из ящика, высыпала в вазу апельсины. Сразу по дому поплыл запах южных фруктов, напоминая о тепле и лете посередине зимы. Она собиралась примерить сапоги, но в дом постучали, вошла баба Маша.

— Зина, там народ тебя ждет. Почта пришла, а ты не разбираешь. Поторопись, а то Вера уже возмущается, говорит, что вывеску повесили и распорядок написали, а оказывается все для близиру! Так что не теряй марку!

Зине пришлось отложить примерку до лучших времен.

Освободилась она только вечером. Она оделась празднично, вынула шпильки из волос, и они укрыли ей плечи и спину тяжелой темной волной. Она обула сапоги и стала крутиться возле зеркала.

Совсем недавно, когда она готовилась к экзамену по философии, она прочла в одной из книг, что философы в разные времена искали ответы на вопрос «А что такое человеческое счастье?» и создавали научные труды на такую необыкновенную тему. Греки считали, что счастье — в достижениях цели. Если человек ставил цели и достигал их — он становился счастливым. Римляне на первое место ставили материальные достатки, и считали, что бедные люди не могут быть счастливы. В средневековье был написан трактат о счастье людей. Странно только, что понятие счастья было не общим, а отдельным для мужчин и для женщин. В нем было много спорного с позиций сегодняшнего дня. Зина о нем вспомнила, примеряя сапоги,

потому что в понятие женского счастья входила примерка обнов. Так и говорилось, что женщина счастлива тогда, когда примеряет обновы, которые её украшают. И это было истиной на все времена.

Примерка красивых новых сапог не вершина счастья, но дело радостное. Покрутившись перед зеркалом из стороны в сторону, Зина накинула теплый платок и пошла к соседкам. Прасковья Терентьевна заохала и умилилась, Мария Ивановна оценила подарок, как очень дорогой. Несмотря на поздний час, женщины решили собрать небольшое застолье. В один миг на столе появились угощения, через несколько минут зашумел чайник на плите.

— Зина, ты прямо красавица у нас, вполне городская дама. Теперь у тебя шубка новая, сапоги новые. Поедешь в город экзамены сдавать, тебя никто за сельскую и не примет! От женихов отбоя не будет — это точно! Права я, Паша?

— Права, конечно, права, только зачем ей всем нравиться, ей бы с одним справиться!

— Всем будет нравиться, и он оглянется!

— Хорошо бы!

Зина вздохнула тяжело.

— Не вздыхай тяжело, не отдадим далеко, хоть за курицу, да на свою улицу!

— Давайте о другом поговорим!

— С удовольствием! Вот о Козловых поговорим! Я сказала Раисе, чтобы она в благодарность за спасение сына деду Черемисину дом побелила к Новому году. Так она мне знаете, что ответила? Медаль ему дали, и пусть он радуется! А у него некому порядок в доме навести. Жена его болеет, дети и внуки далеко.

— Мария, а у неё сроду с совестью не все в порядке было у этой Раисы! А я бы на её месте всю жизнь за здоровье Захара Максимовича молилась.

— А про тебя она, Зина, и вовсе уж сказала несуразное. Сказала, что без тебя нигде не обойдется, ты прямо народная героиня нашего села!

— А ты что ей на это сказала? Надо было ответ дать! Зачем ты это Зиночке говоришь? Одна сказала, что ни попадя, другая передала. Зачем? Я считаю, сказал человек злое слово — сделай вид, что ты его не слышала, и никому о нем не говори! Оно и умрет на месте, как пустой звук. А то понесут, понесут по деревне! Может быть, она тебе это говорила, чтобы досадить? Зиночку нашу все любят. И когда, Мария, я тебя перевоспитаю? Сгубит тебя твоё любопытство и болтливость!

— А я что? Я — ничего! Я просто так сказала!

— Давайте сапожками ещё разок полюбуемся. Ты, Зиночка их с шубой мерила?

— Нет.

— Так давай, померяй! Посмотрим, как они с шубой смотрятся! Да и шапку новую примеряй, и шарфик.

— Да я вам что, модель, что ли?

— А чем ты хуже? Примеряй, примеряй, а мы полюбуемся.

Зина повиновалась, оделась, как просили соседки, подошла к зеркалу и ахнула. Она изменилась до неузнаваемости.

— Ты в таком виде обязательно сходи куда-нибудь. Хотя в магазин, что ли. Когда человек новую вещь одевает, он меняется. А вещи нужно носить спокойно. Так, чтобы не шуба шла, а ты в ней, а ты шла, а на тебе была шуба. Поняла меня?

— Что-то ты мудрено говоришь, соседка! Начиталась книг, набралась ума, а теперь и хвастаешься!

— А тебе завидно? Так и ты читай! Библиотеки у нас бесплатные! А ты одну программу телевидения читаешь, да и то в случае крайней необходимости. И в кого только дети у тебя такие умные?

— Может быть и в меня. Я в школе хорошо училась, только образование у меня три класса. Не дал отчим учиться. Научилась грамоте, читать и писать умеешь, вот и хватит в школу ходить. На подворье работы много! Так недоучкой и век прожила!

Мария Ивановна вдруг всплакнула.

— Прости, Маша, прости! Не хотела я тебя обидеть. Ты у нас не хуже других. Труженица, каких поискать! Первая рыбачка в деревне! А сапоги у Зиночки очень красивые. А ты поблагодарила родителей? Они, наверное, привета от тебя ждут. Столько хлопотали, в саму Москву за обновой ездили! Мама сапоги в руках держала, дочке угодить хотела. Наверное, дни считает, когда увидятся с тобой, Зина. А ты поедешь?

— Не решила ещё. Наверное, поеду. Только не представляю себе, как я чужую женщину буду мамой называть. У меня одна мама и зовут её не Лариса Павловна.

— А ты надейся на жизнь. Может быть, когда ты маму родную увидишь, сердечко ёкнет. Надейся! А телеграмму дай. Пусть там на этом хуторе Григорьевском все знают, что дочь от родителей не отворачивается. Удивительно мне, что деревня хутором называется. 400 дворов, а хутор. А у нас Куринка 250 дворов, а поселок!

— Давайте чаек допьем и по домам. Завтра хлопотный день. Спасибо, Зиночка, что ты радостью своей с нами поделилась.

Когда соседки ушли, Зина убрала со стола, а потом спустилась в подполье и достала ведро с гашеной известью и кисти для побелки, чтобы с утра пораньше отправится к Захару Максимовичу и успеть побелить его домик к праздникам до приезда почтовой машины. Ведь он ей после случая на Ротаньем озере был почти родным человеком.

Потом Зиночка заполнила бланк телеграммы и передала её текст по телефону. Деньги она положила в кассу.

«Спасибо подарок впору с новым годом — дочь Зина»

В ту пору телеграммы так и писали без точек и запятых, потому что каждое слово стоило денег. Телеграмма была особенной. Прилюдно Зина называла себя дочерью своих настоящих родителей. Почему «прилюдно»? Потому что примет телеграфистка на своем аппарате текст, приклеет к бланку, почтальон понесет телеграмму родителям и уже к вечеру текст телеграммы не будет тайной ни для кого. Уважила дочь своих стариков. Значит сердцем прощает их.

Накануне Нового года деревня имела праздничный вид. Хозяйки навели порядок, вымыли и побелили свои дома, постирали и накрахмали-

ли оконные занавески, накрыли столы праздничными скатертями, хозяева установили елочки, дети нарядили их игрушками. Электрик Костя развесил во дворе гирлянды лампочек, и двор его, освещенный разноцветными огнями, был самым удивительным в деревне. Елка возле клуба была украшена самодельными игрушками-ледышками. В ледышки были заморожены ниточки. Эти игрушки елочные хороши были тем, что их не нужно было снимать. Они висели до весны, а потом солнышко превращало их в маленькие разноцветные сосульки, которые незаметно таяли и исчезали.

В комнатке позади сцены в больших коробках лежали детские подарки — наборы сладостей и фруктов в удивительных синих бумажных пакетах. На пакетах была нарисована елка и Дед Мороз, который шел к детям с мешком подарков, а над ним было синее-синее звездное небо.

За два дня до Нового года хозяйки стряпали пироги и тарочки с самой разной начинкой, и сытный запах свежего хлеба наполнял воздух своим неповторимым ароматом. В больших кастрюлях варился студень, который все называли холодцом. Он считался праздничным блюдом.

В клубе проводились генеральные репетиции, в школе разучивались детские хороводные песни и стихи для Снегурочки. Вечерами мамы и бабушки помогали детям мастерить новогодние костюмы. Поздними вечерами кто-то ходил по деревне в вывернутом наизнанку полушубке и в лохмотной шапке и стучал в окна домов. Ходил невероятный слух о том, что это и не человек вовсе, а настоящий медведь из леса раз в год навещает деревню, отпугивая нечистую силу.

В предпраздничной круговерти дел Зиночке некогда было и в гору глянуть. Вечером она засыпала мгновенно и не видела никаких снов.

Шумно и весело прошел новогодний праздник в школе, также хорошо повеселились взрослые в клубе. К двенадцати часам Зина вернулась домой одна, и когда куранты стали отбивать двенадцать раз, она наполнила фужер шампанским, подняла его и загадала желание. Оно было простым: пусть к ней вернется Юра.

Утром нового года Зина уезжала в город на сессию. Соседки пошли её провожать и опять вручили ей небольшую сумочку с едой, которая-то и весила всего килограммов семь-восемь. Зина отправилась в дорогу в новой шубе и шапке, но обула валенки, а сапоги уложила в чемодан. С Галей они договорились, что подруга сядет в этот же автобус на трассе.

В автобусе не было никого. Зина до самого пограничного поста ехала в гордом одиночестве. Пограничники — молодые ребята, вошли в автобус вдвоем, но, не увидев пассажиров, стали поздравлять с Новым годом Зину и желать ей всяких благ.

— А вы, ребята, как Новый год встретили?

— На посту! Посмотрели на небо, на лес, на поля и подумали, что вся округа сейчас пьет шампанское, а мы вдвоем в чистом поле! Про семьи свои подумали. Мои далеко, в Воронежской области. Они только сейчас Новый год встречают!

— Так ты — воронежский? Земляк, значит! Прими тогда от меня подарок.

Зина отдала молодым пограничникам сумку с едой, справедливо решив, что для неё это — не убыток! Мальчишки застеснялись, стали отказываться, но Зина настояла.

— Это вам от двух снегурочек?

— А они — молоденькие?

— Были когда-то. Теперь — бабушки. Но очень добрые женщины.

— Спасибо им от нас! А нам смена должна быть, но задерживается почему-то. Так что мы такие голодные, что слона готовы съесть! Поедим с удовольствием!

Через два часа автобус подъехал к селу, в котором жила Галя. Она уже стояла на остановке, муж её был рядом и долго обнимал её и не отпускал, пока водитель не просигналил гневно. Галя торопливо вошла, предъявила билет, помахала рукой мужу и только когда автобус тронулся, она поздоровалась с подругой. Зина помогла Гале пронести сумки по проходу.

— Какие тяжелые!

— Мама постаралась! Столько еды в дорогу дала, что сумки муж еле донес до остановки. Сказала, что не забыла свои студенческие годы, и что в общезжитии всегда найдутся желающие перекусить!

— А я нынче налегке еду! Без продуктовой сумки.

— Да как же тебя отпустили твои соседки?!

— Никак. Нагрузили сполна, но я от сумки избавилась на пропускном пункте. Пограничникам отдала.

— Ну, и правильно сделала! С Новым годом, дорогая!

— С Новым годом!

В институте подружки устроились в общежитие, выяснили, что занятия начнутся только завтра, но экзамены в расписании так плотно стоят, что они решили не тратить время на развлечения, а сразу сели за учебники.

Десять дней напряженного труда дали прекрасные результаты! В зачетных книжках подруг появились записи об успешной сдаче двух экзаменов и трех зачетов. Преподаватели дали множество заданий на установочных лекциях на второй семестр. Впереди было много работы.

Последний день перед отъездом был свободным. Галя звала подругу пройтись по магазинам, но Зина отказалась. Когда Галя ушла, Зина стала торопливо прихорашиваться. Она взяла сумочку, оставленную в клубе книгу — томик произведений Чехова, конверт с адресом, и с бьющимся сердцем отправилась разыскивать дом, в котором жил Юра.

Первый же прохожий объяснил Зиночке, что на автобусе по этому адресу ехать не нужно, что эта улица совсем рядом. Стоит только пройти два квартала прямо и повернуть направо, она окажется на нужной улице. Нумерация домов начинается от реки, дом номер двадцать шесть расположен по четной стороне и он сравнительно близко.

Зина пошла торопливо. На улице было очень холодно. Сильный ветер мел по асфальту грязноватый снег, а чистый сыпал на головы прохожим, сдувая его с крыш многоэтажных домов, он играл обрывками серпантина и цветной фольги, напоминая всем, что год начался совсем недавно!

Зиночка нашла нужный дом. Это был старый особняк в центре города, в котором когда-то были самые престижные квартиры. Дом был трехэтаж-

ный с одним парадным подъездом с красивыми, резными дверями и медными ручками, но вход в него был наглухо заколочен. Ступеньки были занесены снегом, на котором не было никаких следов. Зина все-таки поднялась по ним и подергала за ручки дверей.

— Обойдите дом вокруг! Вход в дом со двора, — сказал кто-то из прохожих. Зина по натопанной дорожке обошла дом, вошла в подъезд и на третьем этаже нашла нужную квартиру. Немного постояла, собираясь с духом, и робко позвонила.

Дверь распахнулась сразу же, как будто кто-то нетерпеливо ждал её появления. На пороге стоял Юра живой и здоровый. Всего секунду он растерянно смотрел на молодую даму в модных шубе и шапке, в красивых сапожках, с дамской сумочкой в руках. Когда он осознал, что это не сон, что перед ним стоит живая и невредимая Зиночка, которая снилась ему в госпитале, которая виделась в каждом окне, которая звала его вернуться на Землю, когда он долго не просыпался от наркоза после успешной операции, Юра не сказал ни слова, он только взял её за руку, перевел через порог, захлопнул дверь ногой, и тут же, в прихожей, стал торопливо и жадно целовать её так, что у Зины закружилась голова, и она с такой же жадностью стала отвечать на его неистовые ласки.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Только час спустя они стали торопливо рассказывать друг другу о том, как пережили разлуку.

— Я измучилась. Я писем от тебя ждала, а ты не писал, не звонил. Никакой весточки от тебя не было.

— А я думал, что они — лишние. А ты ждала?

— Конечно!

— Я думал, что в письме всего не напишешь, думал, что вернусь здоровым, и сразу же к тебе поеду. А ты не дождалась, сама приехала!

— Я здесь на сессии. Сдала все хорошо! Я письмо и книгу в клубе нашла, в тумбочке. На конверте был написан обратный адрес этот, вот я и решила посмотреть, где ты живешь. Позвонила я на всякий случай, думала, если мама твоя дома, отдам книгу. А тут ты открываешь, сам.

— Теперь моя очередь речи говорить. — Я вернулся только что. Мама ещё не знает, что я уже дома. Полтора часа как с самолета. На такси домой примчался. Только разделся, даже багаж свой не разобрал, а тут робкий такой звонок в дверь. Думаю, кого там еще принесло? С таким недовольным видом пошел открывать. Распахнул двери и не поверил глазам своим. Думаю, кто эта дама такая шикарная? К кому? Потом увидел твои глаза растерянные, и так и присел. Ахнул в душе. Измучился, истосковался. Ведь и не объяснились мы толком. Вызов в госпиталь на операцию повторную пришел неожиданно. Мама сообщила, вот я и стал торопиться. Я хотел тебе все сказать. Особенно после того, как я нечаянно твой разговор с родителями на кладбище услышал. Хотел жениться прямо в деревне. И уже намерения были самые серьезные. Хотел позвать с собой на всю жизнь. Чтобы рядом, и чтобы смотрели в одну сторону. Да видишь, как неловко все вышло!

Думал, что на школьной линейке хотя бы несколько слов произнесу, но не вышло. Так хоть записку тебе перед отъездом написал. Читала ли?

Юра, не выпускал из объятий Зиночку, он гладил её по спине, он заглядывал ей в глаза, он подносил её ладони к своему лицу и нежно целовал её руки, он дул на завитки волос на её нежной шейке. А она просто припала к нему, и держалась за него так крепко, что даже руки занемели. Юра стал рассказывать о своей жизни. Это был рассказ-исповедь. Он доверял ей самое сокровенное.

— Ты про меня ничего не знаешь. Слушай внимательно, я тебе свою жизнь расскажу до встречи с тобой. Я у мамы единственный ребенок и поздний. Отец от меня отказался ещё до моего рождения. Он просто не женился на моей матери. Я о нем ничего не знаю, да и знать не хочу. Меня дедушка любил очень, и был мне за папу, бабушка тоже берегла и любила. Мама про папу мне какую-то легенду придумала и все показывала фотографию неизвестного человека и говорила, что это мой отец, что он — знаменитый ученый был, но попал в авиакатастрофу. К десяти годам я остался с мамой. Вначале дедушки не стало, а через год и бабушки. И я стал без присмотра озоровать. Окорота мне никакого не было. Я подрастал таким балованным оболтусом, который до пятнадцати лет жил без всяких раздумий. Что я маме говорил, она все для меня делала. В пятнадцать лет я захотел японский магнитофон, а они тогда были страшным дефицитом. В продаже их не было нигде. Я маму озадачил, она стала метаться в поисках дорогой игрушки для меня. Да ещё и пригрозил ей, что если она мне за лето магнитофон не купит, я в школу первого сентября не пойду. Пойду в профессиональное училище, получу профессию и буду сам себе на жизнь зарабатывать. Мне очень хотелось выйти во двор с магнитофоном в руках и поразить всех своим видом.

Однажды мама сказала, что уезжает на две недели отдыхать в Приморье, а к нам переселится тетя Неля, чтобы ухаживать за мной. Тетя Неля мне варила, убирала за мной, наглаживала мне рубашки. При этом она была профессором, её весь город знал, а я перед ней ставил себя не знаю кем. Она маму мою очень любила, дети у неё уже выросли и уехали из города, ей одиноко было, вот она обо мне и заботилась.

Через две недели вечером я возвращаюсь домой и слышу громкий разговор. У нас замок особенный в двери, он бесшумно работает. Вхожу я потихоньку и узнаю мамин голос. Она плачет и тете Неле рассказывает о своих приключениях. Она, оказывается, не отдыхать в Приморье ездила, а за этим магнитофоном модным. Ей сказали, что на Курильских островах можно купить магнитофон. Она на каких-то морских катерах добиралась на край земли, чтобы у матросов купить контрабандный товар. Там с каким-то проходимцем на обыкновенной весельной лодке выходила в открытое море, и ей прямо с борта на веревке опустили магнитофон в обмен на деньги. Когда она вернулась на берег, она не проверила магнитофон, думала, он хороший, а домой приехала, включила, а он не работает.

Я почему-то не вошел в комнату, тихонечко поднялся, неслышно открыл дверь, а потом осторожно закрыл и бросился бежать. Бежал сам не знаю куда, но оказался на берегу Амура, у самой воды. Сел неподвижно и стал

думать о своей жизни. Так вот, значит, как оно все в моей жизни было, а я и не знал ничего! А почему-то в голове одна только фраза вертелась: «Бедная мама!» Просидел до позднего вечера, но деваться некуда, побрел я домой. Прихожу, а дома ужин праздничный, мама меня обнимает, подарков мне навезла: маечки японские, брючки. А я на все это великолепие и смотреть не могу! Потом мама мне робко так про магнитофон говорит, а я слышать про него не хочу! Стал я маму горячо уверять, что мне эстрадная музыка больше не нравится, и магнитофон мне совсем не нужен, а насчет школы — я пошутил! Завтра пойду и отдам документы в среднюю школу.

Тетя Неля сидела как громом пораженная, и у мамы был такой же вид. Магнитофон этот я одному мастеру-подпольщику на запчасти продал, деньги матери принес, чем её удивил очень. Повзрослел я. С тех пор стал я о матери заботиться. Варить научился, домашние дела все на себя взял, учиться стал с таким рвением, что в журнале одни пятерки и четверки были. Мама смеялась, и говорила всем, что пока она летом в Приморье ездила, ей сына подменили! Я никому эту историю о подслушанном разговоре не рассказывал. Ты первая её слышишь.

Зина остро почувствовала, что Юра в эту минуту нуждается в её утешении. Она крепко поцеловала его. И он приник к ней.

— А почему ты мне не доверял раньше?

— Зина, я боялся испортить твою жизнь! Я ведь старше тебя, я опытнее, я много пережил, и я собираюсь опять на войну.

— Нет такой силы, которая может заставить меня разлюбить тебя.

— Тогда одевайся! Быстро! У тебя паспорт с собой?

— С собой!

— Тогда все в порядке! Идем!

На улице Юра остановил такси и назвал адрес.

— Куда мы едем?

— Сейчас увидишь.

Юра привез Зиночку в ЗАГС или Дворец бракосочетания. Дворец был одноэтажным зданием на центральной улице города. Это был старинный городской особняк! Стоял он в глубине двора, к нему вела широкая дорожка, во дворе росли клены. Высокое крыльцо было под навесом с белыми колоннами. Кругом стояла тишина, но Зина слышала звуки музыки! На улице шел снег. Крупные его хлопья ложились на плечи молодой женщины и на её головной убор, укрывали даже плечи Зиночки, как фата!

Юра велел ей немного подождать в холле, сам взял паспорт Зиночки и куда-то ушел. Вернулся он минут через двадцать.

— Все. Я договорился. Через десять минут нас распишут.

— А я согласна?

— Конечно! Ты дала согласие недавно.

— Я не заметила, когда я это сделала.

— Как? Разве не ты сказала мне, что нет такой силы, которая сможет заставить тебя разлюбить меня. Ты что, штампа в паспорте испугалась?

— Нет, но я хотела бы, чтобы у меня была свадьба! А мы так торопливо расписываемся и так обыденно, что я немного растерялась. Я столько об этом дне мечтала!

Слезы показались на глазах Зины сами собой.

— Сделаем. Свадьбу сделаем! Вот за это ты не переживай. Ты у меня еще покрасуешься в самом красивом платье. Ты у меня еще ребенок совсем. А пусть все завидуют, что такая умница и красавица мне отдала и душу и сердце своё. Знай наших! Но сначала распишемся!

Зина повиновалась. Расписали их не торжественно, а обыденно, вернули паспорта, в которых уже стояли штампы о регистрации их брака и вручили «Свидетельство о браке».

Они заехали в общежитие, забрали вещи Зины, написали записку Гале.

Молодожены вернулись домой к Юре. На пороге квартиры он взял Зину на руки и перенес через порог.

— Будем жить долго и счастливо. Примета есть такая. Ты располагайся пока. Чувствуй себя, как дома, а я в магазины, устроим праздничный ужин. Я маму еще не видел! Признаюсь честно, у меня были другие планы на сегодняшний день, но они резко поменялись. Мама приходит поздно. Так что ты прими душ, надень тот костюм, в котором ты была на празднике в школе, волосы распусти по плечам. Надеюсь, ты и маму мою очаруешь!

Зина так и сделала. Она приняла душ, закутала мокрую голову полотенцем и стала осматриваться в квартире. Ей особенно понравилась комната с рабочим столом и большой библиотекой в застекленных шкафах темного дерева. Она нашла собрание сочинений Чехова, принесла отсутствовавший томик, уже хотела поставить его на место и вдруг почувствовала, что в комнате она не одна. Она тихонько повернула голову. В проеме открытой двери стояла элегантная женщина бальзаковского возраста в изысканном костюме.

— Ничего не понимаю! На воровку вы не похожи, книгу ставите, а не берете. Кстати, откуда она у вас? Юра говорил, что забыл её в деревне!

— Вы — мама Юры?

— Она самая. Ни у кого ключей от этой квартиры больше нет. Так вы знаете, как зовут моего сына! Может быть, и знаете, где он?

— В магазин пошел, купить чего-нибудь вкусного к ужину для вас, для меня, для нас!

— Он не мог пойти в магазин, он в отъезде!

— Уже.

— Что — уже?

— Прилетел сегодня утром.

— Теперь понятнее стала ситуация. Ну, а вы — кто? Понимаю, что вас привел мой сын. Он нарушил наши договоренности. Я ему ясно сказала, что весь блуд его должен происходить не у нас в доме, и своих блудниц он сюда приводить не смеет. Так что вам нужно собраться и покинуть эту квартиру.

От унижения у Зины задрожали вначале губы, потом руки, потом закружилась голова. Она торопливо стала вытирать волосы тут же в комнате, на глазах у этой женщины. Но когда их темная и влажная лавина каскадом упала на плечи, совершенно изменив её, женщина на минуту онемела, а потом с каким-то вскриком назвала Зиночку по имени.

— Зина, это ты? Это ты? Прости, что встретила тебя неприветливо. Девочка ты моя дорогая! Ты мне сына вернула, ты покой ему вернула, ты здоровье ему вернула. После встречи с тобой он захотел жить. Я столько слышала о твоей красоте и столько не верила в рассказы сына, а теперь вижу, он нисколько не преувеличивал! Дай-ка я тебя обниму! А я подумала, что он... впрочем, неважно, что я подумала. Иди ко мне, я обниму тебя, как родную!

Зина опешила. Она не пошевелилась. Мама Юры сама подошла к ней и крепко обняла. Родство, которое они почувствовали в эту минуту, имело одну основу: они обе безоглядно любили одного и того же человека и готовы были для него и в огонь и в воду!

Юра явился в самый подходящий момент.

— Так, вы уже познакомились?

Поздний ужин был настоящим пиром. Юра рассказывал любимым женщинам, как он перенес операции, которые дали удивительный результат. Теперь Юра признан годным к строевой службе.

Светлана Андреевна перед сном заявила, что Зиночка будет спать с ней в одной комнате, на диване. Так ей будет спокойнее, и приличия будут соблюдены.

Юра минутку помолчал после такого заявления.

— Я так и знал! Здравия желаю!

Он вышел из комнаты и принес «Свидетельство о браке» и протянул его матери.

— Это что ты мне подаешь?

— Вот, мама, блюстителю нравственности, извещаю тебя, что Зиночка находится в нашем доме на законных основаниях, а этот документ — подтверждение сказанному.

— Как? Почему мне ничего не сказали? Почему не известили? И ты, Зина, промолчала? Что же вы так поженились? Как будто украли что-то? Почему же не по-людски?

— А по-людски, это как? Это — невеста в белом, а жених в черном, это цветы, поздравления, родственники, любопытные знакомые? Это — лимужин, это — катание по городу, это принародные поцелуи? Мамочка, я твердо пообещал Зине, что свадьба у нас будет.

— Меня могли бы позвать. Я бы вас не сглазила. Я хотела видеть тебя счастливым, сынок!

— Вот и смотри! Я сегодня самый счастливый человек на свете! Я услышал от любимой слова признания. Я опять доверяю женщинам. Я второй раз наступаю на грабли! Вот такой я глупец!

Светлана Андреевна ушла в свой кабинет, что-то достала с верхних полок книжного шкафа и вернулась в комнату. В руках у неё была небольшая иконка. Божья мать держала на руках своего сына. Она была в венце, и над головой младенца был венец, а свет, сиявший над их головами, напоминал восход солнца.

— Это образ Пресвятой Богородицы Почаевской. Мама говорила, что такая икона в детстве висела у них дома в святом углу на украинской земле. А этот образок мама купила уже здесь. Она перед ним молилась

за меня, за папу, за тебя, Юрочка. Значит, эта икона имеет силу, потому что намоленная. Примите через неё благословение нашего рода. Желаю вам долго и счастливо прожить рядом вашу общую жизнь и жду от вас внуков. Вместе с иконой дарю вам этот пожелтевший листок бумаги, на котором еще рукой твоей, Юра, прабабушки написана молитва перед святой иконою «Почаевская». Меня в ней особенно трогают строчки, в которых написано «помыслы благочестия сердца наши просвети». Храните это все также бережно, как и мы хранили и передайте детям и внукам своим.

Зина с Юрой приняли подарок почтительно. Потом Юра не удержался от шутки.

— Раз у нас все теперь законно, спокойной ночи, мама!

— Как, спокойной ночи? Ты думаешь, я теперь усну? Теперь я буду думать, как нам свадьбу сделать, какой ресторан заказать, каких гостей позвать, какой тебе купить костюм. А ваши дальнейшие шаги совместные какие будут?

— А мы еще ничего не успели решить, пан профессор. Я хочу Зиночке предложить в город переехать и пожить с тобой, если я вернусь в район боевых действий. Ты не против?

— Конечно, нет!

— А мы завтра утром отправимся покупать свадебное платье, но ресторан мы заказывать не будем, свадьбу в деревне сыграем! Там у Зиночки все близкие люди живут. Завтра суббота, вот и закажем автобус на три часа дня. До обеда наши все по военному соберутся, и через два часа езды будем в Кудринке. А там народ расторопный, быстро все организуют. А чтобы мы не как снег на голову свалились, мы им с утра позвоним и огорошим новостью. Пусть еду готовят и столы накрывают к нашему приезду. Согласны с моим планом?

После свадьбы останемся в деревне. Мне на реабилитацию три месяца дали. Вот и проживем это время в деревне. Я помогу Матвею Ивановичу с подготовкой к посевной. Зина подыщет себе замену, приготовится к переезду. Вот такие у меня планы в общих чертах. Детали мы с Зиной обсудим сегодня. Так что ещё раз спокойной ночи, мама!

Какая там спокойная ночь? Ни для кого она спокойной не была! Такой крутой поворот в судьбе лишил сна Зину, лишил сна Юру.

— Как здесь в моей детской комнате оказалась эта девочка, дороже которой у меня теперь нет никого на свете? — так думал Юра.

— Как я оказалась в этом доме, в этой семье, в этой комнате рядом с Юрой, дороже которого для меня нет никого на свете? — так думала Зина.

Светлана Андреевна так не думала. Она дождалась, когда закроется дверь в комнате сына, потом на цыпочках вышла в прихожую, и стала обзванивать родных и знакомых. Текст всех разговоров был примерно одинаков.

— Извините за поздний звонок, но Юра сегодня расписался, у него завтра свадьба в деревне. Мы вас приглашаем. В три часа все вместе едем от нашего дома. Одевайтесь потеплее, на дворе зима. Подробности расскажу завтра! Очень будем ждать! Разделите с нами нашу радость! Я довольна его выбором и счастлива вполне.

Голос у Светланы Андреевны был ликующим!

Под эти звонки и разговоры, которые слышны были в комнате Юры, молодожены обсуждали свое прошлое, настоящее и говорили о будущем.

Юра говорил Зиночке о том, что он не разглядел её сразу. Принял за легкомысленную деревенскую девушку, даже, как он выразился, слегка придурковатую. За что получил дружескую, но весомую оплеуху.

После того, как Юра усмирил свою молодую жену, он стал аргументировать свое обвинение.

— Ты же все время соблазняла меня!

— Я? И в мыслях не было!

— А кто ходил в коротеньких детских шортиках и, ненароком, задевал меня своим бедром?

— Когда?

— Когда мы блины пекли.

— Я отстранялась.

— Нет, не отстранялась. Ты играла со мной!

— Я и не думала с тобой играть!

— Я это уже потом понял, когда узнал тебя поближе. А эта, извиняюсь, фигурка, нарисованная на дверях. Ни с того ни с сего, от ворот поворот!

— Мне Иван Захарович все о тебе рассказал.

— Предатель!

— Не смей его так называть, он очень хороший человек. Он меня защищал! Он был на моей стороне!

— Ну, хорошо, допустим, я говорю, допустим, что он поступил правильно! У меня тогда действительно не было серьезных намерений насчет тебя. Но когда ты разбила коленки свои, у меня все оборвалось внутри. Я почувствовал твою боль физическую, как свою. Окончательно же ты меня добила, если можно так сказать, когда полезла на крышу чистить трубу. Я пришел проверить, кто уже пообедал, а кто нет. Слышу — шорох на крыше. Вышел на середину двора, голову поднял и такое увидел, что глазам своим не поверил. Я человек искушенный, я танец живота видел на востоке, я видел стриптиз настоящий, но они все отдыхают по сравнению с видом полуобнаженной девушки, ползущей, как кошка, по крыше с огромным прутом в зубах. Ты хоть подумала о том, как ты со стороны выглядела? Более, чем соблазнительно. Это была смесь эротики и трудового энтузиазма.

— Я и не думала...

— Я знаю, что не думала. Я помню о твоей чистоте и не только физической, но и духовной. А когда я убедился, что ты и умница к тому же, у меня появилось такое чувство, что я встретил идеальную девушку. Я твои разговоры с Галей слышал, ты знаешь, я на речку по ночам ходил, бессонница у меня была. Ты так громко говорила, что и прислушиваться не нужно было. Меня тянуло к тебе со страшной силой, но я обещал ребятам вернуться на войну, поэтому я придумал сам для себя, что не должен любить тебя, потому что могу причинить тебе боль. Я могу погибнуть там. Это не просто звук. Я могу погибнуть! Молчи! Ничего не говори! А теперь я знаю, что так хочу жить, что ничего плохого со мной случиться не может. Я принимал меры к тому, чтобы у тебя

никто не зародился. Теперь я таких мер не принимаю. Я даже знаю, что у тебя родители были карлики, но это ничего не меняет.

— Так я тебе ничего не рассказала о самом интересном, что случилось во время твоего отсутствия! Меня отец нашел!

Зина стала рассказывать о приезде отца. Юра слушал, не перебивая. Когда Зина заплакала, и сказала, что не может полюбить своих новых родителей так же, как любила и любит своих названных родителей, а её все за это осуждают, Юра сел и гневно ударил кулаком по подушке так, что наволочка чуть не порвалась.

— Вот люди! Всегда они так! Почему они нас судят? Никогда не пробуют встать на наше место? А как бы они поступили на твоём месте? Ты что, должна в одну минуту измениться? Ни сном ни духом ничего не знать всю жизнь о своих родителях, и всю жизнь любить своих названных родителей, прожить некоторое время с чувством горького сиротства, с чувством того, что некого больше назвать мамой и папой, ухаживать за их могилками, а потом опять учиться говорить слова мама и папа. Это — настоящее испытание для человека. Ты и так молодец! Не прогнала отца, дала ему шанс! Ты моя, ты моя золотая девочка!

И Юра уже который раз за вечер по-мужски успокоил свою молодую жену.

— Слушай, сегодня был день такой плотный, столько всего произошло значительного, что мы его никогда не забудем. Ты знаешь, человек проживает свою жизнь не один раз, он проживает её много раз? Один раз наяву и сотни раз в воспоминаниях. Зина! А почему ты не спрашиваешь меня, были ли у меня женщины до тебя?

— Мне это не интересно!

— Не может быть!

— Честное слово, не интересно! Я с ними в борьбу вступать не собираюсь. Я только спрошу тебя, ты женился первый раз?

— Официально — первый. С Леной мы три года прожили в гражданском браке. Детей она не родила для нас. Родители её были против нашего брака. Я уехал служить после окончания училища, она за мной не поехала. Она тоже единственная дочь была в семье своей.

Мне ставили условие, чтобы я армию бросил, а пошел работать по своей второй гражданской специальности — инженером-механиком. Я не согласился. Мы три года встречались, расставались, опять встречались. Потом ей просто нашли жениха престижного и выдали замуж. И она не оказала никакого сопротивления. Пошла, как теленок на веревочке!

Юра скрипнул зубами и поблелел! Ему было больно вспоминать свою первую любовь.

— Давай договоримся, что я тебе сегодня все это рассказал, а больше мы никогда к этой теме возвращаться не будем! Никогда! А у тебя я даже спрашивать не буду о твоём женском прошлом. Его нет!

— Как это «нет»!

— А что? Есть?

Юра даже перестал обнимать свою дорогую женщину, а отстранился слегка и посмотрел ей в глаза.

— Я знаешь как влюбилась в седьмом классе! К нам новенький пришел учиться. У нас же пограничная застава в устье Кудринки стоит. Служить его отец прибыл на заставу с семьей. А у нас школа ближе всего к ней. Женя мальчика звали. Весь он был какой-то нездешний. Я целый день с него глаз не сводила! Но он так снисходительно общался с нами. К концу дня я его разлюбила! И никакие знаки внимания с его стороны потом не изменили ничего!

Зина засмеялась! Юра тоже улыбнулся!

— Ты так больше не шути! А если серьезно, то нам так много нужно рассказать друг другу! Я всегда осуждал своих друзей, если они на молоденьких таких женились! А теперь сам совершаю такой поступок! Голову потерял совсем! Только я знаю, что ты любишь меня! Меня! А не мои погоны и звания!

— А мы уже женаты? Помнишь сказку про серого волка, который хотел ягнят проглотить, а коза сказала, чтобы он встал на бугорке и широко пасть открыл, она сама ему ягнят бросать прямо в пасть будет. Он и встал и глаза закрыл. А она разогналась, рогами его ударила, он в овраг скатился, а потом гладит себя по животу и никак не может понять, сытый он уже или голодный? Я также сейчас не могу понять ничего. Я что? Уже замужем? Мама всегда говорила мне, что судьба и на печке найдет. Вот. Нашла! Я твоя первая законная жена, и это меня вполне устраивает. А моим родителям о моем замужестве сообщить?

— Как считаешь нужным, так и поступай. Я думаю — нужно! А сейчас давай поспим, уже три часа ночи!

За окном ветер разыгрался, мела метель, не переставая ни на минуту, громыхала оторванным рукавом старая водосточная труба, нелепо размахивали голыми ветками старые тополя, на чердаке дома голуби не издавали никаких звуков, они крепко прижимались друг к другу от холода, а в старом доме было тепло. И совсем не холод заставлял Зину с Юрой спать, крепко обнимая друг друга. Зина обнимала желанного и любимого мужчину, а Юра обнимал желанную и любимую женщину, и их ангелы-хранители тоже открыли доверчиво объятия друг другу. А что может быть выше такого счастья?

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Утро следующего дня было тихим и солнечным. Как будто в этот мир к утру вернулась гармония, а злые силы отступили, и добро победило зло.

Второй раз в жизни Зина видела своего мужа в военной форме. Она ему очень шла. Делала его заметным в любой толпе людской. Шаг у него был четкий, вид он имел бравый, а на лице было просто написано, а вот он я, а вот это — моя жена, и кто скажет, что она не хороша, тот и дня в покое не проживет. А кто обидеть вздумает, тому и вовсе не поздоровится.

Салон для новобрачных был за углом дома. Одежду там продавали только по специальным приглашениям, но он прошел в кабинет к заведующей, показал свидетельство о заключении брака, и им было разрешено сделать покупки.

Невесту нельзя в подвенечном наряде до свадьбы видеть, а жену — никто не запретит. Юра сам выбирал своей супруге платье. Она примеряла без всяких возражений. На шестой примерке муж остановил свой выбор.

В деревню Зина позвонила раньше, почти на рассвете. Трубку взяла Анечка. Она поздравила Зину и сказала, что свадьбу ей устроят небывалую к шести часам вечера. Пусть она ни о чем не беспокоится.

Зина и оглянуться не успела, как уже сидела в автобусе, который мчался в деревню, а за рулем автобуса был старый знакомый Иван Захарович. Родственников и знакомых набралось больше двадцати человек. Все они были представлены Зиночке, и она боялась, что перепутает их имена.

Всю дорогу ехали с шутками-прибаутками и песнями. Светлана Андреевна сидела рядом со своим старшим братом и потихонечку рассказывала историю Юрочкиной любви. Сам Юрочка сидел рядом с Зиной и всю дорогу беспокоился о том, чтобы она не замерзла. Он то просил её пересесть к окну, то решал, что от окна очень дует, и просил Зиночку пересесть обратно, то трогал её руки, проверяя, не холодны ли они, то укутывал её своим теплым шарфом, несмотря на протесты молодой жены. Он был на посту. Он нес ответственность за свою семью.

— Пограничный пост, проверка документов!

В автобус вошли те же пограничники, которые были в наряде в новогоднюю ночь. Документы были не у всех.

— Ребята! Это мои гости! Мы едем на свадьбу, я вчера замуж вышла.

Зиночку они узнали.

— Замуж вышла? А я надеялся продлить наше знакомство!

Фраза выглядела, как шутка, но глаза у молодого пограничника были грустными и тоскливыми. Видно, на него произвели впечатление не только новогодние гостинцы, но его мальчишеским мечтам не дано было сбыться. Всех гостей переписали в особую книгу и сказали, что когда они поедут назад, пусть сошлются на эту запись. Конфликт был исчерпан. Автобус поехал дальше по сельским дорогам.

Оказывается, что пограничный пост был не единственной преградой на пути. На въезде в Кудринку была сделан еще один пост — свадебный! Дорогу перегородили валежником, а позади баррикады стояли почти все кудринцы. Некоторые были ряжеными. Они изображали светлые и темные силы жизни.

Зина хотела выйти из автобуса, но её не пустили. Не хватало ещё, чтобы невесту украли ещё до свадьбы! Из автобуса вышел Юра с другом детства Мишей.

— В чем дело?

— А ни в чем! Откупись вначале от нас, потом, может быть, и пустим тебя в нашу Кудринку. А то ишь, какой! Явился тут! Самую красивую девушку в селе увел, осиротил нас, бедных, да еще и не подсластил нам утрату. Понесешь наказание?

— Понесу, если виноват!

— Испытание первое. Для разогрева проскочи с другом верхом на кри-вых палках вокруг автобуса.

В автобусе стоял громкий хохот, когда Юра с Мишей скакали вокруг автобуса верхом на палках. Юра делал это с преувеличенным энтузиазмом, а Миша скакал уныло, как будто и в самом деле был виноват и отбывал наказание. Потом нечистые заставили всех гостей выйти из автобуса и сплясать русский танец под притопы и прихлопы толпы.

Потом всем загадали три непростые загадки. Первую отгадали легко, потому что слышали когда-то в детстве. Со второй тоже справились, а вот третью не отгадали и откупились коробкой шоколадных конфет и бутылкой шампанского.

Когда все три задания были выполнены, нечистые сошли с дороги. Они признали свое поражение!

Вперед вышли женщины, попросили выйти из автобуса молодую, и красиво и слаженно запели обрядовую свадебную песню про то, что горлица одна жила и не было голубка рядом. Она ждала и томилась в одиночестве, но «вот свет воссиял, голубок прилетал, прилетал голубок, за собою манил, отказать голубку не хватило сил! Не хватило сил ему «нет» сказать, и пришлось на пир гостей созывать, гостей созывать, да свадьбу играть!»

С поклоном молодым вручили хлебный каравай на расшитом полотенце. И когда только успели выпечь именно такой, свадебный? По русским традициям на нем были и голубки — символы любви, и лебеди плыли по его краю — как символ верности, и искусно была сделана гроздь винограда — символ материального благополучия, а гроздь калины просто положили сверху, для того, чтобы семья молодая разрасталась, чтобы детки были красивыми и здоровыми.

А потом молодых пропустили через коридор из сельчан. Над головами держали гости нарядные ленты, каждую из них они клали перед молодыми, а когда они ступали на неё, им желали и мудрости и богатства, и тепла и уюта.

Так молодожены подошли к дому Зины. Перед самым входом в него Юру с Зиной заставили спеть дуэтом, чтобы проверить, а спелись ли они уже? Потом заставили потанцевать, чтобы определить, станцевались ли? А когда молодые в дом вошли, на самом пороге их ждала чаша пшеницы с подмешанным рисом. Нужно было разделить смесь. И тут на помощь молодым пришли все, кто был с ними рядом!

Возле дома молодых встречали Прасковья Терентьевна и Мария Ивановна. Они обняли Зиночку, потом Юру и прослезились, как водится, и пригласили всех к праздничному столу.

Юра одел праздничный костюм, Зина — белоснежное гипюровое свадебное платье, причесала волосы, одела веночек и фату. Она стала похожа на принцессу из сказки. Зина на всех произвела впечатление, а у Юры в глазах появилось какое-то особенное выражение. В его взгляде можно было прочесть, что вот полюбуйте, люди добрые, какая красавица меня выбрала! И я её достоин! Чем мы не пара!

Столы были накрыты в доме у Прасковьи Терентьевны, в котором была такая просторная горница, что могла вместить пятьдесят человек. Матвей Иванович предлагал сыграть свадьбу в клубе, но все отвергли его предложение. Свадьба должна быть в чистом месте, в жилом.

К праздничному столу молодые пошли по живому коридору. Их осыпали зернами пшеницы и хором желали многие лета дружной и счастливой жизни.

Свадебный пир удался на славу. Деревенские хозяева ждали пьющих гостей и припасли градусные напитки, среди которых почетное место занимал и самогон.

Городские гости ждали встречи с пьющей деревней, и тоже привезли градусные напитки, среди которых почетное место занимал марочный коньяк. Но каково же было удивление и тех, и других, когда выяснилось, что за свадебным столом собрались почти непьющие люди.

Выпили шампанское, выпили марочные вина, а крепкие напитки отвергли, и они стояли в сторонке рядом: мутноватая самогонка в банках, и коньяк в красивых бутылках с медалями на этикетках. Ждали лучших для них времен.

Иван Захарович рассказал гостям сказку про царевну-лягушку.

— Жила-была девица и думала она, что лягушка, а на самом деле была заколдованной царевной. Ходила лягушка в стареньких шортах и брюках, в маечках и шлепанцах на босу ногу. Голову повязывала платком по-старушечьи.

Встретила она своего суженого, но он не сразу узнал её. Потому что она все время была в лягушачьей шкурке. Она однажды вообще предстала перед ним вся испачканная глиной, в старом колхозном плаще, в одном сапоге и со спасенным петухом в руках. Изумился суженый. Настоящее чучело! Но отмыл он её самостоятельно и увидел, какая она красавица. Влюбился и женился на ней. Мой тебе совет, Юрочка, не давай ей больше в речку за петухами нырять! Горько!

Не все гости поняли смысл рассказанной сказки, но Юра с Зиной так над ней смеялись, что было понятно, что в сказке был прозрачный намек на какие-то, известные только им, события.

Бабушка Флёнушка очень гордилась тем, что была приглашена на свадьбу почетным гостем. Она держала марку перед городскими гостями, и когда говорила тост, всегда начинала его одинаково.

— Мы, конечно, люди деревенские, но и мы можем слово сказать. Желаю молодым с людьми мириться, а с грехами браниться! Помните, что все посеянное — взойдет, а чего не ищешь, то и не найдется! Совет вам и любовь! Горько!

А баба Варя говорила о том, что свадьбы сейчас стали играть не такие шумные, как прежде. А зря. Потому что свадьба — радость для всех! Семья родилась, а в семье детки пойдут, и потечет река жизни дальше. Она пожелала молодым хороших, здоровых, умных и крепких детей.

Дед Черемисин не был речистым человеком, но от имени стариков пожелал молодым счастья и благополучия, а Юре он почему-то погрозил пальцем довольно сердито.

— Смотри у меня, девочку нашу не обижай! Мы всей деревней за неё пойдем! Она у нас золотая!

А Юра клятвенно заверил всех, что будет беречь жену свою, как зеницу ока!

Все гости, приглашенные на свадьбу, вели себя достойно. Только баба Маша разговорившись с городским соседом по столу, вдруг узнала, что тот — заядлый рыбак. Тогда они стали горячо обсуждать способы ловли рыбы, повадки разных рыб, подледную зимнюю ловлю и летнюю.

Баба Маша вначале осторожно разводила руками, показывая размеры самой большой рыбы, которую ей удалось поймать, но после каждого тоста, который она активно поддерживала, она, припоминая былое, разводила руки все шире и шире до тех пор, пока своим необъятным размахом не сшибла со стола несколько рюмок и тарелок с закуской. Рюмки разбились, тарелки уцелели, но закуска пропала. Под гневным взглядом Прасковьи Терентьевны баба Маша смиренно села на своем месте, и стала застенчиво разглаживать руками белоснежную свадебную скатерть.

Зиночка знала, почему у неё всё время слегка кружилась голова. Юра всю долгую свадьбу держал её маленькую ладошку в своей большой мужской ладони, не выпуская ни на минуту, как будто боялся потерять.

Было уже за полночь, когда на пороге дома простелили овчинную шубу, вывернутую наизнанку, и самые почетные гости садились на порог спиной к выходу и «гладили» молодым дорожку. Первой усадили Светлану Андреевну, и она со словами «гладкой вам дороги, дети» выпила полную рюмку вина. Потом сел посаженный отец жениха и сделал то же самое. Потом гладкой дорожки пожелали посаженные родители невесты, потом по очереди все желающие, и только после этого, ступая на шубу, молодые перешли через порог, а шубу подняли гости, завернули особым способом мехом внутрь, и велели молодым забрать её с собой. На счастье.

Ночевали городские гости в домах у Матвея Ивановича и соседок Зины. Молодых никто не беспокоил до утра. А утром раздался за окном шум и звон, и пение, и радостные крики! К Зиначкиному дому подкатили розвальни. Первыми санями правила Надежда Степановна. Она была в шубе и в цветастой цыганской шали и так улыбалась, что глядя на неё все улыбались в ответ. Вторыми санями правил сам Матвей Иванович, третьими — Прасковья Терентьевна. В гривы коней были заплетены ленты, к дугам подвешены колокольчики. Свадьба продолжалась. В первые сани усадили молодых и их близких, во вторые сани — городских гостей, в третьи сели все желающие. Гармонист развел меха гармони, и свадебный поезд покатился по селу, потом выехал за его околицу.

Природа пожелала предстать перед людьми в лучшем своем виде. И хотя вокруг было очень много белого цвета, на его фоне ярко зеленел сосновый лесок, янтарем светились непадающие на зиму листья маньчжурского дуба, светлокоричневые бархатистые верхушки камыша над маленьким болотцем в стороне от дороги были трогательно беззащитными, над деревней стояли столбы серого дыма, а голубизна чистого неба слепила глаза.

Только сугробы на опушке соснового леса напоминали о том, что недавно падал снег, и была жестокая метель, которая пыталась все перемешать и опрокинуть, но мир устоял под её натиском! Гости проводили домой шумно. Автобус уехал, а Зина с Юрой остались наконец одни.

Юра был очень доволен, а Зина знала, что не все гости радовались искренне на их свадьбе. Она случайно услышала громкий разговор. В комнат-

ке за перегородкой перед отъездом разговаривали две разряженные девицы. Они совершенно не боялись быть случайно услышанными. Наоборот, они говорили нарочито громко.

— Ну, Юра! Ну, удивил! Женился на простушке! Она — сельский почтальон! Почтарка! Ходит, как гренадер, а ногти! Ты заметила, какие у неё ногти? Коротко острижены, как у ребенка, и не покрыты лаком. А свадьба какая убогая! Старичье какое-то собралось, речи говорят, как топором рубят! Из всех гостей только учительница эта Вера Васильевна с мужем — интеллигентные люди, а остальные — темнота. У них в деревне даже свой дурачок есть. Эта беременная своего дурачка на свадьбу привела! Постыдилась бы! Никогда не думала, что наш Юрочка так женится! Я думала, что банкет будет в ресторане, что тамада будет вести свадьбу, что гости будут именитые. Они не долго проживут вместе, вот увидишь! Юра рассмотрит её получше, без розовых очков, и поймет, что она гроша ломаного не стоит! Ему нужна женщина умная, образованная, чтобы в обществе могла показаться. Она симпатичная, даже красивая, но это молодость её украшает. А если внимательно к ней присмотреться, она ни слова сказать умного не может, ни дела деликатного сделать. Деревня деревней и останется!

Зина уже хотела сказать этим дамам пару «ласковых» слов, но в дом вошел Юра, разговор в комнате прекратился. Он посмотрел на Зину, заглянул ей в глаза.

— Что-то не так?

— Все так! Что может быть не так, если ты рядом!

Зина произнесла эти слова очень громко. Так громко, чтобы за перегородкой её услышали.

Через несколько дней Зиночке пришел перевод от родителей на очень большую сумму. Вслед за ним Зина получила письмо, в котором была красивая поздравительная открытка.

«Дорогая Зиночка! Спасибо тебе, что известила нас о свадьбе. Посылаем тебе деньги на свадебный подарок. С нетерпением ждем в гости.

Желаем тебе в жизни в трудах и заботах о муже и о детях, которые у тебя будут, не потерять свою любовь, бережно пронести её через все испытания! Не забывай добрые слова и произноси их в семье почаще!

Зятю мы желаем беречь нашу Зиночку, заботиться о ней, прощать ей слабости, восторгаться достоинствами, которых у неё много!

Совет вам, дети, да любовь и наше родительское благословение!

Весной ждем вас в гости!

Свет мой, девочка моя, когда же я обниму тебя и прижму к своему сердцу и вымолю у тебя прощение?

Твои навсегда виноватые родители».

Зина с Юрой перечитали поздравление несколько раз.

— У тебя когда отпуск?

— В марте.

— Поедешь?

— Собиралась, а теперь не знаю. Мало ли что?

— А ты обещала?

— Обещала.

— Тогда вспомни пословицу: «Не дал слово — крепись, а дал слово — держись!» Поедем вместе! Я успеваю. Мне все равно в Москву лететь на освидетельствование после периода реабилитации. Полетим вместе. Я оставляю тебя у родителей на недельку, а сам в госпиталь отправляюсь, потом ты в Москву приедешь, и мы вместе вернемся домой. Пойдет такое дело?

— Пойдет!

— Тогда готовься к отпуску понемногу. Да и к переезду готовься.

— А почему ты настаиваешь на переезде?

— Ты же знаешь, что я в часть вернусь, а тебе туда пока нельзя. Будешь у мамы меня ждать, тебе будет не так одиноко.

— А нельзя мне здесь тебя ждать, в деревне. Боюсь, что в городе мне будет одиноко, а здесь у меня столько друзей, что не соскучишься!

— Нет, я настаиваю на переезде. Рано или поздно, все равно с Кудринкой нужно расставаться. И не возражай мне! Если ты уедешь отсюда, это совсем не значит, что ты расстанешься с деревней навсегда. Мы будем приезжать сюда летом, мы будем навещать твоих друзей, мы будем ухаживать за могилками. Да и в мыслях своих ты будешь постоянно возвращаться сюда. Здесь твое детство прошло, здесь мы встретились, здесь ты дорогу в жизни выбирала. Мы даже дом твой продавать не будем. Закроем ставнями оконца, двери замкнем, огород поделим между соседками, козу подарим Марии Ивановне, кур — Прасковье Терентьевне, Полкана заберет Аня, а кота возьмем с собой.

— Легко сказать, да трудно сделать!

— Знаю, что трудно! Но ты же у меня храбрая! Ты у меня мудрая! Ты справишься!

После этого разговора Зина вечером долго не могла уснуть. Она ворочалась с боку на бок и вздыхала. Ей казалось, что и дом чувствует её беспокойство. В нем слышались разные звуки. То на крыше что-то шелестело, и раздавался чуть слышный топот. Наверное, приبلудный кот общался с друзьями.

То тоненько и жалобно звенело стекло на веранде от сильного ветра. То чуть громыхало кровельное железо, то поскрипывали старые половицы и им подпевали ставенки на окнах. Привычные звуки. Мелодия старого деревянного дома была нежной и убаюкивающей. Теперь Зине предстояло привыкать к другим звукам: хлопанью дверей в подъезде, звукам работающих моторов автомобилей, гудению ветра в водосточных трубах, детскому гомону в подъезде по вечерам.

А если Юра уедет и оставит её одну, ей не с кем будет общаться, и вся её жизнь превратится в томительное ожидание. Хорошо, что он рядом!

Юра почувствовал, что жена не спит. Он встревожился.

— Ты почему не спишь? Тебя что-то беспокоит?

— Скажи мне, Юра, ты почему женился на мне. Ответь один раз серьезно, и я больше не буду тебя спрашивать. Честное слово!

— Потому что ты меня очаровала! Ты сама для себя подарок, не то что для окружающих!

— А ты не разочаруешься?

— Разочаруюсь, если ты по ночам будешь вести серьезные разговоры. Ночи совсем для другого дела предназначены!

Ровно через недельку после этого разговора Зина поняла, для чего предназначены ночи. Она окончательно убедилась в том, что в скором времени они с Юрой станут родителями. Она все ждала удобного момента, чтобы сказать Юре об этом, но почему-то стеснялась.

Когда-то она прочитала в книге о том, как красиво иностранная героиня сказала мужу о прибавлении в семье. Она стала накрывать к ужину стол на троих. Первый раз муж не обратил внимание на дополнительный прибор, во второй — то же, а в третий вечер он спросил жену, кого она ждет к ужину, на что жена ответила, что теперь они с мужем оба в ожидании самого дорогого гостя. И муж догадался, и был на седьмом небе от счастья.

Зина все придумывала и придумывала, как признаться Юре красиво и торжественно. А произошло все прозаически. Пошла Зина утром козу доить, а та развредничалась и никак не шла в сарай из пригона. Зина её шлепнула, коза в отместку вознамерилась боднуть хозяйку в живот. Зина страшно испугалась, обхватила низ живота двумя руками и согнулась. На крики прибежал Юра, и когда он увидел, что Зина защищает живот двумя руками, а коза смотрит на хозяйку в полной растерянности своими круглыми желтоватыми глазками, он все понял.

— Зина! Почему ты мне ничего не сказала? Я не знал, Зина! Так! Марш домой, я сам подою эту красавицу.

— А ты умеешь?

— Теоретически да!

— Ну, ладно!

Зина ушла в дом, а Юра стал доить козу с такой силой, что чуть не выдоил молоко вместе с выменем.

А Зина думала о том, что у неё все получилось так, как всегда. Она хотела романтично и торжественно объявить Юрочке о том, что он станет скоро папашей, а вышло все обыденно и нелепо.

Потом выяснилось, что лучше бы Зина подольше не говорила Юрочке об ожидании ребенка. Теперь Зиночке все стало нельзя. Юра и раньше делал по дому всю тяжелую работу, а теперь он совсем не давал Зиночке даже полено поднять. Хуже того — он принес речного песка, посыпал им все дорожки вокруг, чтобы Зиночка случайно не поскользнулась.

— Хорошо я придумал?

— Очень хорошо!

Песок за ногами носился в дом, нужно было подметать пол на кухоньке по три-четыре раза в день, но разве можно сказать мужу все, что Зиночка думала о такой заботе? Зиночке очень хотелось высказаться, но она благо-разумно молчала.

Эти «нельзя» встали стеной. Нельзя было ходить на лыжные прогулки по берегу реки, нельзя было кататься с горки, не только потому, что это не-серьезно, а потому что можно было повредить ребенку. Нельзя было доставать воду из колодца, нельзя было бегать по селу во время доставки почты, а нужно было ходить медленным шагом и смотреть себе под ноги, чтобы не поскользнуться. Нельзя было смотреть грустные фильмы, нельзя было

читать фантастику, наконец, нельзя было есть все, что хочется, а нужно было соблюдать диету.

А когда о том, что скоро она станет бабушкой, узнала Светлана Андреевна, у Зиночки появилось такое чувство, что они будут вынашивать ребенка втроем: она, Юра и Светлана Андреевна. К услугам Зиночки были все лучшие умы города, все медицинские светила, которые прямо или косвенно касались этого праздника ожидания ребенка.

Беременность протекала легко, у Зины не было никакого недомогания, только появились причудливые желания. Она то питалась несколько дней одним свежим творогом, то переходила на картошку с огурцами, то в двенадцать часов ночи гоняла Юрочку в погреб за солеными груздями, потому что до утра она подождать не могла. Даже получасовое промедление казалось пыткой.

— Теперь нужно от поездки отказаться!

— Ты же сам мне говорил про слово, которое, если дал, то нужно держать!

— А как ты теперь эту поездку себе представляешь?

— В подробностях не знаю, но сяду на самолет и полечу!

— Я настаиваю на том, чтобы ты от поездки отказалась!

— Почему? Не делай из меня больную! Беременность — это не болезнь! Я чувствую себя хорошо и даже очень хорошо! У меня ничего не болит, у меня все нормально. Если я не поеду, то рискую никогда не увидеть свою маму. Ведь я у неё — поздний ребенок, а она уже не молоденькая, а с ребенком маленьким еще труднее будет предпринять это путешествие. Я хочу мир увидеть, я ведь нигде дальше областного центра не была. Ты за границей был, ты в Москве, как у себя дома! А я тоже хочу посмотреть! Я хочу увидеть своих родственников, понять, где мои корни, я настаиваю на поездке!

— Тогда увольняйся, мы поедem через неделю, пока срок небольшой. Мама говорит, что иногда сильный токсикоз начинается во второй половине беременности, даже если первый был вполне благополучный.

ЭПИЛОГ

Зине посоветовали не увольняться, а взять на два месяца отпуск без содержания по семейным обстоятельствам, а затем уйти в очередной отпуск за проработанное время, и потом — в декретный. Зина послушалась умного совета и так и поступила. Дела свои почтовые она передала молоденькой девушке Ирочке, которая не поступила в институт в прошлом году и осталась в деревне. Она работала разнорабочей, и на предложение стать почтальоном согласилась охотно. Зина учила её две недели и поняла, что Ирочка с делами справится, потому что она девушка умная и трудолюбивая.

Флигель во дворе оставили под почтовое отделение, а дом опустел. В деревне были квартиры получше. Желающих поселиться в старом доме не было. Все было собрано и упаковано. Вещей набралось немало. Только содержимое погреба заняло несколько ящиков. Книги уложили в старый сундук. Посуду раздали добрым соседям. Инвентарь оставили в сенях.

Кота Проньку взяли с собой. Ему приготовили большую коробку. Собаку и козу забрали соседки. Птицу раздали тоже.

В доме осталась кое-какая старая мебель: тумбочка, табуретки, потертый диван. Утром должна была приехать грузовая машина и увезти Зиночку и Юру в город. Улеглись они спать пораньше, сиротливо, как чужие, на старом продавленном диване. Зина долго не могла уснуть, она все всматривалась в темноту ночи. Как странно, что дом, который был свидетелем всей её жизни до сегодняшнего дня, останется пустым и заброшенным, и её уже не будет в нем. В дальнем углу на стене в детстве она ручкой нарисовала какую-то принцессу из сказки, а потом рисунок не смылся, и принцесса с выпученными глазами и кудряшками уже воспринималась критически, но всякий раз, когда Зина мыла полы и наклонялась к рисунку, она подмигивала ему.

— Привет, красавица!

Над её кроваткой в детстве висел ковер, на котором была изображена Красная площадь в Москве, а Зина думала, что на нем нарисовано сказочное королевство. Иногда, когда Зина в детстве болела, она поднимала ковер, а под ним была стена дома вся в мелких трещинках. В воображении маленькой Зиночки из этих трещинок-черточек то складывался берег моря, то ковер-самолет, то страшный дракон, то богатырь с огромным мечом в руках, то заросли дикого леса.

В этом доме Зина знала каждый гвоздик, каждую половицу, каждое бревнышко. Она здесь прожила много счастливых дней. Найдёт ли её счастье в новых краях? А что, если эти кумушки, перемывавшие её косточки, правы?

Зина с завтрашнего дня ступала на зыбкую почву неизведанного, неясного и немного непонятного. Как можно прожить жизнь без козы и без огорода? Где все брать? Спросить у Юры об этом она не решалась. Наверное, ей в этом городе еще и голодно будет. Однако живет же Юра, живет же Светлана Андреевна, значит, проживет и она.

Утром вся деревня вышла проводить Зину в дорогу. Когда машина ехала по сельской улице, ей вслед махали все. А на крыльце школы стояли дети. Они тоже желали ей счастья на новом месте. А если столько добрых пожеланий слышится вслед, то они и сбываются. Почти все!

Со свекровью Зина поладила, а разговоры о том, что две хозяйки на одной кухне не уживаются, были не про них. Уживались. Очень просто. Светлана Андреевна просто самоустранилась, как она смеясь говорила. Юра с детских лет был приучен к кухонным делам еще бабушкой и дедушкой. В шесть лет он умел чистить картошку так ловко, что все завидовали ему! Зина умела готовить очень хорошо. Мама Оля её очень многому научила. Зина умела накрывать на стол по-господски, как говорила тетя Паша. И все эти умения ей очень пригодились!

Юра вел себя безупречно. Он знал, что Зина нигде не была и ничего толком не видела. Он вводил её в мир городской жизни. Каждый вечер у них был расписан. Кино, театры, концерты. Они сходили даже на концерт цыганского ансамбля песни и пляски.

— А я могу не хуже! — заявила Зина дома своему молодому мужу.

— А ну-ка!

— Сейчас продемонстрирую!

Зиночка взяла в руки гитару и запела:

Две гитары за спиной жалобно заныли.

С детства памятный напев.

Милый, это ты ли?

Ах, раз, еще раз, еще много-много раз!

И под свои собственные напевы она стала плясать цыганочку.

Юра смотрел на эти переплясы широко открытыми глазами. И вот это чудо он выбрал себе в жены? И вот эта пылкая молодая женщина ответила на его любовь? И теперь она пляшет и поет только для него одного?

Когда Зина закончила свое домашнее выступление и поклонилась ему с шутовским видом, он молча подошел к ней, и заключил свое сокровище в объятия. В свои крепкие мужские объятия. И она прильнула к нему тоненьким стебельком и ответила на каждую его ласку с такой же силой ответной любви.

Уже у Зины стала округляться талия и чуть тяжелее стала походка, когда они с Юрой отправились на самолете в гости к родным родителям Зины.

Их провожала Светлана Андреевна.

— Вот, я своих детей провожаю в поездку. Очень волнуюсь за них. Особенно за дочь.

— Разве это брат и сестра? — с недоумением спросила Светлану Андреевну знакомая.

— Да что вы? Как вы могли такое подумать? Это муж и жена. Знаете, мой Юра наконец-то так удачно женился! Это я невестку так называю.

— А ревности у вас к ней нет? Все-таки единственный сын и вы его с малых лет одна растили. В таких случаях матери редко так просто с легким сердцем сыновей от себя отпускают.

— Само собой все произошло. Матери всегда нужно, чтобы её сына любили. Если она чувствует это, то и не возражает.

Уже оформлен был багаж, уже объявили посадку, а потом подали автобусы, чтобы отвезти пассажиров к трапу самолета, уже помахала вслед им Светлана Андреевна, и Юра с Зиной зашли в автобус, когда Юра услышал робкий шепот:

— Боюсь. Очень сильно боюсь. Он не разобьется?

Юра оторопел. Потом посмотрел в широко открытые глаза своей молодой жены и улыбнулся.

— Какой ты все-таки у меня ещё ребенок. На ком я женился! Господи! Тебе сколько лет? Десять? Перестань ребячиться. Когда я рядом, с тобой ничего плохого произойти не может!

Зину эти слова мужа, сказанные твердым голосом, точно успокоили. Она решила. Да и потом, не станешь же паниковать на глазах у всех? Да и быть такого не может, чтобы их полет не был благополучным. Вон сколько народу летает — и ничего!

В Москве они с мужем пробыли три дня, но многое успели увидеть. Юра старался расширить кругозор своей молоденькой жены.

Телеграмму родителям они не давали, а решили нагрязнуть сюрпризом. От Москвы ехали почти сутки поездом, и вот он — Краснодарский край. Прямо в лето и приехали. До отцовского дома ехали на машине. Юра договорился с частником. По просьбе Зины остановились, не доезжая до нужного адреса. Она хотела пройти пешком. Цветение садов, теплая земля под ногами, солнечный свет, ласковый ветерок — все ликовало вокруг. Мир распахнул бывшей девочке, которая здесь увидела свет, свои радостные объятия.

Вдруг, там, вдали, прямо на середину дороги вышла пожилая женщина и пристально, из-под руки, стала смотреть в их сторону.

— Это моя мама, — тихо сказала Зиночка.

Женщина кого-то окликнула. Из калитки вышел... отец Зины. Он что-то тихо сказал, и вот они оба, два пожилых человека побежали ей навстречу, неловко, по-стариковски переставляя ноги, задыхаясь от бега, хватаясь за сердце, они бежали к своей девочке.

Зина встала посередине улицы и не могла двинуться с места. Сердце её учащенно билось. Слово родилось само. Оно пришло из глубины сознания. И слово было — «мама».

Она и прибежала первой, и обняла свою родную девочку, и приголубила, и погладила по спинке, и все шептала и шептала одними губами:

— Прости!

Все встало на свои места. Рядом с Зиной были мама и папа. А вырвавшиеся её брат с сестрой тоже остались ими. Только теперь Зина звала их папой Алешей и мамой Олей.

И пошла весть гулять по станции. И вечером уже Зина сидела за праздничным столом и успевала только запоминать имена своих родственников. Десятки имен.

Познакомилась она и со своими братьями и их семьями.

Юра предусмотрительно снял свою форму и переоделся в гражданскую одежду. Он себя, конечно, контролировал. Но мало ли что могло случиться за столом, на котором стояли вина из погреба многолетней выдержки.

Отец, взглянув при встрече на погоны зятя, называл его теперь очень уважительно — «товарищ майор». А пусть все слышат за какого важного человека его дочурка замуж вышла.

Мама сразу увидела, что дочь в ожидании прибавления в семействе. Она следила за её каждым шагом. Оберегала её. Потому что сильно любила. И не переставала любить никогда.

***

Рядом с Юрой Зина вскоре превратилась в настоящую леди. Она стала городской. Только Зина очень часто вспоминала свою милую деревню и последнюю прогулку по её улицам...

Тогда она прошла по родной деревеньке в последний раз, как хозяйка. Теперь её жизнь происходила в других местах.

Теперь она была здесь гостьей. Пусть дорогой, пусть — желанной, но — гостьей.

Она будет с жадностью узнавать деревенские новости от случайно встреченных земляков, и будет радоваться тому, что у Анечки родится здоровая девочка, она будет несколько лет слать сюда письма, и в первых из них расскажет, что путешествие к родителям было похоже на сказку. Она будет слать сюда поздравительные открытки до тех самых пор, пока в деревне не останется ни одного близкого ей человека. Она будет приезжать на дорогие могилки вначале с одним сыном и мужем, который так и уйдет на гражданку по состоянию здоровья. Война закончится без него. Он будет сидеть возле экрана телевизора неподвижно, а взгляд его будет таким тяжелым, когда он увидит на экране вывод войск из горячей точки. Даже Зина никогда не узнает, почему Юра каждый год в один из весенних дней будет вечером уединяться на кухне, ставить на стол три поминальных рюмки, наливать в них водки, покрывать кусочками хлеба и сидеть неподвижно за столом до утра, не проронив ни звука и будет пить молча в абсолютной темноте.

— Жизнь продолжается, ребята! Хочу, чтобы у меня было три сына! Твое имя, Федя, уже звучит в нашем доме! — услышит однажды его тихий возглас Зина.

Потом они приедут сюда с двумя сыновьями, а еще через несколько лет — с тремя, и с каждым годом все меньше и меньше будут узнавать деревню.

Жизнь в ней будет угасать медленно. Вначале в деревне закроют школу, потом — клуб, потом — медпункт, потом — магазин. Вывезут на центральную усадьбу всех коровушек и забросят местную ферму, потом перестанут возделывать окрестные поля. Останется в селе всего несколько дворов, в которых будут свой век доживать старики, которым некуда будет податься. Разрушится мост через небольшую протоку, и в период осеннего половодья Кудринка будет отрезана от всего мира.

Лихие гости будут приезжать по зимнему насту за металлоломом, сделают пластинку с памятника и продадут её в Китай, как цветной металл. Сам памятник разберут на кирпичи сами кудринцы для ремонта печей.

Все смоеет время.

Но однажды... Они поедут с Юрой в Кудринку перед Радоницей, чтобы прибрать дорогие могилки, и удивятся первый раз, когда увидят, что мост через протоку приведен в порядок и по нему можно проехать свободно, не сворачивая в сторону брода.

Второй раз они удивятся, когда услышат гул тракторов на полях за деревней.

Третий раз они удивятся, когда въедут в село и увидят красивую площадь с ухоженными дорожками, со скамейками вдоль них, а в центре площади на том самом месте, где стоял самодельный памятник погибшим в годы гражданской войны, они увидят часовню, построенную в лучших традициях романского архитектурного стиля. Четыре больших круглых колонны из красного кирпича будут нести лазоревый купол, из центра которого четырехгранный шпиль высоко в небо вознесет православный крест. Зина попросит Юру остановить машину и пойдет торопливыми шагами к часовне и увидит, что внутри неё под куполом на граненой пи-

рамиде будут прикреплены памятные доски. На одной из них будет список погибших в годы Гражданской войны на этом месте людей, на второй — огромный список репрессированных кудринцев, на третьей — длинный список односельчан, павших в годы Великой Отечественной войны. На четвертой грани будет лик девы Марии, а под ним текст молитвы: «К Тебе припадающим, грехов оставление испроси, помыслы благочестия сердца наша просвети, и к Сыну Твоему молитву вознеси о спасении душ наших. Аминь».

И Зиночка — бывшая пионерка и комсомолка, воспитанная в безверии, вдруг вспомнит, что дома у неё в шкатулке лежит её крестильный крестик, привезенный от родителей, и она неумело перекрестится и поклонится прошлому дорогих ей кудринцев.

Оксана Нарейко
(Россия, Северный Кавказ)

ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ

1. ЕЩЕ ОДНА ВЕРСИЯ СОБЫТИЙ

Необходимое предисловие: несколько дней назад мы разговаривали с моей подругой (познакомились в интернете года три назад, говорю это для того, чтобы вы поняли, почему я могу не знать о человеке некие важные факты), и я с удивлением узнала, что она не приемлет магию, колдовство и прочие чары. Не верит во все это. Отрицает. «Но это же есть!» — заспорила я. «Для тебя есть, для меня нет», — ответила подруга, а я вспомнила, что есть такой метод защиты, называется, вроде бы «стекло», то есть человек, к примеру, в сглаз не верит и поэтому этот сглаз ему до того самого места. И работает! Есть одно большое «но». В это, то есть в отсутствие колдовства в жизни, надо верить искренне и честно.

Я, как человек, воспитанный в семье, где была одна очень перспективная ворожея, умеющая одним словом похвалы сглазить любого, пусть даже самого близкого и любимого человека (эта родственница не училась контролю, и сила из нее была во все стороны, и глаз был дурной), верю и в волшбу, и наговор, и в сглаз, и в прочие не очень приятные вещи, а также и в приятные. Кстати, у нас тут 1 января елка свалилась просто так, сама, а до этого я свалилась с жуткой мигренью и сдается мне не совпадение это, а... Но я уйду от темы. «Как же ты меня читаешь?» — спросила я подругу, так как в моем творчестве всякой мистики предостаточно. «Я люблю сказки и доброту. Она в твоих рассказах проходит красной линией. Обрати внимание, сказки я очень люблю, а вот всякую мистику... Сказать откровенно, повесть о гранатовом браслете мне не очень понравилась именно из-за колдуний и гадалок», — призналась моя подруга, а я почему-то сразу подумала, что можно переписать эту историю, убрав все потустороннее, все, что нельзя пощупать руками и измерить приборами (пока нельзя!). Первая фраза мгновенно постучалась в мозг и начала там биться настолько активно, что я поняла: история уже случилась, она рвется на волю и жаждет быть написанной. Щелчок, с которым я сняла колпачок с любимой ручки, прозвучал отчетливо и звонко, словно мне дали добро на старт. «Поехали!» — согласилась я и начала писать. Была ночь, мне пора было ложиться спать, но я все писала, торопясь хотя бы конспективно наметить сказку, чтобы она не обиделась и не исчезла.

А теперь еще одно. Наш разговор состоялся 4 февраля. И писать я начала в тот же вечер. Сегодня открываю воспоминания в фб и не знаю, удивляться или нет. Первая часть «Гранатового браслета» была опубликована 4 февраля 2020 года. Совпадение? Как думаете?

Не такое уж и совпадение? А как вам тот факт, что прототипом, нет, лучше сказать образом подруги Таньки, стала моя лучшая подруга Татьяна, с которой мы очень дружили в школе и институте. И день рождения у нее... Все верно, 4 февраля. Совпадение?

И еще. Это уже не совпадение, а еще одно подтверждение тому, что история должна была быть написана. Листаю ленту фб, чтобы отвлечься от письма, и вижу картину того самого домика из рассказа о гранатовом браслете. Художник — один из моих любимых — Мигель Линарес Риос, и этой картиной я проиллюстрирую вторую или даже третью часть этой новой-старой сказки.

Что ж, я надеюсь вам понравится и эта версия. Вводные все те же, герои те же. Нет, лукавлю. Те же, да не совсем, иначе какой бы был смысл писать все заново. Правда?

Болезнь — это работа. Требовательная и крайне утомительная. С нее не сбежишь, не возьмешь отгул или отпуск. Болезнь — строгая начальница, выпивающая тебя досуха. «Как это вы хотите уволиться?» — словно спрашивает она, когда ты с надеждой идешь на операцию, процедуры и уколы. «Нет, нет, даже и не думайте!» И тебя рвет, шатает и мысль только одна: скорее бы уволиться из этой жизни, раз уж с такой поганой работы не отпускают. Знала бы я об этом раньше, я бы... А что я могла бы сделать? Опухоли — штука своенравная и непредсказуемая, никогда не угадаешь, кого она сделает своим рабом. Мне вот не повезло.

Говорят, болезнь — это шанс переосмыслить свою жизнь, попробовать понять, где и что ты сделал не так. Я честно пыталась выполнить это задание. Вспоминала, анализировала, крутила свою жизнь и так и эдак. И ничего не могла понять. Жила (да, что же это я о себе в прошедшем времени говорю! кусни свою исхудавшую руку, почувствуй живость боли, ох, не надо еще больше боли, просто прикоснись к руке и живи, пока живется!), живу я, как все. Дом, семья, работа. Забавно, вот работу сменила. Была архитектором, стала болящей.

Грехи? Дурные поступки, за которые до сих пор стыдно? Все было, врать не стану, не святая, но и наказывать настолько сильно вроде бы не за что. Наверное, не мне судить. В общем, болезненный во всех смыслах урок я все никак не могла усвоить и мне становилось все хуже.

Муж и дочки суетились, ухаживали, готовили мне какую-то полезную дрянь, от которой меня рвало еще больше и, что самое ужасное, они встревоженно смотрели на меня. Вот это было так же больно, как и ощущение разрастающейся опухоли.

Наверное, со мной действительно что-то сильно не так, но мне казалось, они входили в мою комнату, заранее готовые увидеть мое покинутое душой тело. Возможно, это защитное свойство психики, они и сами не понимали, что готовят себя к моменту прощания, им так было проще, а мне...

— Что вы обращаетесь со мной, как с раритетным фарфором?

Я даже пыталась скандалить и попыталась помыть посуду, но увы! Накаркала и разбила любимую чашку мужа. Он скривился, но тут же наигранно веселым голосом сказал:

— На счастье, Олечка! Это хороший знак!

Как же я ненавижу фальшь! Почти так же, как и обязанности, которые накладывает на меня эта страшная работа — болезнь.

Когда говорят, что больные женщины — все равно женщины и ничто романтическое им не чуждо, соглашусь. Я цеплялась за ошметки нормальной, здоровой жизни, когда я была сама своему телу хозяйка, и когда муж дарил мне цветы, украшения, яркие шарфы и путешествия. Я понимала, сейчас я не могу никуда ехать, но дарить мне на день рождения табуретку для душа, это ли не издевательство!

— Оленька, смотри какая прелесть! Устанешь, сядешь, понежишься под теплой водичкой!

Мой Костя был так жалок этой гипертрофированной опекой, словами не передать! От этого мне было еще хуже. Мужчины и сами болеть не умеют, и за больными ухаживают так, что плакать не от боли хочется, а от их беспомощности. Нет, Костик все делал правильно, просто он очень боялся. Мне подумалось, из женщин получаются лучшие сиделки потому, что женщина может подарить жизнь, родить, и это знание, уверенность, что она может помочь, сильно во всех женщинах, сколько бы им не было лет, а мужчины... Слабый пол.

Я благодарила мужа за табуретку, девочек за контейнеры для пилюль (как бы я не возмущалась, вещь это действительно оказалась хорошая, я стремительно начала забывать свои дни, как я их проживаю, что ем и пью, и если бы не эти коробочки с ячейками, вряд ли бы я была сейчас жива, только таблетки держали меня на этом свете) и за стул с ночным горшком (стыдно-то как!), но та часть меня, та, не изъеденная, не обесиленная опухолью, вопила от ярости! Мой день рождения, ни цветочка, ни торта, ничего! Все полезное и блеклое, почему-то на ум пришло слово — «тухлое», как и я сама. Таньку в тот день ко мне не пустили, я слышала, как она рывкала на моих домашних, но прорваться ко мне не сумела, моих было трое, она одна, даже Таньке не удалось их одолеть. А я была слишком слаба, чтобы настоять на том, чтобы ее пропустила таможня в лице мужа и дочек. Танька, в отличие от них, отказывалась видеть во мне умирающую. Она, бывало, приносила мне охапку сирени, говорила, что рвала ее в городском парке, добавляла, это так романтично, как у Ремарка, а еще там растут розы и она ночью совершит набег и на них. Танька отважно врала, я была уверена, она скучно купила цветы у какой-нибудь бабушки на остановке, или у студента, который как раз и оборвал цветы в нашем парке. Танька покупала мне пирожные и говорила, их есть совсем необязательно, пусть постоят на тумбочке, а ты мысленно приноравливайся, какое съешь, когда поправишься. Танька приносила мне детективы и сама же их мне читала, смешно комментируя особо страшные или нелепые эпизоды. Танька искрилась энергией и была бы ее воля, поделилась бы со мной жизнью. Мы дружили со школы и ближе подружки у меня никогда не было. Танька и заваривала всю ту кашу, благодаря которой я сейчас сижу на новой веранде, на коленях у меня кот Чижик и детектив в яркой, кровавой обложке, а в руке чашка чая, заваренного бабой Олей. Хороша каша получилась, а ведь ее могло бы не быть. Ничего могло бы не быть, если бы не упрямая Танька.

— Ольга, смотри, что я нам с тобой купила! — Танька ворвалась в мою комнату красная, возбужденная, радостная. — Вот не могу понять, как эта торговка пролезла в наш так тщательно охраняемый институт, нет, не торговка, лоточница! Помнишь, картинки о старых временах, там такие... нет, не лоточница, как же их звали... Коробейники! Слово какое уютное, правда? Коробка, коробейник... А эта коробейница видом придурочная, вся в облаках и цепочках, звенит, как трамвай, браслетов сколько на руках, колец! Ты бы ее видела! Глаза так загадочно закатывает! Пришла к физикам и ну нудить про волшебные свойства камней! Ох, ты меня знаешь, люблю диковины, пусть даже про них просто наврут красиво. Думаю, надо и тебе, и себе самой что-нибудь присмотреть. А тут звонок, а у меня лекция! Дайте, говорю, вот эти два браслетика, быстрее, дамочка, быстрее, шевелите колечками. Сколько с меня? Ах, она оскорбилась! Сказала, нельзя так с камнями, надо вслушаться, понять, в себя взглядеться! Некогда, отвечаю, в себя вглядываться, лекция у меня сложная, пакуйте скорее. Вспыхнула она, оскорбилась, цену процедила сквозь зубы. А мне что? Я заплатила и скорее в аудиторию! Смотри! Нравится?

Танька завралась окончательно, я видела, как горели ее уши, когда она весело и непринужденно плела эту историю. Я почему-то поняла, что она долго разговаривала с этой коробейницей, перемерила все браслеты и долго думала, какой именно мне может понравиться. Браслет был упакован в красивую, разрисованную коробочку, увидь я такую в детстве, с ума бы сошла от счастья. Версия о быстрой, нелепой покупке еще больше затрепала даже не по швам, по всей материи.

— Нравится? — Танька вытащила из коробки гранатовый браслет. Я сразу узнала камень, у меня были бусы из граната, мне мама их дарила. Мама. В горле словно огненный цветок сторел. Как бы не расплакаться.

— Большой будет, рука у меня...

— Нет, смотри, тут так хитро, он на веревочках, вот так затягивается.

Танька аккуратно взяла мою левую руку и надела на нее браслет. Он действительно подошел.

— Красивый, — хотела бы, не смогла бы сказать больше. Слова не шли от нежности и какого-то необъяснимого счастья.

— Это еще что?

Моя младшенькая, Сашенька, вся в меня, в бывшую меня, громкая и властная.

— Тетя Таня, вы вообще соображаете? Она в туалет еле ходит, руки от капельниц синие, а вы тут ей этот браслет навесили, да еще не дай Бог инфекция и тогда...

Таньке не преподавателем надо было стать, а укротительницей тигров и прочих львов. Дочь она замолчала одним взглядом исподлобья и как-то особенно угрожающе чихнула. Сашенька выскочила за дверь. Я подозревала, побежала за подмогой.

— А себе взяла коралловый, — как ни в чем не бывало продолжила Танька и показала свой браслет в обыкновенном целлофановом пакетике.

— Тоже красивый, — искренне похвалила я, любуясь своим, гранатовым. Наверняка подружка вспомнила про те бусы. Я их долго носила, а потом

они рассыпались и я также долго их оплакивала, а когда умерла мама...

Нет, не думать, совсем расклеюсь.

— Сдается мне, никакой это не коралл, — Танька ногтем поковыряла бусину, — подозрительно дешев, как будто бы у нас в речке эти кораллы растут, да много их, куда там Австралии! Да и ладно, зато красивый. Как думаешь...

Закончить вопрос она не успела, снова открылась дверь и тихонько вошел радостный Костя.

— Олечка, ни за что не поверишь, что я тебе достал! Здравствуй, Таня!

У меня радостно заняло в оперированной груди. Неужели сегодня такой день сюрпризов и муж понял, я еще жива, я здесь, и меня можно и нужно радовать цветами и чипсами, даже пивом можно, если совсем чуть-чуть, пару глоточков, а что если он купил соленую рыбку? Или даже копченую? Мне нельзя и не очень хочется, но вдруг он понял? Я улыбнулась и сказала, что понятия не имею, что он достал.

— Вот!

Он гордо поставил мне на кровать большую упаковку, разрисованную иероглифами, среди которых я не сразу заметила фотографию довольного пса, писающего на пеленку.

— Это такая вещь! Все хвалят! Супер впитывающие гелевые пеленки! Японские! Дефицит! Главное, для людей не делают, а для животных, пожалуйста! Мне наша секретарша посоветовала, у нее какая-то мелкая собаченция, и вот эти пеленки так удобны, так...

— Хватит! Довольно! — я не ожидала, что у меня остались силы на крик.

— Я пойду, завтра загляну, — Танька чмокнула меня в щеку и быстро ушла. Я ее понимала, никто не любит скандалы.

— Что? Что такое? — всполошился муж.

— Я уезжаю, — неожиданно для себя выпалила я.

— Как? Уже? Думаешь, пора?

Мы все узнали заранее и место в хосписе мне пообещали. Я не хотела ехать, но Костя боялся боли. Моей. Он не хотел, чтобы я страдала. А я не хотела умирать не дома. Странно получалось. Мы любили друг друга, вроде бы понимали, но моя болезнь словно черная кошка пробежала между нами, и мы стали немного чужими, перестали чувствовать друг дружку. Костя настолько сильно заботился обо мне, что перестал видеть меня. Я исчезла, осталась больная Оля, абсолютно другой человек.

— Какая же она дрянь! — громко произнесла я, а Костя испугался.

— Наша секретарша? Нет, она милая девушка и...

— Она разделяет людей, понимаешь? Мы словно оказываемся по разные стороны баррикады, она намекает, что скоро меня не будет и настраивает нас на войну не против себя, а против друг друга! Вот, что она делает! Она великий интриган и сволочь!

— Оля, Оля, ты про кого? Тебе плохо?

Как же я его напугала!

— Я про болезнь, Костя! Смотри, что она с нами сделала. Мы стали чужими. Я уезжаю в старый мамин дом. Мне нужно отдохнуть. Нам всем нужно отдохнуть от меня и ее величества опухоли.

2. ЕЩЕ ОДНА ВЕРСИЯ СОБЫТИЙ

— Все-таки ты спятила! Это глупость и авантюра, вот сейчас развернемся и поедem обратно!

— Да, да, да, поедem обязательно! К глупости и авантюре, напрямиком!

— Дурочка ты!

— Сама дурочка!

Танька плакала. Делала вид, что у нее вдруг появилась аллергия на ромашки, а сама хлопала носом, как девчонка, у которой отбирали любимую куклу.

— Татьяна меня отвезет, — сказала я мужу неделей раньше. Он вспылел. Я обрадовалась, что наконец-то он стал самим собой, не этим озабоченным моим здоровьем манекеном, застывшим страдальцем.

— Оля, ты спятила? Я никуда тебя не отпущу! Мы не отпустим, правда, девочки?

Дочки смотрели на меня снисходительно, устало. Я их понимала. Это я, я, а не они должны заботиться о семье, готовить завтраки и сглаживать все острые углы. Я — мать, центр нашей квартиры, семьи и вселенной! Я еще больше возненавидела свою болезнь, когда увидела, как изменились мои девочки, мой муж. Все из-за нее!

— Поеду одна, — я сказала это так твердо и уверенно, как только смогла.

Мы все понимали, что из деревни я, скорее всего, не вернусь, просто привезут мою оболочку, сухую, жалкую, никому не нужную. Я ехала туда умирать. И моя семья это хорошо понимала.

— Таня, лучше уж так.

— Дура! А болеть начнет?

— Позвоню тебе, врачам, не в пустыню же еду.

Танька лишь покашляла выразительно. Домик, который я называла маминим, на самом деле был домом бабушки и деда. Я не очень хорошо их помнила, они умерли рано, а мы с мамой потом ездили в этот дом, как на дачу, и жили там все лето. Помню, мама договаривалась с кем-то из местных, чтобы дом зимой протапливали, чтобы он не развалился от холода и сырости, а мне все хотелось встретить там Новый год. Мне казалось, что в доме, который стоял на самом краю леса, могут исполниться самые заветные мечты, и Дед Мороз пришел бы туда в первую очередь, когда его мешок с подарками полон и можно выбрать любой. Хоть коньки, хоть немецкую куклу в таком красивом плаще и брючках, что словами не описать, хоть часики или даже велосипед. Мама всегда отказывалась, ей было страшно в полузаброшенной деревне, ее манили город и суета, а я чувствовала себя там своей. Там была моя родина и мое место. До этой мысли я тоже додумалась недавно. Вроде бы и банальщина, а мало кто, на самом деле, осознает про это самое место, где и дышишь по-другому, и чувствуешь себя свободным. Мне казалось, дом манил меня.

— Тебя манит призрак свободы. Что ты будешь есть и как мыться? А в туалет? На улицу? В кустики?

Я не узнавала подругу. Танька пилила меня весь долгий путь, не уставая, уговаривала вернуться, подождать, пока она управится с делами на кафедре и сможет поехать со мной.

— Нет, я сама.

— Как сама, глупая? Что ты будешь есть? Эти консервы? А кто их тебе откроет? Нет, я найду кого-нибудь ответственного, будет тебе помогать. Оставляю денег, если что...

— Тань, уймись. Просто довези меня, а там...

— Дурочка!

— Сама дурочка!

Танька все-таки разревелась громко, отчаянно.

— Люблю тебя, подруга!

— И я тебя! Не реви!

Сейчас словом «любовь» так разбрасываются, что оно теряет свою ценность, значимость. Как-то слишком легко и безответственно люди произносят: «Я люблю тебя». Это же так серьезно и на всю жизнь, как можно говорить это вскользь, не очень знакомым людям? Я попыталась вспомнить, сколько раз я говорила это «люблю». Не много. Жаль, маме совсем редко. Думала, она и сама это прекрасно знает, а надо было бы кричать о своей любви, писать записки и говорить, говорить каждый день! Косте говорила, детям много раз. И Таньке. Самой лучшей подруге. Другой такой не будет никогда.

— Здесь?

Танька с сомнением посмотрела на ветхий домишко. А у меня в груди снова загорелся огненный цветок, уже от счастья.

— Выгружай!

— Иди вперед, открывай, я вещи занесу.

— Нет!

— Оля, ты рехнулась? Совсем?

— Нет! Таня, пойми, мне самой надо!

Я чувствовала себя идиоткой, но очень уверенной. Я действительно считала, что никто не должен вводить меня в этот дом. Я все сделаю сама.

Танька все-таки обиделась. Молча выгрузила мои сумки, поставила их перед калиткой, посопела и, наконец, сказала:

— Только не обижайся, у меня для тебя подарок.

— Еще один браслет? Боюсь, он меня и подкосит, этот тяжело носить, — я пыталась шутить, но меня уже начало тошнить от усталости и какой-то безысходности. Я делала глупость, осознавала это, но упрямо шла вперед.

— Вот! — Танька вытащила из багажника ходунки. — Смотри, вот так ходишь, а тут есть скамеечка и карман для воды и конфет. Пойдешь в клуб вечером поплясать, парням глазки построить, можешь по дорожке присесть и отдохнуть, — Танька ревела не стесняясь, размазывала по ухоженной физиономии тушь и помаду.

— Татьяна! Еще немного и заголосишь по мне, как по покойнику, а я еще жива, заметь!

Я чувствовала, еще несколько минут и я упаду. Мне срочно надо было сесть или лечь.

— Езжай! Долгие провода — хуже не придумаешь.

— Телефон не забывай заряжать и каждый вечер поверка, помнишь?

— Как вас забудешь! Езжай! Хочу отдохнуть.

«Хочу сдохнуть», — подумалось мне.

Я помахала Танькиной машине и повалилась в пыль у калитки. Вспомнила, как однажды видела соседа, пьяного в дымину. Он лежал перед дверью квартиры, крепко сжимая ключи в руке. Увидел меня, взглядом попросил открыть, но когда я хотела помочь ему встать, он лишь помотал головой и, собрав все силы в глотке, сказал:

— Открой, я вползу.

Гениальная фраза! Могла бы, рассмеялась бы! Открой, я вползу! Почти заклинание! Мне бы кто открыл калитку! Жаркий день, все в прохладных домах отдыхают, надеяться не на кого. Я с трудом поднялась, открыла калитку и медленно побрела к дому.

Дверь была почему-то не заперта. Странно, кому понадобилось влезать в старый, полупустой дом? И почему именно в мой, вон сколько их заброшенных стоит! Было бы у меня сил побольше, я бы, как в кино, позвонила в полицию, а сама бы стала дожидаться помощи на безопасном расстоянии. Вдруг, там маньяк обосновался и только меня и ждет?

Так сделал бы здоровый, уверенный в будущем человек, а мне что было терять?

— Кто здесь? — самый идиотский вопрос, который только можно услышать в фильме ужасов. Герой отважно лезет в логово зверя, да еще и предупреждает о своем появлении вопросом. Интересно, что он думает услышать в ответ? «Это я, серийный убийца/насильник/маньяк только тебя и жду!» То ли смеяться от такой тупости, то ли плакать. А вот, оказывается, фильмы не врут и я также спрашиваю у неизвестности:

— Кто здесь?

Если честно, я не ожидала ответа, сразу подумала, что в дом влезли местные хулиганы и все в нем испоганили. Как-то враз мне стало понятно, что надо звонить Таньке и возвращаться домой, сил на уборку у меня точно не хватит.

— Здесь мы с Чижиком, — неожиданно услышала я негромкий мужской голос и завопила, попыталась убежать, запнулась об порог и упала. Все, как в кино.

— Не ушиблись? Сейчас, погодите, не вставайте, я вам помогу.

Ноги у маньяка были обуты в старые, но дорогие кроссовки, я подобные Сашке покупала. Над кроссовками были лямпае носки и волосатые ноги. Я перевернулась на спину и, не делая попытки встать, хорошенько рассмотрела незнакомца. Бородатый, волосатый, добрый. Это первое, что пришло мне на ум.

— Вы кто? — спросила я, когда он легко поднял меня. Я хотела гордо войти в свой дом, но у меня закружилась голова.

— Плохо? Вам полежать надо, — он успел подхватить меня и почти внес в дом.

Вот хам! Он распоряжался не только моим домом, но и мной! Злость снова придала мне сил.

— Не ваше дело, что мне надо! Что вы здесь делаете?

— Живу, — он не удивился моему строгому тону.

— Зачем в чужой дом влезли?

— Я не влезал, меня тетя Катя пустила пожить, — вот сейчас он слегка обиделся, покраснел и засопел.

— Тетя Катя? Она жива?

— А вы видите здесь пентаграмму?

— При чем здесь это?

— При том, что с призраками не общаюсь, демонов не вызываю и ключи мне дала живая тетя Катя.

Как я могла про нее забыть? Тетя Катя — лучшая подруга мамы, для которой я была почти дочерью. Почему я решила, что она умерла? Нет, глупости, я просто забыла про нее, не хотела вспоминать те времена, когда нам было так хорошо. Когда все были живы.

— Ох, как скверно, — застонала я. Мало того, что моя болячка почти рассорила нашу семью, так я еще и про живых забыла!

— Воды? Вам плохо?

— Плохо! — внезапно я разозлилась на этого нахала. Молод, чисто одет, длинные волосы собраны в хвост, бороденка, яркие глаза такого яркого бирюзового цвета, что я подумала, он носит цветные линзы и внимательный уж слишком!

— Плохо и поэтому я собираюсь тут умереть! — властно, как мне казалось, ответила я захватчику моего дома.

— А оно вам надо?

— Что?

— Умирать.

— Нет, но я больна.

— И что?

— И ничего! Где второй, который Чижик? Уходите оба.

— Ладно.

Если бы он стал просить или даже умолять, если бы он хоть слово поперек сказал, я бы немедленно его выставила, но он молча начал собирать вещи. Вот тут я и увидела, что дом такой чистый, отмытый до морозного хруста, не знаю, почему именно так мне подумалось, словно запах белья мне почудился. Свежесть, холод и мороз — самый приятный зимний аромат.

— Второй где?

— На печке, мышей сторожит.

Наверное, я действительно слегка спятила, потому что тот час же представила картину: такой же патлатый, бородатый детина скрючился на полатях и увлеченно следит за мышами.

— Чижик — кот, — пояснил патлатый и позвал: — Кис-кис-кис!

Кот для меня и пароль, и индульгенция. У кого есть кот, тому сразу мое благословение и чашка кофе. Жалко, мне запретили котенка брать. Инфекция, так сказали.

— Почему Чижик? — я решила потянуть время. Чем-то мне этот бродяга понравился. И дом вымыл. Или это тетя Катя постаралась? Ох, как сердце сразу заболело, забилося, я любила ее так сильно, почти как маму. И забыла! Как могло такое произойти?

— Не знаю, увидел его и сразу понял, что он именно Чижик, — ответил незнакомец и еще раз позвал кота.

Тот появился не сразу, не родился еще тот кот, который по первому зову прибежит к хозяину, достоинство и спесь — вот признаки порядочного

кота. Чижик легко и грациозно спрыгнул с печки и вопросительно посмотрел на меня.

— У меня консервы есть, вкусные, — правильно поняла я его взгляд и, немного смущаясь, попросила бородача: — У калитки мои вещи, вы не могли бы принести?

Парень кивнул, а я села на пол, мне хотелось погладить кота, но сил взять его на руки не было. Чижик оказался из породы котов ласковых и компанийских. Не успела я коснуться его головы, как он замурлыкал так оглушительно громко, что у меня даже в ушах зазвенело.

— Ты, как холодильник «Орск», у бабушки такой стоял, ух, гремел, как трактор! Тебя надо было Орском и называть, — сказала я коту, а он залез мне на колени и начал тереться мордой о мой подбородок, а потом, расчувствовавшись, лизнул мою щеку и куснул за нос.

— Это ваш кот?

Идиотский вопрос, конечно! Бородач принес мои вещи, и мне вдруг немедленно захотелось этого кота оставить себе, выкупить, вымолить, выплакать.

— Я подобрал его на автовокзале. Наверное, можно сказать, что мой, — улыбнулся бородач и внимательно посмотрел на меня. — Мы пойдем.

— Куда? — я вдруг поняла, бородач совсем молод, мальчишка и мне стало его жалко. Вечная бабская жалость и желание защитить любого ребенка.

— Еще не знаю. Лето, тепло, у меня палатка есть.

— А дальше?

— Дальше будет осень. Разве вы не в курсе?

Еще и иронизирует, таракан бородачий!

— В курсе, что будет холодно и мокро, тогда куда?

— К бабе Оле попрошусь, у нее дом большой.

— Какая еще баба Оля? А жить на что?

— Слушайте, вам что надо?

Я растерялась. Действительно, что за допрос!

— Извините. Откройте, пожалуйста, консервы, вон там, в пакете баночки. Одну дайте коту.

— А вам?

— Я не хочу. Почему вы здесь оказались? Кто вы? — в голове был беспорядок, мысли скакали, как блохи на Чижике, радостно и весело. Я выгоняла, а потом пыталась проявить заботу о человеке, которого абсолютно не знаю.

— Как вас зовут, кстати?

— Володя, а вас?

— Олюшка! — тетя Катя вошла неслышно, она всегда была тихой, мама смеялась, говорила, что в ней погиб легендарный разведчик. — Олюшка! Ты? Откуда? Что с тобой?

Она бухнулась передо мной на колени, словно прося прощения, осторожно взяла меня за руки и вгляделась в меня.

— Что с тобой? — повторила она.

— Ничего особенного. Просто я умираю, — ответила я. Действительно, что тут было непонятного?

3. ЕЩЕ ОДНА ВЕРСИЯ СОБЫТИЙ

— Дурочка, как муж на твою авантюру согласился?

— А он и не соглашался, я настояла, подруга Танька вмешалась, орала громко, мы его и переспорили.

— Но зачем, Олюшка? У вас там и больницы, и врачи, а плохо тебе станет?

— У меня таблетки есть, вон, целая коробка. А если настолько плохо станет, что и они не помогут, значит, пора в путь-дорогу собираться. Мама уж заждалась.

— Не смей такое говорить! Материнская любовь вечна и тебя здесь подерживает! — тетя Катя разозлилась. Я не хотела с ней спорить. Вечер получился хороший, добрый, его бы продлить и остановить. Володя притащил от тети Кати удобное кресло, устроил его пледами и одеялами, и мне так удобно в нем было, словно я вспомнила себя в младенчестве, когда меня обкладывали большими подушками, чтобы не упала. Глупости, такое никто не помнит, но я себя почему-то чувствовала именно карапузом — счастливым и довольным. Хоть бы слюну не пустить и лужу не сделать от таких ощущений! Слабость меня не отпускала, но мне было так спокойно и хорошо вот, если бы еще тетя Катя не суетилась.

— Оля, у нас такая лекарка есть! На ноги тебя мигом поставит! Только подход к ней найти надо!

— Деньги? Много просит?

— Как же вы там в своем городе душой зачерствели! Деньги! Будто бы от них зависит абсолютно все!

— Почти все! Лекарства, врачи — все очень дорого.

— Просит! — тетя Катя словно меня не слушала. — Ты только ей не скажи это слово, выгонит тот же момент! Она гордая, властная, а если уж разозлится... ух, побежишь, не оглядываясь!

Тетя Катя словно сказку рассказывала, я даже заслушалась, а потом посмотрела на Володю. Он кусал губы, сдерживая смех, не выдержал, выскочил из-за стола и побежал в огород.

— Ольга, ты его попроси, пусть он тебя сведет!

— Что?

— Что слышала! Володька-то этот какую-то силу над старухой имеет! Все к ней в гости бегают! Как бы сам не колдуном оказался!

— Тетя Катя, вы сказок читались, ужастиков насмотрелись! Какой колдун? Мальчишка! Откуда он тут вообще появился?

— Пришел с месяц назад. Уставший, голодный, меня встретил на улице, спросил можно ли где пожить. Сказал, денег у него нет, а вот пособить он всегда сможет.

— Как же он живет? Что ест?

— Рыбу ловит, грибы собирает, помогает всем, кто ни попросит, кормим его. Только ведь у нас и самих с деньгами не очень, — она смутилась.

— Но за стол пригласить всегда, это святое, сама знаешь! Картошка есть, молоко, яйца есть, а что еще надо? Знаешь, он ведь все к нашей лекарке-травнице ходит или уже говорила об этом? Забор ей отремонтировал,

из магазина сумки таскает! Она ведь денежная у нас. Ох, Ольга, точно говорю тебе, ведьма она! Знает какой приворот для золота, серебра и бумажной наличности! Верно тебе говорю! Проси Володю, пусть тебя отведет! Вот те крест, поставит тебя Константиновна на ноги!

— Вы почему его в мой дом пустили? — я решила сменить тему, надоело мне про всякую чертовщину слушать.

— Так, Олюшка, я как лучше хотела! Дому тепло человеческое нужно, а тут все сыпаться начало! Я и разрешила пожить в обмен на уборку и ремонт. И кот с ним пришел! Как такому отказать! Животное, оно чует хороших людей, с плохим вот так кот не прибежит. Смотри, какой славный.

Тут с тетей Катей было не поспорить. Чижик был чудесным: серый, пушистый, важный, ласковый. Устроился у меня на коленях, развалился баринном, тут и не встанешь, нельзя такого хорошего кота тревожить.

— Если боишься, я Володю к себе пушу жить, не стеснит.

— Я, тетя Катя, уже ничего не боюсь, устала только. Скорее бы... — договорить мне не дали. Володя вернулся и тетя Катя засуетилась.

— Оля, пойдем ко мне, если что... — она тоже не смогла договорить, не захотела, я все понимаю, тяжело с умирающей, чувство вины давит, будто бы здоровые в ответе за утекающую жизнь.

— Нет, я тут останусь.

Володя молча взял рюкзак, я не стала его удерживать, была уверена, тетя Катя приютит этого странного бородача, но он неожиданно сказал:

— Я во дворе переночую, понадобится что, позовете. Чижик, ты идешь?

Кот отказался, и это меня не удивило. Он свалился с моих коленей, сонный добрался до кровати и уже спал на моей подушке (тетя Катя перестелила кровать, и на меня снова пахло запахом детства, ароматом солнечного белья, как мама, смеясь, называла простыни, высушенные на солнце, впитавшие в себя его мощь и силу, она укрывала меня легкой простынкой и говорила, что теперь я никогда даже не кашляну, буду сильная и проживу долго-долго, мама ошиблась) и ему было так хорошо, я видела это, что Володе стало жаль его будить, и Чижик остался ночевать со мной.

Я плохо спала. Звуки, запахи — все было чужое. Я задремывала и просыпалась от шуршания мышей, Чижик тихонько похрапывал и это было так забавно, что я смеялась и не могла заснуть, гладила кота, он мурлыкал и убаюкивал меня, я снова впадала в некий блеклый туман, в котором видела Костю, девочек, себя, маму и Бабу Ягу, такую сказочную, из детской книжки. «Это к добру», — почему-то подумала я и все-таки уснула крепко, без сновидений.

Разбудил меня Чижик. Накануне я аккуратно разложила свои таблетки на листе бумаги (то ли я забыла положить коробочку для таблеток, то ли специально ее оставила дома, я уже и не могла вспомнить), поэтому я аккуратно написала на листе «утро, день, вечер», до, после или во время еды и аккуратно разложила с десяток таблеток. Кот залез на стол и раскидал и таблетки, и печенье из вазочки, и конфеты. Все валялось на полу, а Чижик увлеченно гонял лапой мои лекарства и сладости.

— Вот паразит! — я не сильно расстроилась, скорее меня это позабавило, я подумала, это — знак, мол, нечего тебе, Оля, барахтаться и пытаться что-то делать, иди уже ко дну, всех измучила, себя в первую очередь. — Как мне теперь с этим справиться?

Я села на пол и начала собирать все в вазочку, все равно выбрасывать, с пола есть нельзя.

— Что делаете? Вам воды нагреть?

Володя. А я о нем и забыла!

— Чижик таблетки разбросал, конфетами игрался, шкода! Куда здесь мусор выбрасывать?

— Зачем в мусор? — удивился Володя, взял из вазочки раскрошенное печенье и съел. — Давайте таблетки по форме и цвету распределим, зачем добру пропадать.

В его голосе послышались какие-то старческие, голодные нотки.

— Это же с пола! Тут микробы!

— Подумаешь! Вы же умирать собрались, вам какое до них дело?

У меня хватило сил немного обидеться.

— Умереть на унитазе только потому, что съел что-то с пола? Не хочу!

— На унитазе точно не умрете, — серьезно ответил Володя и взял еще одно печенье.

— Почему? — встала я на защиту микробов и смерти от возможной диареи.

— Здесь унитазов нет, не переживайте.

Он был слишком серьезен и, немного подумав, я поняла: он так шутит.

— Издеваетесь? А я не могу запомнить, когда и какую таблетку надо съесть, а потом хоть убей не могу вспомнить, приняла я лекарство или нет, — я так расстроилась, словно моя забывчивость стала и для меня самой откровением.

— Вы кто по профессии?

— Какая разница? — я обиделась. Я ему о серьезном, а он разговоры в сторону уводит.

— Есть разница. Так кто же?

— Архитектор.

— Мммм, а давайте представим, что ваши коробочки с лекарствами — дома, а в них живут люди. Нет, лучше пусть они будут магазинами! Все женщины любят покупки, так ведь? Есть у вас схема приема препаратов? Дайте сюда!

Он взял лист моих назначений, по-хозяйски подвинул к себе сумочку с лекарствами и начал расставлять их на столе.

— Вот смотрите, милая сине-белая коробочка, первая по списку, принимать до завтрака. Что бы это мог быть за магазин? Тот, в который вы могли бы сбежать рано утром?

— Молочные продукты? Я когда-то любила творог к завтраку.

— Прекрасно! Значит, каждое утро вы первым делом идете за творогом. А там заодно принимаете волшебную пилюлю. До завтрака, а во время еды вы... — он сверился со списком, — вот эта желтая коробочка. Что тут может храниться?

— Кусочек лета? — спросила я. Игра начинала меня увлекать.

— Хорошо сказано! Жадно! Съесть целое лето! Кусочек оставьте, будьте добры!

— Лето, лето.. Там булочная, и я бы купила булочку с заварным кремом, обсыпанную сахарной пудрой!

Внезапно мне так сильно захотелось есть, что в животе заурчало. Володя услышал и улыбнулся.

— Придумывайте дальше, а я за водой. Будем чаевничать.

Откуда от взял это слово? Из какого романа? Никто сейчас так не говорит, странный он все-таки. А мне вдруг захотелось сладкого чая со сливками. И творога. Обязательно домашнего. С сахаром и сметаной.

Я придумала целую торговую улицу, представила, как я медленно иду по ней, захожу в магазины, неспешно выбираю, пробую, прицениваюсь и принимаю, шупаю, торгуюсь и покупаю, то есть принимаю таблетки и капли.

— Оказывается, это не так невозможно запомнить! — сказала я Чижик и убрала все лекарства в буфет, я уже поняла, кот очень равнодушен ко всему, с чем можно поиграть.

Так я и начала свое последнее лето, так я тогда думала. Болезнь не желала отпускать меня, я была слаба, апатична, и только Чижик иногда мог вывести меня из густого супа равнодушия к самой себе, в который я угодила по воле судьбы. Костик, девочки и Танька звонили каждый день. Я послушно отчитывалась о том, что я ела, сколько минут гуляла и не начались ли у меня нестерпимые боли. Я с недоумением вдруг поняла, что разговаривать нам особо не о чем. Все крутилось вокруг болезни и моего самочувствия, а мне не хотелось это мусолить. Они же боялись задеть меня своими новостями, проблемами и радостями. Мы все так же находились по разные стороны высокой стены, которую я не могла ни обойти, ни разбить. Я рассказала им о тете Кате и о Володе и они, вроде бы, перестали бояться, что я умру с голоду.

Вот уж он точно мне не грозил! Молоко, творог, яйца, блины и жареные грибы, рыба, запеченная в золе, чем только меня не кормили. А мой аппетит вел себя, как та вздорная тетка: то внезапно, ночью, появлялся, и я как лунатик брела к холодильнику, чтобы съесть хоть что-нибудь, то так же неожиданно пропадал и я могла за весь день съесть лишь кусочек хлеба и немного сыра. В такие дни они оба — тетя Катя и Володя — меня сильно ругали, говоря, что есть надо, чтобы силы появились.

В один из моих «голодных» дней, когда мой аппетит-тетка собрал(а) вещи и умотал(а) куда-то к черту на кулички, Володя, по настоянию тети Кати, повел меня к той самой травнице-ведьме.

Эта Ольга Константиновна оказалась противной бабкой. Я почему-то думала, что несмотря на слухи и сплетни, меня встретит милая бабушка, сразу поймет в чем дело и даст мне какую-нибудь настойку из мухоморов, собранных в полнолуние левой рукой. Я враз поправлюсь и помолодею. Все, как в сказке. Забавно, я не верила в свое выздоровление, но, как оказалось, очень глубоко и далеко, там, в душе, где хранятся воспоминания о первом поцелуе и первых прикосновениях, там, где до сих пор гарцует на белом коне принц, а к его седлу приторочены седельные

сумки с бальным платьем и прекрасными туфельками в подарок, там, где хранятся первые улыбки моих девочек и первое «люблю» Костика, именно там ласковой кошкой свернулась в комочек надежда на то, что все будет хорошо.

— И чего ты ее привел? — так приветствовала нас травница. Обыкновенная деревенская бабка. Так я сначала подумала. Одета она была многослобно, по-старушечьи, когда мерзнут древние косточки и пергаментная кожа, когда жир высох от времени и ничто уже не греет, кроме напряженного вороха одежды: футболка, халат, жилетка, фартук, платок, все чистое и опрятное.

— Вы хотя бы посмотрите ее, что так сразу! — Володя расстроился, а я вдруг поняла: лучше уж мне умереть поскорее. Никто и ничто мне уже не поможет, даже деревенская шарлатанка не хочет дать мне искру надежды. Господи! Во что превратилась моя жизнь? Сплошные штампы и банальщина! Травница-шарлатанка, искра надежды! И уход такой предсказуемый и грязный.

— Пойдем, — я потянула Володю за руку.

— Обиделась, — с непонятным удовольствием сказала бабка, — ну-ка дай на тебя гляну.

Она покрутила меня, словно курицу на лапшу выбирала. Заглянула в глаза, посмотрела зачем-то на ладони и запястья, провела пальцами по рукам и попросила показать пятки.

«Началось представление! Сейчас скажет, что на мне порча и сглаз, что надо воском выливать, заговоры шептать и прочую ахинею!» — поняла я и еще больше расстроилась. А чего я ждала?

— Браслетик у тебя какой интересный! Ах, люблю диковины, — сказала бабка совсем, как Танька, а мне вдруг стало противно, что она ко мне прикасается, я отдернула руку.

— Что ж, девонька, есть у меня одно условие. Выполнишь, возьмусь за тебя, нет, так вон дверь и дорога за ней.

Я хотела уйти, но Володя остановил меня.

— Мы уже пришли, нам ведь как идти тяжело было, надо попробовать. Какое условие, Ольга Константиновна?

— Я тебя, что ли, спрашивала, старовер?

Старая карга рассердилась, я поняла, почему ее боялись и недолюбливали. Поваяло от нее угрозой, непонятной, жуткой. Володя мягко взял меня за руку и я послушно, все равно ведь не отстанут, спросила:

— Какое условие, Ольга Константиновна?

— В карты со мной сыграешь.

— Что? — этого я уж точно не ждала.

— В подкидного. Согласна?

Я не знала, что делать. Сумасшедшая бабка смотрела на меня пристально, изучающе.

— Хорошо, — я пожала плечами. — На что играть будем?

— Проиграешь, браслет мне отдашь, выиграешь, помогу тебе.

— Нет! — я схватилась за браслет. Танькин подарок, я не снимала его, он связывал меня с моим прошлым, с моей настоящей жизнью.

— Как хочешь, иди отсюда!

Хамка! Шарлатанка! Старая сволочь! Я хотела уйти, но что-то во мне воспротивилось, я поняла: это моя последняя битва и я вполне могу ее выиграть. Глупая битва, но моя.

— Хорошо. Я согласна.

Бабка довольно оскалилась, села за стол, застеленный белой скатертью (я глазам своим не поверила, именно скатерть — льняная, дорогая, не клеенка), указала мне на стул, мол, садись и вытащила из кармана фартука новую колоду.

— Давно не брала я в руки картишек, так, что ли?

— Знаем мы вас, как вы плохо играете! — дерзко ответила ей я, а она расхохоталась:

— Смотри-ка, какая образованная! Не боишься, что на твою, пока еще живую, душу сыграем?

— На браслет. Мы уже договорились, — ответила я, не принимая ее шутливый тон, сняла браслет и положила его на белоснежную скатерть. Жест получился красивый, как в кино. И так же, как и в плохом триллере, я была уверена в своей победе.

Продолжение следует

Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)

ПЕРСИДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ИРАН 15—19 вв.

Рассматривая новый этап развития персидской литературы, надо помнить, что идейно-тематическое содержание в творчестве поэтов прошлых эпох, почти у всех одинаково — идея справедливого царя (от Рудаки до Джами); тема социальных конфликтов (Фирдоуси, Хафиз; социальная утопия Фирдоуси, Ибн Сина, Фахрад, Низами, Джами); сохранилось тема о героической личности, борьба света с тьмой, добра со злом (Низами, Хафиз, Джами), тема похвалы разума (Рудаки, Фирдоуси); тема любви, «власти сердца» (Хафиз, Низами, Джами); сатирическая тема — борьба с ложью и злом (Ибн Ямин, Хафиз); тема роли поэта-пророка (Низами). Все это говорит нам о том, что в произведениях будущих эпох мы встретимся с такой же тематикой в несколько ином изображении.

В литературе 15 века особый интерес представляет творчество Нуриддина Абдуррахмана Джами (1414-1492); жил в Герате, учился в медресе; всю жизнь был тесно связан с суфийским братством накшбандийе, где стал суфийским шейхом; всегда жил как дервиш. Историкам известны около ста его произведений; основные труды Джами — «Дуновения тесной дружбы из чертогов святости» (посвящен житиям пятисот суфийских деятелей, некоторые из них были поэтами); сборник «Бахаристан» («Весенний сад») — назидательных новелл; поэмы «Семерицы» («Златая цепь», «Саламан и Абсал», «Подарки благородным», «Четки праведников», «Юсуф и Зулейха», «Лейли и Меджнун», «Книга мудрости Искандара»). Все эти поэмы имеют налет философии, мистики, дидактики. Джами принадлежат три дивана стихов (преимущественно газели). Многие его труды посвящены — богословию, поэтике, риторике.

Отрывок из поэмы «Книга мудрости Искандара»:

«...То город был особенных людей.
Там не было ни шаха, ни князей,
Ни богачей, ни бедных. Все равны,
Как братья, были люди той страны.
Был труд их легок, но всего у них
В достатке было от плодов земных.
Их нравы были чисты. И страна
Не ведала, что в мире есть война...»

Литература 15 века богата любовными и авантюрными произведениями — анонимный роман «Семь приключений Хатема»: герой книги бедуйнский поэт 5 века Хатем прославился сказочным гостеприимством, радушием и благожелательностью; он отзывчив к чужому страданию — помогает правителю Хорезма, влюбленному по портрету в прекрасную девушку, добиться

ее благосклонности, отгадав семь загадок; семь историй, из которых состоит роман, образуют череду действий героя.

«Семь приключений Хатема» (Аноним)

«.. — Дорогие вы мои! Сердце повелевает мне выйти из повиновения шаху нашему и померяться с ним силой. Если небо изъявит ко мне благосклонность, воссяду я на йеменский престол и употреблю шахскую власть на то, чтобы держава моя стала процветающей и могущественной, подданные мои благоденствовали в счастье и согласии, волк и овца, лев и лиса утоляли бы жажду из одного источника. И буду я тогда славен в Йемене и за его пределами справедливостью своей и мудростью. Что вы мне на это ответите?»

Иранские литературоведы считают, что после смерти Джами заканчивается период расцвета персидской литературы — наступает три века молчания. В литературе Ирана, конечно, были и поэты, и прозаики, предлагавшие свои творения читателям, но все они уступали мощным литературным гениям прошлого. Причиной можно назвать частые войны, нестабильность власти; ряд талантливых писателей эмигрировали в Индию (Вахши, Хатефи, Хандемир). Ряд иранских писателей основное творчество посвятили восхвалению новых правителей (Лисани Маджлиси). Было узаконено литературное двуязычие — на персидском и тюркском языках (поэт Шах Исмаил Хатаи).

Шах Исмаил Хатаи (1487-1524) — ирано-азербайджанский поэт и государственный деятель. Отец — султан, стоял во главе суфийского движения. Хатаи с 1502 был шахом, стал основоположником движения Сефевидов. Он создал огромное государство (столица Тебриз). В годы его правления большое внимание уделялось развитию литературы. При дворе были созданы «Собрания» поэтов, художников, каллиграфов, писцов. Сам Хатаи писал стихи с юного возраста; в его творческом наследии заметно влияние тюркоязычной поэзии; язык газелей его прозрачен и ясен, его любовной лирике присущи жизнеутверждающие мотивы. Историки отмечают его месневи «Десять писем» (эпическая поэзия), а следующее произведение — «Книга наставлений» имеет дидактическое направление. Его творчество хорошо известно на Ближнем Востоке.

К этому времени следует отнести восприятие фольклора как особого вида словесного творчества. Часто стали в литературе встречаться прозаические обработки сказочных, народных литературных сюжетов. Для читателей того времени большой интерес представляла книга «Занимательные рассказы о разных людях» (поэт Али Сафи), она состояла из коротких анекдотов (герои — исторические лица или неизвестные люди). Персонажи — цари, вельможи, мудрецы, поэты, мужья, жены, скупцы, обжоры, умные рабы — все попадали в какие-нибудь жизненные истории.

Али Сафи «Избранные рассказы о разных людях»:

«..Некий отшельник пришёл в одно дружеское собрание и спросил:

— Как вы думаете, ушёл ли довольным от нас святой месяц поста рамазан?

— Конечно, ушёл довольным, — ответил ему один шутник.

— Почему ты так думаешь? — спросил отшельник.

— Потерпи год, и ты увидишь, что я прав, — ответил шутник. — Ведь через год он обязательно придёт снова. А уйди он недовольным, пришёл бы он ещё?!»

Литературу 16-19 веков ученые считают послеклассической. Персидская литература этого периода не очень хорошо изучена литературоведами. В 16 веке заметно языковое разделение у тюркоязычных народов — азербайджанцы, узбеки, турки и др., ранее писавшие на фарси, создали свой литературный язык. Как отмечают критики, литература на фарси изменилась — она теряла свою общественную значимость, гуманистическое начало, жанровый диапазон был ограничен (интимная лирика и восхваление царского двора). Критики, как я отмечал, заметили и появление новых явлений в литературе — демократизация языка и стиля (распространение книжного дастана — литературная обработка сюжетов народно-поэтического творчества, в основном они были анонимные).

В 17 веке Иран политически окреп. Наибольшего подъема государство Сефевидов достигло при шахе Аббасе I (1571-1629). При нем и его последователях большое развитие получила миниатюра (книжная и на отдельных листах). Но в тяжелом положении оказалась философская мысль — шиизм превратился в схематическую догму и пресекал всякую попытку не религиозного миропонимания. Противостоять засилью официальной литературы шиитского богословия было опасно (трагическая судьба Садры Ширази, который за книгу «О четырех путешествиях разума» подвергался жестоким нападениям). Но не вся иранская литература подвергается нападениям — придворные поэты пользовались большим почетом — их ведущие творческие жанры были панегирик и любовная лирика. Их поэзия была слабым подражанием прошлых классиков. Свое мастерство эти поэты больше направляли на техническое усложнение стиха, забывая про яркие образы и глубину мысли. Ученые отмечают, что многие поэты увлекались сочинением мухамасов-пятистрочников, где надо было к каждому двустишию другого поэта добавить три строки в полном соответствии с заимствованными стихами. В этом видели техническое мастерство автора пятистрочника. Историки отмечают, что значительное место занимают произведения на суфийские темы и мотивы; эта литература отчасти смыкалась с шиитской (Бахааддин Амили). У поэтов при дворе шаха была распространена марсия (траурная элегия). Эти произведения описывали трагическую гибель Хусейна и других имамов. В это время происходит появление «индийского стиля», который сложился в результате творческого общения персоязычных поэтов Индии и выходцев из Средней Азии и Ирана. Этот новый литературный стиль был направлен на подрыв основ религиозной идеологии мистической философии суфизма, отрицания иллюзорности и бренности живого мира (новых поэтов больше интересуют проблемы натурфилософии). Свои мысли писатели излагали в сложных выражениях (Саиб Табризи). Саиб Табризи считается лирическим поэтом; его лирика составляет семь диванов. Литературоведы особенно ценят его газели, которые имеют философское содержание.

Одно из двустиший поэта:

«Хлыст для движения песчинки — ее собственное волнение.

К чему двигатель, выпустивший из рук поводья?»

Действительность мало радует Саиба, в его стихах она выглядит мрачной и жуткой:

«Под этим небом не знает радости ни одно сердце,
В этом саду не распускается ни один цветок».

Есть у Саиба и стихи против религиозных устоев:

«Не обманывайся, Саиб, ученостью аскета из-за его чалмы,
Ведь звук гулко отдается под сводом потому, что тот пуст».

Интересен своим творчеством и Назим Харави (17 век), который вышел из ремесленных кругов (в юности был кузнецом). Основной жанр его творчества, считают ученые, — любовная лирика с философско-дидактическим уклоном. В творчестве поэта мы видим, что он пытается найти новые понятия о мире (влияние Бабарахима Машраба — узбекского поэта).

Отрывки из произведений Назима Харави:

«Твой дворец, о Назим, не имел опоры,
Разбилась дверь неверия и веры...
Я становлюсь учеником искусного безумца».

В своих газелях поэт защищает обездоленных людей:

«Тираны областей натянули луки угнетения...»
«Нужно защитить угнетенных бедами людей...»

Лирика Назима привлекает простотой стиля и языка. Поэзия его насыщена глубокими мыслями:

«Не избирай, Назим, другого пути, кроме пути ярких мыслей.
Учись этому у своего острого пера».

О 18 столетии говорить очень трудно — в результате непрерывных войн Иран переживал глубокий экономический и политический кризис, литературная жизнь была еле заметна... Но это время можно назвать началом рождения литературы Нового времени. Крупный город — Исфахан (резиденция последних Сефевидов) является средоточием поэтов. Большинство поэтов повторяли любовно-мистические мотивы прошлого, писали устаревшие панегирики представителям власти, представляли гимны в честь пророка и шиитских имамов. Историки отмечают необычайную искусственность поэзии Ирана этого времени, преувеличенное внимание к внешней стороне стиха. В то же время отмечается интерес к городской литературе, которая базировалась на устном творчестве — распространяются народные романы (дастаны) исторического или авантюрного содержания, сборники фантастических повестей и сказок, народные версии любовных сюжетов. Популярные герои героических произведений у слушателей всегда воспринимались олицетворением сил добра неизменно побеждающих силы зла («Сказание об Амуре Хамзе», «Сказание об Абу Муслиме»). В 18 веке сложился персидский мистериальный театр; герои произведений — жизнь мучеников за веру Хусейна и Хасана и другие подобные сюжеты.

Частые репрессии шахских режимов (Надир-шах) заставляют передовых писателей обращаться к жизни европейских стран — Али Хазин восхищается техническими достижениями Запада и хочет приблизить политическое развитие страны в сторону ее совершенства. Появление новых произведений в это время — жанровые элементы мемуаров, путевых заметок, говорит о некотором влиянии западно-европейской культуры и зарождении в Персии литературы Нового времени. В произведениях ряда поэтов отражены дискуссии и споры между старой поэтической школой и новыми веяниями

в творчестве. Сторонники реформ стремились приблизить литературу Ирана к жизни современного общества, хотя они и не отвергали творчество мастеров старой школы.

Хатеф Исфакхани (18 в.), его литературное наследие составляет лирический диван, в котором главное место занимают газели. Он намеренно следует Саади и Хафизу, стараясь передать искренность звучания, естественность выражения чувств.

«Прекрасно мгновенье, когда мы вдвоем среди роз и тюльпанов, —
Я и ты, а рядом вино и кубки в руках.
На тополя и кусты жасмина дождь разбросал влажные жемчужины,
В страсти к тебе перед розами и кипарисами
Соловей рассыпает трели, и на лугу воркуют голуби.
Выйди на луг! Ведь это в твою честь
Роза поднимает чашу, нарцисс — кубок, тюльпан — пиалу.
Праздник! И что случится, если в праздник
Твои живительные уста подарят мне один поцелуй!?»

Не только радостные моменты жизни описывает поэт, но и горькие размышления о настоящем и будущем есть в строках его стихов:

«Увы! Еще не расцвели розы в цветнике,
Как подул ветер и разрушил мое гнездо».

Некоторые газели поэта показывают тщетное стремление к божеству (суфийские наклонности):

«Разве я обрету желаемое на пути любви к тебе?
Ведь что — я? И как бесконечен тот путь!»

Свои переживания поэт выплескивал в стихи, как бы освобождая свою душу от гнетущей его боли.

«Не спрашивай, о роза,
Почему я покинул цветник твоего квартала».

Литературоведы определяют газели Хатефа как попытки приблизиться к серьезной гражданской лирике. Поэта можно назвать открывателем лирико-эпистолярного жанра в иранской литературе — стихотворные послания друзьям (поэтам Сабахи и Азеру). Эти письма выполнены в форме касыды и по содержанию имеют философский характер.

Поэт прекрасно знал историю и литературу прошлого — все это он сумел показать в немногочисленных панегириках. Восхваление дворцовых служителей у него проходит с личной темой, в которой отражаются подлинные мысли и чувства поэта (призыв покончить с разрушениями и смутами в государстве; правление Керим-хана Зенда, «который своей справедливостью преобразил время и украсил мир»).

В начале 19 века при дворе шаха было много поэтов, которые прославляли свое имя касыдами-одами в честь вельмож. Историки называют имя Саба, который удостоился звания Царя поэтов и множества материальных даров (написал оду на восшествие шаха на престол). Им написано около двухсот касыд, множество газелей, маснави, рубаи и кыта. Особый интерес для ученых представляла его эпическая поэма «Шакх-наме» («Поэма о шахиншахе»); он написал ее в подражание «Шах-наме» Фирдоуси. В этом произведении Саба превозносит полководческий талант Фатхали-шаха. В стихах

Сабы встречаются философские моменты — борьба добра со злом, несправедливости в окружающей жизни.

«Если ты умен, но у тебя нет золота,
Все будут тебя гнать прочь».

Ученые отмечают, что язык поэта часто сложен, но мысли выражает ясно.

Сеид Абдолваххат Нешат Исфохани, вокруг этого талантливого стихотворца в Исфохане стихийно возникло «Литературное общество». Вскоре он был приглашен шахом ко двору в Тегеран. Нешат в своем творчестве подражал Саади и Хафизу; Саади — ориентировался на рассказы с орнаментальной прозой. Историки отмечают еще многих талантливых писателей — Сеид Хосейн Табатабаи Меджмар Ардестан Исфохани, Мирза Мухаммад Шафи Висаль Ширази и др. Все эти поэты в своем творчестве ориентировались и на классическую литературу Ирана, и на западную культуру. 19 век — это время расширения связей иранцев с Россией, Англией, Францией и Турцией. С 1825 года в Иране (Тегеран) стали печататься книги: религиозная литература, исторические, газеты на персидском языке, философские и политические книги и др. С середины 19 века в стране были проведены некоторые культурные преобразования — появились политехнические школы, иранцы могли получить образование в Европе, читателям предлагались переводы книг с других языков и др. В Иране появились первые свои писатели (поэт и писатель Мирза Абулькасем Каем-Макам Фарахани — создал новый прозаический стиль и прекрасно составленные письма). В 19 веке появились в печатном виде острые сатирические произведения, направленные против власти имущих. В иранской поэзии тоже произошли изменения — поэты стали писать более простым стилем, ориентируясь на средневековое творчество (хорасанский или туркестанский стиль). Историки указывают на произведения иранского поэта Хабиболлы Каани; известны его касыды и произведение сатирического характера «Книга смятенного», где проза и поэзия составляют единое полотно. Автор этой книги делает попытку обратить внимание властителей на тяжелую жизнь народа. Другой иранский поэт — Абулхасан Ягма Джандаги более смело продолжил сатирическое направление в новой литературе Ирана. Его поэма «Начальственная» смело высмеивала высокое начальственное лицо за самодурство. Другая поэма — «Экстракт позора» сатирически описывала жизнь шахской семьи. Писатель в 1866 году издал диван, состоящий из двухсот писем, газелей, рубаи, маснави и поэм.

Персидская литература 19 века имела два направления: панегирическое (аристократическое) и просветительское (оппозиционное). Поэт-просветитель Мирза Садек-хан Адиб оль-Мамалек Фарахани в 1896 году сумел выпустить газету в Тебризе «Писатель», что давало ему возможность «открывать людям глаза на жизнь». Изданный им в Иране диван показывает, что он не отступил от традиционных поэтических канонов и его стихи наполнены большим социальным смыслом.

Персидский поэт второй половины 19 века — Абу-Наср Фатхоллы-хан Шейбани более смело критикует шахские порядки. Он писал в классическом стиле.

«Возлюбленная в смятении, и локон друга в смятении,
Страна в смятении, сам шах в смятении...

Сад в смятении, кипарис и сосна в смятении,
Государство в смятении, трон и корона в смятении...»

Историки указывают нам имена и других поэтов, которые выступали против отсталости страны, произвола и насилия шахской верхушки — Мирза Фатали Ахундов (пьесы «Обманутые звезды», «Рассказ о Юсиф-хане»); Мирза Ага-хан Кермани («Три письма», «Сто обращений» и др.); Сеид Джамамал эд-Дин, Насролла Бехешти Малек оль-Мотакалемин и др., два писателя создали книжку «Правдивый сон», в которой сообщается, что уснувшему человеку представилась долина Страшного суда, в которой ему встретились почтенные люди города Исфагана, каждый из них отвечал за свои земные грехи; Анонимный автор — книга «Беседа иранского путешественника с индийцем», произведение написано в конце 19 века, в книге решаются социальные и светские вопросы.

Историки отмечают и самый популярный конца 19 века дастан (повесть со сложным сюжетом, восходящим к истокам народного творчества, героического эпоса) — «АМИР АРСЛАН». Авторство — неизвестно, дочь шаха со слов рассказчика записала этот текст. Сюжет — обычный для сказаний: герой воспитан в чужой семье, обладает большой силой, побеждает многочисленных чудовищ, влюбляется в знатную красавицу и т.д. Авантюрно-приключенческая фабула с острыми ситуациями, волшебные чудеса привлекали читателей и слушателей.

Другой писатель 19 века — Зайн Ал-Абидин Марагаи в романе «Дневник путешествия Ибрахим-бека или его злоключения по причине фанатической любви к родине» показал политическую жизнь в Иране в это время. Основная цель романа — показать пороки государственного аппарата абсолютной монархии и пробудить иранцев к борьбе с этим злом. Произведение написано в форме трилогии: первая часть — это дневник странствия по Ирану молодого купца-азербайджанца, проживающего в Египте, его встречи со своими соотечественниками и их жаркие споры о судьбе родины; вторая часть — герой возвращается в Египет, переживает перипетии любви и горячи за унижение Ирана; третья часть — повествование о воспитателе героя, который во сне путешествовал по загробному царству и встречался в Аду с отрицательными элементами общества, а в Раю наслаждался обществом честных и благородных людей. Этот роман был запрещен правительством Ирана к печати.

В 19 веке в персидской литературе возникло новое направление — просветительство; ученые считают, что это влияние европейской (французской) культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Краткая литературная энциклопедия. М., 1975 г.
2. Литературный энциклопедический словарь. М., 1982 г.
3. Журнал «Иностранная литература». М., 1987 г.
4. Словарь литературоведческих терминов. М., 1974 г.